

**СЕРИК
ШАКИБАЕВ**

**РЕЗВЫЧАЙНАЯ
ОМИССИЯ**

**СЕРИК
ШАКИБАЕВ**

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЛЫН»
Алма-Ата — 1978**

Шакибаев Серик.

Ш 17 Чрезвычайная комиссия. [Книга-поиск]. Алма-Ата, «Жалын», 1978.
152 с.

P2

Автор — полковник, почетный сотрудник госбезопасности, в документальных очерках показывает роль А. Джангильдина, первых чекистов республики И. Т. Эльбе, И. А. Грушина, И. М. Кошелева, председателя ревтрибунала О. Доцанова и других в организации и деятельности Кустанайской ЧК. Используя архивные материалы, а также воспоминания участников, очевидцев описываемых событий, раскрывает ряд ранее не известных широкому читателю операций по борьбе с контрреволюцией, проведенных чекистами Кустаная в годы установления и упрочения Советской власти в этом крае.

Адресуется массовому читателю и прежде всего молодежи.

Ш $\frac{70403-240}{408(07)78}$ 18—78

© Издательство «Жалын», 1978

«Это то учреждение, которое было нашим разящим орудием против бесчисленных покушений на Советскую власть со стороны людей, которые были бесконечно сильнее нас... Без такого учреждения власть трудящихся существовать не может, пока будут существовать на свете эксплуататоры...»

(В. И. Ленин)

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Стояли морозные декабрьские дни. После десятилетней службы в Алма-Ате я переезжал в Кустанай на самостоятельную работу.

Край этот я знал мало. Поэтому для начала обратился к справочной, исторической литературе. Меня заинтересовал документальный сборник «Борьба за власть Советов в Кустанайских степях», вышедший в Кустанае в 1959 году. Книга вышла небольшим тиражом — всего пять тысяч экземпляров, быстро разошлась и ныне стала библиографической редкостью. В ней много интересных фактов, сведений, которые дают яркое представление о героике прошлого этого края.

Особенно запомнилось мне имя И. А. Грушина, балтийского матроса, который встречался с В. И. Лениным, внес значительный вклад в дело становления и укрепления Советской власти в Кустанае, работал в ЧК... Хотя фамилия его в книге упоминается часто, однако подробного материала о нем не было. Мне захотелось, чтобы о жизни и деятельности Грушина узнали люди. Так начались поиски. Был собран значительный материал, который мог бы послужить основой очерка о Иване Алексеевиче. Но в ходе работы рамки темы стали расширяться, возникло немало интересных вопросов, ответить на которые можно было лишь после глубокого и длительного исследования.

Работу я решил продолжить, хотя предвидел большие трудности. Дело в том, что все дела органов Советской власти в Кустанае за 1918 год были уничтожены перед занятием города белыми. Естественно, отсутствие нужного архива осложняло осуществление моих замыслов. К тому же я намеревался писать о прошлом Кустаная не роман, где можно было бы дать волю авторскому вымыслу, а книгу очерков из истории Кустанайской ЧК. Мне захотелось посмотреть на прошлые героические события в Кустанае через материалы ЧК. Наметилась тема книги. Но прошли годы, прежде чем стала складываться книга, написать которую я считал своим долгом. Мне казалось, что именно я, посвятивший более тридцати лет жизни борьбе с врагами нашей Родины, обязан написать эту книгу.

В поисках нужных материалов приходилось бывать в партийных и государственных архивах, музеях и библиотеках Москвы, Алма-Аты, Ташкента, Кустаная, выписывать отрывочные сведения, делать запросы, изучать соответствующую литературу, вести переписку с чекистами-ветеранами и их родственниками.

Отмечая огромное значение деятельности ВЧК—ОГПУ в летописи Великого Октября, Ф. Э. Дзержинский писал: «В будущем историки обратятся к нашим архивам, но материалов, имеющих в них, конечно, совершенно недостаточно, так как все они сводятся в громадном большинстве к показаниям лиц, привлекавшихся к ответственности, а потому зачастую весьма односторонне освещают как отдельные штрихи деятельности ВЧК—ОГПУ, так и события, относящиеся к истории революции. В то же время кадры старых чекистов все больше распыляются, и они уносят с собой богатейший материал воспоминаний об отдельных моментах, не имеющих зачастую своего письменного отражения...» И Феликс Эдмундович обращался ко всем старым чекистам с просьбой заняться составлением воспоминаний. Действительно, когда изучаешь какие-либо архивные материалы ЧК, чувствуешь, что недостает живого рассказа очевидца-современника. Другое дело, когда читаешь воспоминания. Тогда острее и ярче представляешь обстановку тех далеких лет, людей, которые не щадя жизни смело вступали в схватку с врагом. Поэтому самой счастливой и ценной находкой исследователя являются воспоминания, а в данном случае — свидетельства старых чекистов.

Примечательно, что герои книги совершали подвиги, будучи совсем молодыми. Например, И. Т. Эльбе было двадцать один год, когда он вступил в РСДРП и занялся революционной работой. И. А. Грушину исполнилось двадцать, и он принял активное участие в установлении Советской власти. В таком же возрасте И. М. Кошелев стал председателем Кустанайской ЧК... Нет сомнений в том, что жизнь этих замечательных людей всегда будет служить примером для нашей молодежи. И если мне в какой-то мере удалось воскресить на страницах книги мужественные облики и дела героев тех далеких революционных лет и если они стали нам ближе и дороже,— считаю свою задачу выполненной.

ДИРЕКТИВЫ ЦЕНТРА

Победив в центре России, Великая Октябрьская социалистическая революция начала быстро распространяться и на национальные окраины. Но здесь власти Советов предстояло решить задачи огромной трудности. В Казахстане, например, надо было вести упорную борьбу с колониальным наследием, политической, экономической и культурной отсталостью. Шествие Октября сдерживали такие факторы, как «господство в ауле патриархально-феодалных отношений, малочисленность пролетариата, слабость местных большевистских групп и организаций. Революция здесь натолкнулась на плотину контрреволюционных, так называемых областных и «национальных правительств», которые были созданы накануне и в дни Октябрьской революции буржуазными националистами и казачьей контрреволюцией»¹.

Буржуазия не хотела сдаваться, она отчаянно сопротивлялась, вела смертельную борьбу с Советами. Войсковое «правительство» оренбургского казачества во главе с атаманом Дутовым совершило контрреволюционный мятеж в Оренбурге, центре Оренбургско-Тургайской области, захватило власть, отрезав районы Южного Урала, Казахстан, Среднюю Азию от Центральной

¹ Сноски см. в конце книги в Примечаниях.

России. Все контрреволюционные силы — белоказаки, белогвардейцы, меньшевики, эсеры, алашордынцы рассчитывали при поддержке иностранных империалистов развернуть вооруженную борьбу против Советской власти, организовать поход на Москву, Петроград. Алашордынцы провели в Оренбурге контрреволюционный, так называемый 2-й общекиргизский съезд баев, мулл и буржуазной националистической интеллигенции, где приняли решение объявить буржуазную автономию казахов, образовать правительство во главе с Букейхановым, создать свои вооруженные силы. Позднее в докладной записке колчаковскому правительству в Сибири он с циничной откровенностью писал, что «постановление съезда было вызвано желанием не допустить возможности развития большевизма в степи»².

Обстановку в Оренбурге хорошо знал В. И. Ленин. Он направил сюда большевика Алиби Джангильдина в качестве Чрезвычайного военного комиссара Тургайской области, поставив задачу установить Советскую власть и организовать Красную гвардию для борьбы с Дутовым. Созданный А. Джангильдиным отряд с боями пробивался в Оренбург.

По указанию В. И. Ленина на Оренбургский фронт отправились отряд моряков под командой мичмана Павлова из Петрограда, красногвардейцы Поволжья, Урала, Сибири. На помощь им выступили красногвардейские отряды Ташкента, Перовска, Казалинска, Туркестана и Арыси³. Борьба шла повсеместно.

В Кустанае, небольшом провинциальном городе, после Февральской революции власть в Совете захватили эсеры и меньшевики. Они враждебно встретили продотряд Василия Чекмарева, прибывший из Петрограда с мандатом В. И. Ленина в конце ноября 1917 года. «Хлеба большевикам не дадим!» — заявили их главы в один голос. Тогда местные большевики с помощью отряда Чекмарева арестовали всех городских управителей, объявили о создании ревкома, роспуске эсерово-меньшевистского Совета и контрреволюционной думы.

Ревком провел большую работу. Первым делом он решил наладить отправку хлеба в Питер, организовать Красную гвардию, разоружить контрреволюционные элементы, готовить созыв первого уездного съезда Советов.

«На всю жизнь,— пишет В. М. Чекмарев в своих вос-

А. Т. Джангильдин.

поминаниях, мне запомнился день, когда был отправлен первый эшелон с хлебом для Петрограда под охраной матросов и солдат... Своему близкому другу И. Грушину я дал персональное поручение: явиться к Владимиру Ильичу Ленину и рассказать ему подробно о создании временного революционного комитета и получить установку о дальнейшей работе»⁴.

Грушин так и сделал. Доложил В. И. Ленину о прибытии хлебного эшелона и положении в Кустанае.

Ильич, тепло прощаясь с Грушиным, просил передать Чекмареву и матросам большое спасибо.

Контрреволюционные элементы не смирились с властью ревкома, повели борьбу с ним, организовали покушение на жизнь Чекмарева.

«В канун съезда,— пишет Чекмарев,— затянулось заседание ревкома до позднего вечера. В половине двенадцатого я вышел из ревкома, направляясь в гостиницу Моринец. В тени от собора встретились двое в солдатских шинелях, которые почти в упор выстрелили в меня. Я схватился за наган и открыл стрельбу. Прибежал патруль, но злодеи успели скрыться. Рука моя была прострелена навывлет»⁵.

Ревком пытался установить личности террористов, но безуспешно. Чекмарев же с очередным хлебным эшелонном, в сопровождении двадцати пяти солдат и матросов, выехал в Петроград. В их отсутствие кустанайская буржуазия добилась созыва городского совещания, на котором выбрала своего представителя штабс-капитана Алекрицкого в состав ревкома.

15—16 января 1918 года в Кустанае состоялся первый уездный съезд Советов. Председательствовал эсер Луб. «Эсеры, меньшевики и баи пытались повести съезд за собой, выдвинуть в президиум, а затем и в исполком только своих людей»⁶, но благодаря усилиям большевистски настроенных делегатов этого допущено не было. Председателем исполкома был избран Л. И. Таран. Но состав исполкома был разношерстный, наряду с бедняками сюда проникли и кулаки, баи. Поэтому внутри исполкома с первых же дней возникли трения. Эсеры и меньшевики старались тянуть исполком на соглашательство с буржуазией.

Между тем политическая обстановка в Кустанае осложнялась, накапливались враждебные силы. В Земской управе, продолжавшей еще существовать, нашлись авантюристы, которые установили связь с местными и бежавшими с фронта белыми офицерами и готовили вооруженное восстание. 18 марта 1918 года они спровоцировали контрреволюционный мятеж. Контрреволюционерам удалось взломать замки и двери оружейного склада и вооружиться. В это время в Совете шло заседание.

Собранные по тревоге железнодорожники-красногвардейцы пытались выручить членов исполкома, но были встречены сильным огнем и вынуждены были отступить. Мятежники захватили железнодорожную станцию и телеграф. Члены исполкома скрывались и перешли на нелегальное положение. Возглавлявший мятеж поручик Мартынюк пытался вызвать белоказаков из

станции Усть-Уйской. Однако наступление на Кустанай красновардейских частей из уральских рабочих под командой Толмачева решило судьбу мятежа. Он был подавлен, его организаторы скрылись.

Обстановка требовала принятия решительных мер. Как нельзя кстати было опубликованное «Известиями ВЦИК» постановление ВЧК от 18 марта 1918 года о создании местных Чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией. Вот что говорилось в этом документе:

«1. Предлагается всем Советам на местах и в районах немедленно организовать означенные... комиссии.

2. Чрезвычайные комиссии борются с контрреволюцией, спекуляцией и злоупотреблениями по должности.

3. Отныне право производства всех арестов, обысков, реквизиций, конфискации и проч., связанных с поименованными преступлениями, принадлежит исключительно Чрезвычайным комиссиям как в г. Москве, так и на местах.

Председатель

Дзержинский

Секретарь

Ильин»⁷.

Это была директива Председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского всем Советам.

В циркуляре ВЧК от 18 марта того же года разъяснялось, что целью создания местных чрезвычайных комиссий является «объявление беспощадной борьбы всем противникам рабоче-крестьянского правительства: контрреволюционерам, саботажникам, подрывающим своим гнусным саботажем сознательную работу нового государственного механизма, и спекулянтам, наживающим за время войны громадные барыши путем наглого ограбления трудящихся масс...

В недалеком будущем Всероссийская чрезвычайная комиссия созывает конференцию, на которой должны будут присутствовать представители чрезвычайных комиссий всех уездных и губернских Совдепов, так что там, где чрезвычайные комиссии еще не организованы, необходимо немедленно приступить к их скорейшей организации...»⁸

Ввиду того, что архивы Кустанайского Совета и его органов за восемнадцатый год не сохранились, обратимся к последующим событиям в области и уезде и попытаемся выяснить, как выполнялись директивы ВЧК в Кустанае.

Как только Оренбург был освобожден от дутовцев, Алиби Джангильдин приступил к созданию советского аппарата и подготовке созыва первого Тургайского областного съезда Советов. Буквально через несколько дней он дал телеграммы местным советским органам: «Прошу именем Совета Народных Комиссаров подвергнуть аресту в случае появления... скрывшихся от революционного суда из Оренбурга Букейханова, Байтурсунова и Омарова... О времени ареста сообщите».

Вскоре состоялся Тургайский областной съезд Советов. Его делегаты направили телеграмму в Совет Народных Комиссаров о том, что они и делегировавшее их население будут по мере своих сил и умения стоять на страже завоеваний Советской власти, проводить в жизнь ее декреты. Съезд рассмотрел хозяйственные задачи и вопросы о создании казахской кавалерийской дивизии, народном образовании, торговле, суде и т. д., решив «возможно скорее организовать следственные комиссии и освободить местных судей от выполнения следственных обязанностей»⁹.

В день окончания работы Тургайского областного съезда в Кустанае открылся второй уездный съезд Советов крестьянских, солдатских и киргизских депутатов. Ему надлежало обновить состав первого, январского, созыва исполкома, засоренного чуждыми Советской власти элементами, показавшими свое истинное лицо во время контрреволюционного мятежа.

Съезд заслушал отчетный доклад уисполкома. Выступивших было много. Разгорелся спор. В конце концов съезд принял резолюцию «О неудовлетворительной работе и неправильной политической линии»¹⁰. Был переизбран исполнительный комитет. Председателем его вновь стал Таран. Однако в состав уисполкома опять попали чуждые элементы. Среди них особо выделялся Луб, вожак кустанайских эсеров.

На съезде вопрос о создании следственной комиссии не рассматривался. Очевидно, указания Тургайского съезда в то время еще не дошли до Кустаная. Однако вскоре здесь произошли острые политические события, которые ускорили образование ЧК.

Накануне съезда Екатеринбургский губернский комитет РКП (б) командировал в Кустанай Панова, Георгиева и Тронова для создания партийной организации в

городе и укрепления уисполкома. Они провели большую работу, что позволило 17 апреля 1918 года на организационном собрании коммунистов города избрать комитет РКП(б). Это стало началом создания кустанайской городской партийной организации.

Обстановка в городе была беспокойной. В местной красногвардейской команде проходили митинги. Ораторы требовали изолировать контрреволюционеров и привлечь их к суду. В частности, указывали на Мартынюка, одного из руководителей контрреволюционного мятежа, который все еще находился на свободе. Настойчивость красногвардейцев и, по-видимому, вмешательство городского комитета РКП(б) повлияли на исход дела. 18 апреля Мартынюк был арестован. Дознание по его делу поручили Перцеву, командиру местной Красной гвардии...¹¹

Вскоре часть членов президиума исполкома разъехались по своим селам, чтобы отметить «святую пасху». Это переполнило чашу терпения коммунистов, которые на созванном тут же собрании постановили распустить уисполком и организовать ревком в составе Панова, Георгиева и Тронова¹². В отрядах Красной гвардии прошли бурные собрания. Подразделение, которым командовал Куценко, решило стать на сторону ревкома. Другое подразделение, возглавляемое Виенко, поддерживало уисполком.

«На другой день в Народный дом были созваны все члены уисполкома и ревкома. На это собрание явился весь полк Красной гвардии. Часть людей находились в здании, остальные — около него. Председательствовать на собрании поручили Н. С. Фролову, уездному военному комиссару. Для избежания вооруженного выступления со стороны членов уисполкома и ревкома Фролов предложил отобрать у них оружие, что и было сделано. Он проинформировал присутствующих о создавшемся положении. После ряда выступлений собрание единогласно постановило влить в состав уездного исполкома весь состав ревкома и вести работу совместно, а из Екатеринбурга вызвать комиссию для разбора дела. Таким образом, в состав уисполкома вошли коммунисты. Панов был избран заместителем председателя уисполкома. После этого уисполком значительно перестроил и улучшил свою работу»¹³.

Именно в этот острый момент, в апреле 1918 года и

была образована в Кустанае уездная Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией под руководством И. Эльбе. Это была первая ЧК, возникшая в 1918 году в Казахстане¹⁴.

Кто же такой Эльбе? Сведений о нем в книге «Борьба за власть Советов в Кустанайских степях» нет. Чтобы ответить на этот вопрос пришлось провести немалую поисковую работу. Кое-что было найдено на месте, в Кустанайском госархиве. В частности, в списках личного состава отделов исполкома по состоянию на 1920 год значился Эльбе Иоган Денисович, 31 год, коммунист с 1905 года.

В кустанайской областной газете «Ленинский путь» от 26 сентября 1968 года я прочитал статью А. И. Щербы, участника событий тех лет. Узнав в редакции его адрес, списался с ним, просил сообщить, что он знает об Эльбе. Щерба ответил, что «в Кустанае была группа латышей, в том числе и Эльбе, Сея и другие, о которых говорили, что это были посланцы В. И. Ленина из Петербурга. Эти люди отличались высокой идейностью и преданностью Коммунистической партии и Советской власти».

Это письмо дало основание запросить Центральный государственный исторический архив в Ленинграде. Оттуда сообщили, что в печатном справочнике «Ведомость справок о судимости», издаваемом Министерством юстиции, за 1911 год значился: «Эльбе Иоганес-Адольф Денисович, 25 лет, из крестьян Лифляндской губ., Юрьевского у., Форбусской вол., родившийся в г. Юрьеве. 1 февраля 1911 г. Петербургской судебной палатой приговорен... к заключению в крепости на 3 года, с зачетом 6-месячного предварительного тюремного заключения».

Можно было предположить, что Эльбе по национальности либо латыш, либо эстонец, и я обратился в госархивы Латвийской и Эстонской ССР.

Архивное управление при Совете Министров Латвийской ССР сообщило, что Эльбе Иоган Тенисович (а не Денисович) за участие в нелегальном собрании в г. Юрьеве 1 сентября 1907 года был арестован и заключен в юрьевскую тюрьму, где находился до января 1908 года.

По данным партархива Института истории партии при ЦК КП Эстонии, Эльбе Иоханес-Адольф Тынисович, по национальности эстонец, действительно в 1905 году со-

стоял членом социал-демократической организации в Тарту.

Уже в 1906 году его фамилия и имя встречаются в алфавите настольного реестра юрьевского городского полицейского управления.

В 1907-1908 годах Эльбе за революционную деятельность был подвергнут тюремному заключению. В 1908-1909 годах был в Таллине редактором легальной профсоюзной газеты «Тээ» (Труд) и входил в состав Таллинского комитета РСДРП. В 1911-1912 годах за революционную деятельность вторично был подвергнут заключению. В 1913 году работал в Нарве в редакции легальной большевистской газеты «Кийр» (Луч). Потом царские власти отправляют его в ссылку. Так в конце 1916 года он оказался в Кустанае¹⁵.

О политссыльных в Кустанае, в том числе об Эльбе, находим некоторые сведения в литературе, изданной в последние годы в Казахстане.

«Только в Кустанае в 1916 году проживало свыше 100 политических ссыльных различных партий. В их числе были видные эстонские большевики И. Кэсперт и И. Эльбе. Здесь они создали нелегальную библиотеку, организовали кружки, в которых изучалась марксистская литература... Ссыльные большевики поддерживали связь с партийными организациями Петрограда, Поволжья и Урала, получали нелегальную литературу»¹⁶.

«С горячим сочувствием к национально-освободительной борьбе казахского народа относились ссыльные большевики в Кустанае, Тургае и Иргизе. Например, по этому вопросу в Кустанае происходили острые споры между ссыльными большевиками и меньшевиками... Разоблачая оборонческие, шовинистические взгляды меньшевиков, большевики выступали в поддержку восставших...»¹⁷

Таковы были отзывы о ссыльных.

В 1918 году Эльбе, за плечами которого к тому времени было уже тринадцать лет революционной работы, назначается председателем Кустанайской следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией. В 1919-1920 годах являлся заведующим отдела труда уездного исполкома и председателем Чека-тифа*. Увы, 12 мая 1920

* Так называлась Чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом. эту комиссию по стране возглавлял Ф. Э. Дзержинский.

года Эльбе сам был сражен этой коварной болезнью, косившей недоедавших, переутомленных людей...

Казалось бы, биография Эльбе восстановлена. Много о нем теперь уже известно. Но мне хотелось найти кое-кого из его родных и главное — его фотографию. Решить задачу помогли органы загса. Республиканское бюро записей актов гражданского состояния ЭССР уточнило отчество Эльбе (Тынисович) и сообщило, что у него было два брата и сестра. Я решил, на всякий случай, поискать их. К удивлению, несмотря на давность лет нашлись сестра и племянник Эльбе. Написал им. Откликнулись оба. Племянник Артур, как и следовало предполагать, почти ничего не знал об Иоханесе. Но зато сестра Эмилие-Минна-Марие Тынисовна Эльбе-Ермакова, которой тогда шел 85-й год, сообщила интересные сведения о брате. Привожу выдержку из письма: «Иоханес был очень талантливый человек, много читал и имел, учитывая его тогдашний возраст, большую библиотеку. Всю эту библиотеку пришлось нам ликвидировать (сжечь), когда Иоханеса лишили свободы. Уже с молодых лет его заинтересовала политика. Но основное его желание было стать писателем. Между прочим, едва перейдя границу юности, он перевел с русского на эстонский «На дне» М. Горького. По своим политическим воззрениям его можно было считать социал-демократом. Во всяком случае, он имел знакомство с местными подпольными кружками, вел активную политическую работу, имел связь с местной политической типографией, распространял политическую литературу, листовки и т. п., в чем помогала брату и я — разносила эту литературу, будучи девочкой».

Сестра прислала фотокарточку революционера — будущего первого чекиста на Кустанайщине. Читатели могут воочию представить себе благородный облик этого замечательного человека.

ЗАГОВОР БАРОНА ШИЛЛИНГА

В ходе поиска судьба свела меня с одним из ветеранов революции, бывшим начальником особого кавалерийского отряда Красной гвардии Ф. И. Мирошниченко, проживающим в Кустанае. Он первый и рассказал мне

И. Т. Эльбе.

об обстоятельствах раскрытия в Кустанае в том же 1918 году шпионского заговора барона Шиллинга...

В Кустанае создавался особый кавалерийский отряд. Когда были решены основные задачи по его подбору, размещению и снаряжению, Мирошниченко пришел к военному комиссару Н. С. Фролову, а затем вместе с ним к председателю уисполкома Л. И. Тарану с просьбой подыскать помощника, который занимался бы строевой подготовкой бойцов.

— У нас есть такой человек! — сказал Таран.

— Кто?

— Барон Шиллинг!

Оказывается, этот барон уже был здесь — просил работу, примем только по кавалерийской части.

Из трехсот бывших офицеров царской армии, числившихся на учете в военкомате, лишь немногие согласи-

лись обучать молодых красноармейцев. Шиллинг, занимавший руководящую должность в организации «Земконь» и имевший военное образование, добровольно вызвался помочь красным командирам в организации занятий бойцов.

— Приходи вечером, познакомишься,— прощаясь с Мирошниченко, сказал Таран.

Когда в назначенное время Мирошниченко пришел в исполком, в приемной увидел молодого человека лет тридцати, среднего роста в кителе без погон с начищенными пуговицами, в хромовых сапогах, офицерской фуражке защитного цвета без кокарды. Незнакомец курил папиросу. От дыма пахло духами. При появлении Мирошниченко молодой человек быстро встал.

— Ваш заместитель! — представился он, поднося руку к козырьку.

Вошел Фролов.

— Ну как? Подходящая кандидатура? — спросил он, кивая на Шиллинга.

Тот, не дожидаясь ответа Мирошниченко, стал рассказывать о том, что служил в кавалерии, знает строевую часть и выразил готовность помочь начальнику отряда в необходимых делах.

— Ну пойдем, посмотрим наше помещение! — предложил Мирошниченко.

— Пешком? — удивился Шиллинг. — И ординарца у вас нет?

— Нет. Незачем мне ординарца иметь! — отрезал Мирошниченко.

Особый кавалерийский отряд размещался на Михайловской площади, находившейся между городом и поселком Красный пахарь. Там стояли кирпичный дом из пяти комнат, занимаемый под казарму, и конюшня. После осмотра расположения отряда Мирошниченко познакомил Шиллинга с его обязанностями.

— Все понятно. Завтра же представляю на утверждение расписание занятий,— заявил Шиллинг с готовностью.

На третий день Военный комиссар вызвал к себе Мирошниченко и как бы между делом заметил:

— Ты смотри, следи за бароном, чтобы он не натворил чего!

Н. С. Фролов еще в 1917 году в городе Баку состоял членом комиссии по борьбе с контрреволюцией и ка-

кое-то шестое чувство подсказывало ему, что надо быть осторожнее с бароном.

А тот уже занимался строевой подготовкой. Жил в городе, на квартире. Как-то дежурный по части доложил Мирошниченко, что к Шиллингу ходит незнакомый мужчина, похожий по выправке на офицера. Помня слова Фролова, Мирошниченко наказал:

— Следи за ними и если что — докладывай.

Однажды перед обедом явился тот самый мужчина и оставил дежурному для Шиллинга бутылку молока и хлеб, завернутый в бумагу. Бутылка была как бутылка, заткнутая бумажной пробкой. Молоко — тоже как молоко. Но что-то насторожило бойца. Он вынул затычку, осторожно развернул бумагу и обнаружил запись: «Дайте мне то, что я у вас просил!» Дежурный передал бутылку Шиллингу и тут же об этом конфиденциально известил начальника отряда. Мирошниченко отругал его за то, что он предварительно не показал ему этого послания.

— Стой на месте и доложи мне, что будет дальше! — сказал он бойцу.

Через полчаса красногвардеец доложил, что барон передал пустую бутылку, чтобы вернуть тому мужчине. Пробка в ней была не та, другая. Развернули листок и ахнули: в нем сообщалось о количестве бойцов в отряде, их моральном состоянии, наличии винтовок и боеприпасов.

Мирошниченко срочно выехал в город и доложил Фролову о подозрительных действиях барона. Тот внимательно выслушал, молча вышел из кабинета — надо полагать, чтобы переговорить с председателем ЧК Эльбе. Вернувшись через некоторое время, дал указание задержать неизвестного, когда он придет за бутылкой, и доставить его к нему. Только сделать все это без шума, секретно, чтобы никто, тем более Шиллинг, не заметил.

Вскоре в расположении части появился тот, кого ждали. И тут бойцы его задержали и доставили Фролову. Потом Мирошниченко слышал, что при обыске в доме, где жил этот шпион, обнаружили списки бойцов и командиров Красной гвардии, данные о количестве оружия, боеприпасов, дислокации частей, материалы о составе уисполкома, о проводимой Советом работе и другие сведения. Сличение почерков показало, что сведения эти написаны рукою барона. В тот же день, к

вечеру, Мирошниченко получил указание задержать Шиллинга.

Барон проводил строевые занятия за Тоболом. Мирошниченко послал к нему бойца, который отозвал Шиллинга в сторону и сказал:

— Вас требует начальник отряда. От него уисполком запрашивает сведения, а они у вас...

Шиллинг, ничего не подозревая, приехал в казарму, где Мирошниченко с двумя бойцами обезоружил и обыскал барона. Шиллинг стал возмущаться, уверять, что его арестовали безо всяких оснований.

Кто и как с ним дальше разбирался, Мирошниченко, к сожалению, не знает.

Примерно дней через десять Мирошниченко был вызван к Фролову. Здесь же находились командир полка Перцев, ротные Виенко, Куценко:

— Следствие по делу барона Шиллинга закончено,— объявил Фролов. — Мое мнение: надо судить и уничтожить как шпиона, заброшенного беляками в наши ряды. Как вы смотрите, товарищ Мирошниченко?

— А как же! — воскликнул Мирошниченко. — Ведь пойман с поличным!

Фролов посмотрел на других командиров.

— Если мы будем щадить шпионов, миловать их, то нам здесь делать нечего,— заявил Куценко.

Фролов попросил секретаря, чтобы зашел председатель ревтрибунала Доцанов, и высказал свое мнение по поводу решения судьбы Шиллинга.

Доцанов начал свой ответ издалека:

— Меня осудили на 25 лет ссылки лишь за то, что заступился за батрачку. А тут нас предают. Судить и уничтожить. И конец разговору.

Решили предать барона Шиллинга суду.

Через несколько дней состоялся судебный процесс революционного трибунала под председательством Омара Доцанова. Мирошниченко на нем не был, но слышал, что ревтрибунал приговорил Шиллинга к расстрелу. После суда ему пришлось выделить двух бойцов для приведения приговора в исполнение. Расстрелом руководил Куценко. Рассказывали потом, что барон перед казнью падал на колени перед Куценко, умолял его, чтобы ему сохранили жизнь. Он говорил: «Пусть все думают, что меня расстреляли, а я буду выполнять ваши задания, узнавать все, что делается у белых и доклады-

вать вам». Но Куценко был непреклонен, приговор был приведен в исполнение.

К сожалению, Мирошниченко о действиях ЧК ничего не знал. Но я разыскал дополнительные данные о раскрытии заговора барона Шиллинга именно чрезвычайной следственной комиссией.

В Кустанайском госархиве хранится уголовное дело на Луба, где имеется протокол допроса свидетеля Кубанцева от 15 августа 1921 года. Он показал: «В 1918 году... я был комиссаром юстиции и, будучи верховной властью в этой отрасли, я был посвящен Чека в методы борьбы с контрреволюцией того времени... Перед падением Кустаная был раскрыт заговор, главарем коего являлся барон Шиллинг и его секретарь, фамилию не запомнил, которые по постановлению военного суда, членом коего был и я, были расстреляны. Причастность Луба к заговору Шиллинга достаточно подтверждалась материалами, поступившими в тогдашнее время в ЧК...»¹

В приговоре объединенного губернского революционного трибунала от 24 декабря 1921 года по делу Луба, в частности, отмечается: «Луб имел связь с бароном Шиллингом, возглавлявшим в 1918 году контрреволюционную организацию, целью которой было свержение Советской власти»².

В рукописях бывшего уездного комиссара юстиции С. С. Ужгина, хранящихся в Кустанайском историко-краеведческом музее, читаем: «Незадолго до падения Советской власти в гор. Кустанае, в первых числах июня следственной комиссией были получены сведения об офицерском заговоре... был арестован барон Шиллинг...»

Пусть архивно-уголовное дело на группу Шиллинга пока не найдено и не все детали дела нам известны, но живые люди и документы донесли до нас, что в то бурное и трудное время Кустанайской чрезвычайной следственной комиссии во главе с ее председателем Эльбе, с помощью командиров и бойцов Красной гвардии, удалось разоблачить преступные происки контрразведки белых. Раскрытие шпионской деятельности барона Шиллинга — одна из интересных страниц истории Кустанайской ЧК.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕВТРИБУНАЛА

Рассказ Мирошниченко о раскрытии заговора барона Шиллинга обратил мое внимание на личность Омара Дощанова. Ведь это он как председатель ревтрибунала оказался на высоте, показал пример, как надо быть беспощадным к врагам Советской власти. Я начал разыскивать и читать все, что было опубликовано в печати о Дощанове. Оказалось, что жизнь и деятельность этого замечательного человека изучена далеко не достаточно, в печати часто пересказывалось напечатанное ранее, притом без ссылки на конкретные источники. Самым значительным из того, что написано о нем, является роман в стихах Тогузакова «Омар Сибирский». Но это художественное произведение. Оно не воссоздает полную документальную биографию Дощанова... Словом, я включился в исследование его жизни, надеясь при этом что-то узнать и о деятельности ЧК в 1918 году, поскольку дела ЧК должны были проходить через ревтрибунал.

Омар Дощанов родился, как пишут до сих пор, в 1857 году во втором ауле Дамбарской волости Кустанайского уезда (ныне Тарановский район, второе отделение Викторовского совхоза). Я же нашел в Центральном госархиве Казахской ССР рапорт, поданный 18 марта 1911 года кустанайским уездным начальником на имя тургайского губернатора, в котором указывается, что Дощанову «от роду теперь 52 года...»¹ Рапорт написан на основе материалов следствия. Очевидно, если тогда Дощанову было столько лет, значит, он родился в 1859 году. Конечно, здесь нет большой разницы. Но чтобы правильно вести дальнейший поиск, считал бы необходимым придерживаться этой даты.

Поэт Касым Тогузаков в предисловии к роману «Омар Сибирский» пишет, что Дощанов в 1866 году, в возрасте девяти лет поступил учиться в Троицк, учился там шесть лет. Мне удалось раздобыть в Ташкентском госархиве копию свидетельства об окончании им Троицкой киргизской школы, заверенную печатью и подписью инспектора татарских, башкирских и киргизских школ. Согласно этому свидетельству, Дощанов поступил в Троицкую школу в январе 1875 года, а окончил ее в сентябре 1878 года, причем с отличными оценками.

Вот выписка из его свидетельства:

Ученик Троицкой киргизской школы Дощанов, сын

киргиза Дамбарской волости № 8 аула Дошана Тлесева, поступил в школу в январе 1875 года, обучался в ней при способностях хороших, прилежании очень хорошем и поведении очень хорошем

русскому языку	очень хорошо
арифметике	очень хорошо
чистописанию русскому	
и татарскому	очень хорошо
истории	хорошо
географии	хорошо

и в сентябре 1878 года выпущен из школы по окончании образования в оной, что удовлетворяется...

13 октября 1878 года².

При наличии такого документа еще больше веришь тому, что Дошанов, по словам Касыма Тогузакова, наизусть знал «Евгения Онегина» Пушкина, читал произведения Некрасова, Добролюбова, Чернышевского и свободно цитировал их по памяти³.

В опубликованных в печати материалах говорится о том, что Дошанов после окончания Троицкой школы поехал работать в другие области. Одни пишут, что он поехал в Восточный Казахстан, другие указывают — в Ташкент, третьи называют Южный Казахстан. Все по-разному. Но я располагаю документами о работе Дошанова в Аулиеатинском уезде. В свидетельстве за № 5290, подписанном исполняющим должность начальника этого уезда, указывается, что «Дошанов, состоя при Аулиеатинском уездном управлении письменным переводчиком 22-го числа ноября 1879 года, возложенные на него обязанности исполнял усердно с пользой для службы и поведения безукоризненного».

Было большой радостью, когда я получил из Ташкентского госархива образец почерка Дошанова. Почерк очень красивый, грамотный. В собственноручном прошении на имя императора Дошанов просил принять и зачислить его на службу по военно-народному управлению. К прошению прилагал свидетельства Троицкой киргизской школы и начальника Аулиеатинского уезда от 28 августа 1881 года. На основании этих документов военный губернатор Сырдарьинской области 9 октября 1881 года написал рапорт на имя генерал-губернатора Туркестанского края с ходатайством об оп-

ределении Дошанова на службу в управление. На рапорте резолюция (очевидно) упомянутого губернатора: «Зачислить Дошанова на службу (подпись) 10 ноября». Затем был оформлен приказ за № 322 от 25 ноября 1881 года о том, что «киргиз Тургайской области Дошанов, согласно прошения, определяется на службу по военно-народному управлению туркестанского генерал-губернатора, с прикомандированием для письменных занятий по Аулиеатинскому управлению».

Анализируя эти документы, можно сделать вывод, что Дошанов получил определенное повышение по службе, но продолжал оставаться в том же, Аулиеатинском уезде.

В ранее опубликованных материалах указывалось, что Дошанов в 1875 году, в 17-летнем возрасте, вступился за молодую женщину, которую бай заставлял вскармливать щенка своей грудью. Это было поводом для расправы с Омаром. Он был оклеветан и осужден царским судом к 25 годам ссылки в Сибирь.

Да, Дошанов был судим царским судом. Это бесспорно. Но в 1875 году, как говорилось выше, он только поступил в Троицкую школу и до конца ноября 1881 года находился на службе. Видимо, с Дошановым это случилось где-то после нового его назначения. Об этом свидетельствует и упомянутый выше рапорт кустанайского уездного начальника от 1911 года, где указывается, что Дошанов был сослан в Сибирь в восьмидесятых годах.

Возникает вопрос, где же конкретно Дошанов находился в ссылке в Сибири? Сибирь — широкое понятие, огромное пространство. Если установить название местности, где Дошанов отбывал ссылку, можно было бы выяснить, кто из революционеров там бывал в этот период и общался с Омаром, его занятия, эволюцию мировоззрения и т. д.

Я послал запросы во все архивы республики, областей и округов, расположенных в этой части страны. Однако ни в одном из архивов Сибири Дошанов не значился, хотя трудно в это поверить. Где-то хоть какое-то упоминание о Дошанове должно быть.

Как-то, возвращаясь в Кустанай из командировки, я остановился в райцентре Федоровка и познакомился с аксакалом Уали Еркебаевым, которому тогда было 88 лет. Узнав круг моих интересов, он рассказал, что в сов-

хозе «Петропавловский» Челябинской области проживает старик Мынайдар Калдаманов, у которого родственник Нуржан Койлыбаев в дореволюционное время отбывал наказание в Сибири и якобы встречался с Омаром Дощановым. «Если найдете Мынайдара, найдете и Нуржана, а у него узнаете, где конкретно он встречался с Дощановым», — закончил старик свой рассказ.

Задал мне аксакал задачу! Установив, в какой район входит Петропавловский совхоз, написал и отправил письмо на имя Калдаманова с уведомлением. Через некоторое время вернулось мое уведомление. Смотрю: письмо вручено лично адресату. Обрадовался, что нашелся человек. Вскоре пришел и ответ. С жадностью читаю. В конце Калдаманов пишет: «...в то время я был еще мальчишкой, не помню, что рассказывал Нуржан...»

В ходе поиска бывают и такие неудачи. Но, как говорят, кто ищет, тот найдет. Все-таки я кое-что нашел.

Из рассказов старожилов выяснилось, что Злиха, старшая дочь Дощанова, родилась в Сибири. Я подумал: если выяснить, где родилась Злиха, можно утверждать, что там был в ссылке и сам Дощанов. Так? Но Злиха умерла в 1964 году, и ее паспорт по истечении определенного времени оказался уничтоженным, согласно существующему положению. Нигде никаких следов о месте ее рождения не оставалось. Опять огорчение! Но поиск продолжался. Мой сослуживец Галихан Маулетов нашел учителя Сафу Салмухамедова, брата мужа Злихи, который в свое время слышал от нее, что она родилась в Иркутской области. Это уже что-то определенное. Поиск можно продолжать в более узких границах.

Теперь о деятельности Дощанова после возвращения из ссылки.

В рапорте кустанайского уездного начальника от 16 марта 1911 года сказано, что Дощанов «по отбытии срока ссылки принят обратно в среду киргиз Дамбарской волости, где, после ссылки, проживает уже более 10 лет в своем ауле...» Если оттолкнуться от даты рапорта, похоже, что Дощанов вернулся из ссылки в 1900 году. Его племянник — Б. Ещанов — в своих воспоминаниях «Борец за счастье народа» пишет: «Вернулся Омар с каторги измученный, постаревший, но политически более зрелый — сказалося влияние ссыльных революционеров. Теперь он имел представление о классовой борь-

О. Дошанов.

бе, знал жизнь других народов и с глубоким уважением говорил о русских революционерах. Бедняк Ахмед Дошанов, Айтпай Утепбергенов, Тасмагамбет Естинов, Ескендир Бермухаметов и многие другие о большевиках, о Ленине, о революции впервые слышали от Омара Дошанова⁴...»

Как видно из рапорта кустанайского уездного начальника, Дошанов 16 марта 1911 года был арестован и привлечен в качестве обвиняемого по ст. 129 Уголовного уложения. (Кстати, И. Т. Эльбе тоже обвинялся по этой статье). Основанием к возбуждению уголовного дела против Дошанова послужили заявления баев о его противоправительственной пропаганде.

При аресте Дошанов отрицал показания баев, выставил своих свидетелей. Уездный начальник пишет в том же рапорте, что «на основании показаний свиде-

лей, допрошенных по просьбе обвиняемого Дошанова, есть основание предполагать, что обвинение основано на вражде, происходящей теперь в Дамбарской волости на почве выборов должностных лиц киргизского общественного управления». Видимо, это мнение уездного начальника имело решающее значение. Дошанов был освобожден из-под стражи.

Как-то в Кустанайском историко-краеведческом музее я познакомился с воспоминаниями старого коммуниста В. С. Редько. Он пишет: «...В бытность мою в г. Кустанае в 1966 г. мне был вручен от коллектива музея сборник «Борьба за власть Советов в Кустанайских степях», где на странице 36 указывается, что вместо Дошанова председателем ревтрибунала назначили Давыденко. Утверждаю, что товарищ Дошанов был председателем революционного трибунала до падения Советской власти в Кустанае, а я был его заместителем. Давыденко ни одного дня не был председателем». Обрадовался я, что нашел человека, работавшего вместе с Дошановым в трибунале, но когда кинулся искать, Редько уже не было в живых. Так постепенно уходят наши ветераны, унося с собой бесценные сведения. Досадно было, что работники музея, знакомясь с воспоминаниями, не уточнили в свое время у него, какие конкретные дела он рассматривал, будучи заместителем председателя ревтрибунала...

Очевидно, сведения о смещении Дошанова с должности председателя ревтрибунала попали в книгу «Борьба за власть Советов в Кустанайских степях» на основании записей С. Ужгина, хранящихся в этом музее. Как видно из них, Ужгин действительно вел борьбу против Дошанова, добивался его смещения. Как раз он и указывает, что вместо Дошанова был назначен Давыденко. Но, как утверждает Редько, Дошанов оставался на своем посту.

Главным обвинением Ужгина против Дошанова было то, что якобы он «все свое внимание, всю энергию товарищей по работе направлял на брачные и калымные споры между казахами, разрешая их на основании шариата и казахского быта. Контрреволюция, поднимавшая голову, очутилась вне поля зрения ревтрибунала...»⁵ Однако приведенные нами факты показывают, что Ужгин был не вполне объективен в этом вопросе. Как относился Дошанов к контрреволюции, видно на примере

дела барона Шиллинга. Что же касается занятости другими делами, то это было скорее не ошибкой, а бедой не только ревтрибунала кустанайщины, но и других местностей в то время. В своей книге «История советского суда» М. В. Кожевников пишет, что «резолуционные трибуналы, созданные как специальные органы борьбы с контрреволюцией и спекуляцией, брали на себя нередко функции общих судов. Некоторые из них, проводя один-другой крупный процесс контрреволюционеров, затем оказывались заваленными мелкими уголовными, а иногда и гражданскими делами...»⁶ Чтобы поправить работу революционных трибуналов, Совнарком принял специальный декрет от 17 мая 1918 года. Но, как пишет Кожевников, они «не сразу освободились от дел им не подсудных». Объяснялось такое положение еще и тем, что уже в ноябре-декабре 1917 года на значительной части территории Казахстана старые судебные учреждения были ликвидированы, рассматривать судебные дела было некому. Вот и приходилось эти функции брать на себя ревтрибуналам.

Мы сейчас точно не знаем принимал ли Дошанов при рассмотрении дел какое-либо решение на основе норм шариата. В своей книге «Возникновение и развитие судебной системы Советского Казахстана» М. Сапаргалиев категорически пишет, что «нормами адата и шариата трибуналы вообще не руководствовались»⁷. В то же время он замечает: «Говоря о суде и некоторых мерах наказания, применявшихся судами в 1917-1918 гг., следует указать на одну специфическую особенность Казахстана. Советское правительство не запрещало советским судебным органам применение норм адата и шариата. Правительство учитывало при этом конкретную историческую обстановку, уровень культуры и сознательности народных масс, бытовые особенности и т. д. Коммунистическая партия и Советское правительство не раз обращали внимание партийных организаций и советских органов национальных областей и республик на необходимость учета в организации и деятельности суда и других учреждений особенностей быта, нравов и обычаев отдельных народов, предупреждали местных работников о вредности тенденции механического распространения всех декретов Советского правительства на территории национальных окраин, где население сплошь неграмотно, не было писанных законов

и обычное право применялось довольно широко. Обстановка диктовала необходимость считаться с особенностями основных масс народа...»⁸

Думается, это положение снимает обвинение Ужигна. Дощанов остался в памяти народа таким, каким был в действительности: человеком исключительного мужества и отваги, честности и справедливости, настоящей опорой аульной бедноты.

ПЕРЕВОРОТ

После Тургайского съезда Советов Джангильдин выезжал в Москву, где встречался с В. И. Лениным и его соратниками. Руководители партии и правительства одобрили деятельность Алиби Токжановича, оказали помощь в создании национального вооруженного формирования. Из Москвы Джангильдин вернулся в Оренбург в конце мая 1918 года не только Чрезвычайным военным комиссаром Тургайской области, но и Чрезвычайным комиссаром всего Степного (Киргизского) края.

Для того, чтобы лучше руководить борьбой с контрреволюцией, исполком Тургайского областного Совета должен был переехать в Кустанай¹. Так стоял вопрос на повестке дня исполкома вскоре после возвращения Джангильдина из Москвы. Действительно Оренбург оказался отрезанным от крупных населенных пунктов Кустанайщины. Нужно было поэтому срочно что-то предпринимать.

Кустанай являлся самым большим из уездных городов. Он служил своеобразным торговым пунктом края. Кустанайский уезд славился своей плодородной землей. Здесь накапливались те излишки хлеба, за счет которых кормилось население области. Добывали в Кустанайском уезде и золото. Местное население знало о залежах каменного угля, железа, асбеста и других полезных ископаемых.

Всесторонне обосновав необходимость перенесения центра управления Тургайской областью из Оренбурга в Кустанай, Джангильдин направил в Совет Народных Комиссаров доклад и сметы областного исполнительного комитета о его финансировании в сумме тридцати миллионов рублей и сразу же начал эвакуацию своего

аппарата в Кустанай. Но пробиться туда он не смог, о чем подробно изложил в письме на имя народного Комиссара по военным и морским делам: «Единственно возможная... дорога... через Кинель, Полетаево и Троицк. Проехав с оружием в руках до ст. Бузулук, тургайский отряд в числе около 46 человек членов облисполкома, служащих и красногвардейцев, должен был из-за наступления чехословаков на Кинель ехать гужевым путем до Богуруслана, оттуда по железной дороге до Уфы. В Уфе я имел свидание с народным комиссаром по военным делам тов. Подвойским. Здесь выяснилось, что на пути нашего следования чехословаками и белогвардейцами заняты ст. Миасс, Полетаево, Челябинск. Решено было попробовать пробиться в область силзми нашего отряда, для чего тов. Подвойский обещал дать пулеметы, патроны и автомобили. Однако после его отъезда из обещанного ничего получить не удалось, так как потребовалось разрешение тов. Берзиня, находящегося в Екатеринбурге, а сообщение Уфы с Екатеринбургом было прервано. Тогда решено было ехать через Симбирск в Екатеринбург, а в пути испросить у Народного Комиссариата по военным делам оружие и деньги для финансирования отряда, с которым можно было бы пройти из Екатеринбурга или с какой-либо станции по дороге к Челябинску через полосу, занятую контрреволюционерами, в Тургайскую область. В Симбирске командующий войсками Иванов выразил согласие снабдить нас оружием и выдать деньги, если будет получено на то согласие Народного Комиссариата по военным делам; телеграмма об этом была послана мною из Симбирска 21 июня на имя тов. Юренева, другая телеграмма на имя тт. Ленина и Юренева. Однако до 24 июня ответа не последовало... если не будут даны теперь же средства для того, чтобы пробиться в область и организовать борьбу с контрреволюционными отрядами внутри того кольца, которым они охватили беззащитный киргизский край... прошу сделать распоряжение о срочном снабжении меня деньгами и оружием для формирования отряда и похода в город Кустанай...»²

Таким образом, поход Джангильдина в Кустанай не удался. К этому времени белочехи совместно с дутовцами, разгромив Совет в Челябинске, двигались к Троицку. Направленный навстречу 16-й Уральский полк, сформированный из Кустанайских красногвардейцев, от-

ступил под давлением превосходящих сил противника. Командование решило распустить бойцов, а командному составу полка уйти в подполье. Все дела, документы были уничтожены.

Контрреволюция Кустаная торжествовала. Местные меньшевики и эсеры вернулись на свои места и отправили делегацию встречать белогвардейцев, прося «пожаловать и помочь водворением порядка в Кустанае». Просьба была удовлетворена, и в город вступил небольшой отряд белочехов из 60 человек и два или три казачьих эскадрона³. Это случилось 23 июня 1918 года.

В тот же день здесь от имени «Комитета народной власти», где орудовали в основном эсеры и меньшевики было опубликовано объявление, в котором предлагалось всем советским работникам явиться в Кустанай для сдачи дел. Некоторые (Таран, Жумарь, Романов, Цыганков, Кугаевский и другие), увидев знакомые подписи, ничего не подозревая, действительно приехали в город и... попали в тюрьму⁴.

Вскоре атаман Дутов издал и разослал приказ о введении в Тургайской области военного положения и образовании во всех ее уездах военно-следственных комиссий и о ведении ими дел на всех лиц, причастных к большевизму. В Кустанае незамедлительно создали следственную комиссию, товарищем (заместителем) председателя которой назначили Мартынюка, только что освобожденного из тюрьмы.

— Теперь власть в наших руках! Теперь мы будем омыwać руки в большевистской крови,— говорил Мартынюк, радуясь при освобождении из тюрьмы. — Я не останавлиюсь, пока собственноручно не расстреляю сто большевиков.

Начался арест всех лиц, причастных к большевизму и не явившихся добровольно. Мартынюк охотился особенно за теми, кто работал в Чрезвычайной следственной комиссии и ревтрибунале.

Однажды, получив данные, что в поселке Калиновском скрывается бывший член уездного исполкома Остапенко, Мартынюк выслал туда группу под командой Черникова. За нею последовал и сам. Он думал, что попал на след работника ЧК. Но перепутал фамилии.

— Нет! Не он! — заявил Мартынюк, когда увидел арестованного Остапенко. Но все-таки предложил кон-

воирам всыпать ему. Конвоиры избили Остапенко прикладами и доставили его в кустанайскую тюрьму.

Мартынюк радовался, когда был арестован в Семиозерной волости Василий Кузьмич Моисеев, член Кустанайского ревтрибунала.

— Ты знаешь меня? — спросил Мартынюк в упор, когда подвели к нему Моисеева.

— Знаю, — ответил тот.

— Почему ты меня знаешь?

— Вы были арестованы.

— Кем?

— Дощановым.

— Ах, Дощановым! — немного подумал Мартынюк. — А кем ты был в Совете?

— Одним из организаторов ревтрибунала и членом чрезвычайки.

— Чрезвычайки по борьбе со спекуляцией... — тянул Мартынюк с ехидцей — и... еще с кем?

— С контрреволюцией.

Через несколько дней Моисеева вызвали на очередной допрос. За столом сидели трое: следователь, председатель следственной комиссии Федорович и его заместитель Мартынюк.

— Пиши! — сказал Мартынюк следователю, встав с места. — Теперь даю показания я: сидящий здесь арестованный Моисеев являлся организатором Красной гвардии...

— Неправда! — прервал его Моисеев.

— Правда. Это было объявлено в газете красной банды. А еще скажу, что сидящий организатор Красной гвардии выносил постановление об освобождении меня из тюрьмы под залог в десять тысяч рублей.

— Неправда! — опять заявил Моисеев. — Покажите это постановление, если оно было.

Мартынюк вскочил со стула, хотел что-то сказать, но его остановил Федорович:

— Довольно, голубчик, довольно вам сводить личные счета!

— Какие еще счета! — вспыхнул Мартынюк. — Пусть ответит, кто расстрелял барона Шиллинга.

— Не знаю, — бросил Моисеев.

— Ух, кровопийцы! — злился Мартынюк. — Неизвестно, что было бы дальше, если бы его Федорович не увел...

Довольно быстро расправился Мартынюк и с Перце-

вым, который допрашивал его в апреле, после ареста за контрреволюционный мятеж. Перцев тоже явился добровольно и тут же был арестован. Но Мартынюк возиться с ним не хотел. «Расстрелян при попытке к бегству,» — написал он на деле и отправил Перцева под конвоем на расстрел. На самом деле Перцев никуда не бежал. Под вечер двое верховых вооруженных шашками, конвоировали Перцева по улице Гоголя в сторону вокзала. Руки у него были связаны за спиной. Прохожие обратили внимание на это шествие. Любопытные пошли следом за ними. Перцев шел твердой походкой, с поднятой вверх головой, ничем не проявляя своего беспокойства. Он и не думал бежать. Пройдя улицу Актюбинскую, белогвардейцы выстрелили один за другим в арестованного. Перцев упал. Один из конвоиров спрыгнул с коня, торопливо снял сапоги с трупа, затем оба быстрым галопом поскакали к центру города.

Месяца два спустя к Мартынюку обратился офицер алашордынской милиции Акжолов, сообщив, что он знает, где скрывается председатель ревтрибунала Дощанов.

— Где?! — обрадовался Мартынюк.

— В своем ауле...

Был срочно собран отряд карателей и в сопровождении Акжолова отправлен для поимки и ареста Дощанова. В этот день он действительно находился в своем ауле. Каратели арестовали его, повезли в Кустанай. Но у Акжолова зудели ладони: он помнил приказ главаря алашордынцев Букейханова: «Коммунистов казахов не щадить!» Бандит учинил зверскую расправу над председателем ревтрибунала. Это произошло в семнадцати километрах от Кустаная, между логами Конай и Ортанбай (ныне земли совхоза «Краснопартизанский»).

... И, корча из себя
Гонца аллаха
Или еще какого божества,
Держа в руках косматую папаху,
Акжолов стал выкрикивать слова:
— Ты большевик!
Большевики немало
В аулах наших натворили зла!
Сейчас, как председатель трибунала,
Ты нам ответишь за свои дела!
Никто не вправе
В этом славном мире
Лишать хозяев пастбищ и воды!

Пока Колчак господствует в Сибири,
Несокрушима мощь алаш-орды!
И в землю вы не будете зарыты!..
Головорез с ладонью свел ладонь
И, грозно глянув на своих джигитов,
Решительно скомандовал:
— Огонь!
Сам отошел в сторонку на два шага,
Туда,
Где кони грызли удила...
Легли на дно глубокого оврага
Пронизанные пулями тела...⁵

КАК БЫЛО...

Фамилия Акжолова, как предателя и убийцы Дошанова, встречается в книге «Омар Сибирский», в других воспоминаниях и статьях. Однако никто не называет его имени и не дает каких-либо сведений о нем. Я предположил, что если Акжолов был реальной личностью, то на него где-то в архиве должно быть дело. Не мог он уйти из поля зрения ЧК. Решил организовать поиск материалов на Акжолова. Но чтобы искать такие материалы, надо добыть хоть мало-мальские дополнительные данные о нем, хотя бы узнать имя, возраст, место рождения или жительства в то время.

На станции Тобол, расположенной в девяноста километрах от Кустаная, живет дочь Дошанова — Алима. Еду к ней. На семнадцатом километре сошел с машины. На месте гибели Омара Дошанова высится памятник. На нем написано:

**Здесь
в августе 1918 года
зверски убит
алашордынцами и
белогвардейцами
первый председатель
Кустанайского ревтрибунала
ОМАР ДОШАНОВ
1857—1918 гг.**

Молча постоял на этом месте несколько минут, мысленно представил себе трагедию, разыгравшуюся тут около шестидесяти лет назад. Меня охватила ненависть к предателю и убийце мужественного сына казахского

народа. Теперь я торопил водителя скорее добраться до дома Алимы и узнать что-нибудь об Акжолове. Но, к сожалению, дома ее не застал: она уехала в соседний совхоз в гости. Оставив на всякий случай номер своего телефона, решил поехать в Тарановский район, к Береке Ещанову, племяннику Омара Дощанова. Еще было светло, когда добрались до Джанбаскуля, отделения совхоза имени Белинского. Береке был дома. Застал я его за вечерним чаепитием. Он оказался отзывчивым, гостеприимным человеком. Мой собеседник знал Акжолова.

— А вот имя его не помню,— сказал Береке.

Что ж, аксакалу восемьдесят лет. Память уже не та.

— Ну, а откуда он родом?

— Из Бурли,— ответил старик не задумываясь. — Выходец из рода коккоз.

Это уже кое-что. Село Бурли находится в Комсомольском районе Кустанайской области. Можно съездить туда, найти людей, знающих Акжолова.

Береке подтвердил, что Омара действительно предал Акжолов. Это знали все в округе. Был Акжолов крупного телосложения, полный, лицом светлый. Вот, пожалуй, и все, что знал аксакал.

Спустя примерно полмесяца среди ночи мне позволила Алима-апай, дочь Дощанова. Сказала, что находится в городе, гостит у сестры Ментай. Утром произошла наша встреча.

...У Омара было пятеро детей: три дочери и два сына. Из них остались в живых только они двое. Алиме исполнилось восемьдесят, а Ментай «разменяла» седьмой десяток. Младшая живет в Кустанае. Занимает двухкомнатную квартиру со всеми удобствами. Государство позаботилось, чтобы дети революционера были обеспечены всем необходимым.

Многое помнила о своем отце Алима. А в конце своего рассказа сообщила, что Акжолов понес справедливую кару: его расстреляли за предательство и убийство ее отца.

— Кто вам говорил об этом? — спрашиваю

— Кажинур Омаров.

— А где он живет?

— Под Алма-Атой, в каком-то совхозе.

Смотрю, ниточка тянется далеко. Искать Омарова или нет, покажут обстоятельства. Важно то, что Аюко-

лов был все-таки наказан, а значит, где-то есть документы и их можно найти. Но где именно? Поделится мыслями со своим сослуживцем Ершатом Ибраевым, часто бывавшем по делам службы в Комсомольском районе. И вот удача! Ехал однажды Ершат туда в автобусе. Оказался рядом со стариком. Разговорились. Аксакал назвался Шайголлой Кенжебаевым. Сказал, что живет в совхозе «Победа». Речь по какой-то случайности коснулась и Акжолова. Собеседник оживился:

— Как же, знал, знал я Акжолова!

По словам аксакала, Акжолова звали Джамилем. Выходец он из рода коккоз. Богатый был род. По тем временам Акжолов считался достаточно грамотным человеком. В период установления Советской власти вступил в ряды националистической партии «Алаш», работал в охране алашордынского правительства. По слухам, являлся делегатом съезда националистов, проходившего в Оренбурге. Акжолов ездил в аул Дощанова под предлогом набора сезонных работников. Там и выследил Омара. Последний раз Кенжебаев видел Акжолова в Бурлях в 1926 году. Когда туда приехал Жанкаса Утепбергенов, один из племянников Дощанова, предатель испугался разоблачения и скрылся. Объявился у своих родственников в Орске.

Поиск немного продвинулся. Но дальше снова преследовали неудачи. Куда бы ни обращался, ответ был один и тот же: нет дела. Вдруг на повторный запрос получаю ответ из Алма-Аты: значит Акжулов Джамиль, уроженец Кустанайского округа, дело находится в Кустанае.

Наконец-то листаю страницы и убеждаюсь, что разыскал-таки дело на того самого Акжолова, которого ищу. Вот ведь как бывает! Исказили фамилию: вместо буквы «о» написано «у». Поэтому и приходили мне отрицательные ответы.

...До революции отец Акжолова имел крепкое хозяйство: около сотни лошадей, более тридцати коров, стопятьдесят овец. Содержал батраков. Джамиль и его брат Ержан как выходцы из состоятельной семьи общались с баями Салыком Рахметовым, Нурпеисом Умбаевым, Нургалием Киякбаевым, поддерживали связи с управителями Сарской и Чубарской волостей, проводили их политику по закабалению беднейшего населения. Избирались аульными старшинами, пользовались неогра-

ниченными правами как в своих, так и чужих аулах, чинили неправый суд над кем хотели, не останавливаясь даже перед убийством непокорных.

С приходом Советской власти оба Акжоловы, а также Рахметов, Умбаев и Киякбаев влились в ряды контрреволюционеров. Еще при Временном правительстве Джамиль стал алашордынцем, ездил по аулам для вербовки джигитов в ряды алашордынской армии, пуская в ход угрозы, подкуп и шантаж. Джамиль командовал отрядом головорезов. Своих подчиненных, как показал один из свидетелей по делу Джамиля Акжолова, он держал в ежовых рукавицах и они его боялись.

В деле имеются показания, изобличающие Акжолова в убийстве Омара Дощанова. В частности, свидетель У. Бексултанов заявил, что Дощанов был арестован Д. Акжоловым и по дороге в Кустанай им расстрелян. Более того, есть данные, что Акжолов участвовал и в убийстве Тарана. И еще... Но об этом «еще» в архивном деле Акжолова данных нет. Я вычитал в другом месте, что Акжолов — участник убийства также Амангельды Иманова. В документальном сборнике «Чекисты Казахстана» опубликован очерк Н. Милованова «Последняя ночь Амангельды Иманова»,¹ написанный на основании материалов архивного дела на вахмистра второго конного полка Тургайского отдела Алаш-Орды Б. Сисекенова, рассказавшего о подробностях убийства Тарана и Иманова с участием Акжолова.

Дополнительное изучение дела Сисекенова показало, что Акжолов являлся членом военного совета Тургайского отдела Алаш-Орды, проводил инструктаж ее милиционеров о порядке проведения мятежа и захвата власти в Тургае, а также подписывал приговоры о расстрелах и принимал непосредственное участие в казнях.

Как видно из материалов дела, Акжолов продолжительное время оставался на свободе. Органами ГПУ было начато уголовное преследование в отношении Акжоловых и других баев. Но оба брата снова скрылись. Пока были арестованы Рахметов, Умбаев, Киякбаев. Несколько позже в Троицке задержали Ержана Акжолова. Все обвиняемые по делу были осуждены, в том числе заочно и Джамиль. Все осужденные отбыли наказания.

В течение второй половины 1918 года и первых месяцев 1919 года в кустанайском уезде назревало восстание против колчаковцев. Готовили его местные большевики во главе с талантливым организатором Михаилом Георгиевичем Летуновым. Они ждали удачного момента. На них работало время, ибо усиливающийся «экономический, политический и национальный гнет, непрерывно ухудшающееся экономическое положение, полный произвол колчаковцев, нерешенность земельного вопроса — все это, как и многое другое, революционизировало крестьянство, усиливало у него антиколчаковские настроения.. Чашу народного терпения переполняли объявленные в марте мобилизация запасных и новобранцев, а также реквизиция лошадей, повозок для белой армии. И этим воспользовались большевики, усилившие свою организаторскую и политическую работу в массах»¹.

Большевики рассматривали подготовку восстания как часть всенародного восстания на Южном Урале и в Сибири. Вопреки общему плану подпольных большевистских организаций, представитель эсеровских боевых дружин А. Жилев в последних числах марта 1919 года организовал нападение на колчаковскую милицию в поселке Долбушинском, а оттуда со своей малочисленной группой (8 человек) и присоединившейся частью крестьян поселка направился в Боровское, где также разоружил и рассеял незначительный отряд колчаковской милиции².

Из-за поспешности Жилева восстание началось явно ранее намеченного срока. Несмотря на это М. Г. Летунов поддержал его, дал указание всем группам и боевым дружинам немедленно прибыть в Боровское на помощь восставшим. Однако Жилев обвинил его в том, что прибыл он в Боровское «на другой день утром, когда с колчаковской властью было все кончено». На этом основании претендовал на положение главнокомандующего повстанческой армией и предложил действительному организатору восстания роль адъютанта. Летунов, стремясь сохранить единство действий, согласился, лишь бы не погубить дела. Начальником штаба был избран Н. И. Милев.

5 апреля 1919 года партизаны освободили город Ку-

станай. Первым делом из тюрьмы были выпущены политические заключенные. Не расходясь домой, они сразу же примкнули к повстанцам. Вечером собрание актива красных партизан избрало революционный военный совет. В него вошли Л. И. Таран, М. А. Виенко, И. А. Грушин, К. М. Иноземцев, М. Г. Летунов, Н. И. Миляев, В. С. Редько и другие. Всего тридцать человек. Реввоенсовет решил поручить Грушину, Селезневу и Журавлевой организовать Чрезвычайную следственную комиссию и разобраться с арестованными белогвардейцами. Председателем ее стал член реввоенсовета Грушин.

Велико было значение Кустанайского восстания. Оно расшатывало белогвардейский тыл. Из всех крупнейших крестьянских движений оно было ближе всего к Восточному фронту, поднялось в период опасного наступления колчаковских войск³, которое началось 4 марта 1919 года против 5-й армии, занимавшей позиции на центральной части фронта. Снятие с фронта ряда частей, направленных к Кустаная, и вызванная этим же отсрочка посылки подкреплений в известной мере помешали Колчаку развернуть боевые операции, а следовательно, усилили фронт красных⁴.

Кустанайским восстанием интересовался В. И. Ленин. В телеграмме Реввоенсовету Восточного фронта он писал: «Узнал про восстание в Кустанае... Надо напрячь все силы на соединение. Что предпринимаете? Посылаете ли к ним аэроплан? Телеграфируйте мне подробно»⁵.

Кустанайское восстание подробно описано в книгах «На переломе жизни», «Красные партизаны Кустаная», «Борьба за власть Советов в Кустанайских степях», монографическом труде П. Пахмурного «Коммунистическая партия — организатор партизанского движения в Казахстане». Но ни в одной из них не приводятся данные о деятельности чекистов повстанческой армии. Только в книге П. Пахмурного вскользь сказано, что они занимались «расследованием деятельности захваченных колчаковцев, а также вылавливанием их агентуры». Тем не менее, этот факт свидетельствует о том, что без такого органа нельзя было вести нормальную работу по организации краснопартизанской армии, которая «за первые четыре дня после освобождения города увеличилась в 10 раз, с 2,5 до 25 тысяч».

Неслучайно был назначен Иван Алексеевич Грушин председателем ЧК повстанческой армии. Это он в нояб-

ре 1917 года приехал в Кустанай в составе продотряда Чекмарева, был активным участником установления Советской власти в городе. Он доставил первый эшелон кустанайского хлеба в голодный Питер и в связи с этим побывал на приеме у В. И. Ленина. Вернувшись в Кустанай, участвовал в работе первого уездного съезда Советов... Безусловно, заслуженный человек! Его имя мелькает в литературе часто, но более или менее полной биографии нет. Скупые биографические сведения, имеющиеся в кустанайской областной библиотеке имени Л. Н. Толстого, меня не удовлетворили. Обнаруженные мной в архиве Института истории партии при ЦК КП Казахстана воспоминания Грушина заканчиваются 1919 годом. Дальнейшая его жизнь нигде не освещалась.

Заведующий общим отделом Кустанайского обкома КП Казахстана, один из членов редколлегии книги «Борьба за власть Советов в Кустанайских степях» К. М. Волочаев подсказал мне, что в Москве живет жена Грушина — Кислова Людмила Николаевна. Мне удалось списаться с ней. Она сообщила, что Иван Алексеевич являлся персональным пенсионером союзного значения, состоял на учете Дзержинского райсобеса Москвы. Перед уходом на пенсию работал в редакции Большой Советской Энциклопедии заведующим производством.

Людмила Николаевна прислала мне несколько фотокарточек Грушина. Комиссия по установлению персональных пенсий при Совете Министров СССР прислала копию автобиографии Грушина и копии характеристик — отзыв о нем коммунистов П. С. Гречко, Н. С. Фролова и В. Заводевского.

Во время этих поисков в кустанайской областной газете «Ленинский путь» от 7 января 1969 года появилась статья Д. Дорофеевой, члена КПСС с 1919 года, персональной пенсионерки республиканского значения, почетной гражданки г. Кустаная. Из статьи стало ясно, что Дорофеева знает Грушина с конца 1917 года, с момента его прибытия в Кустанай в составе продотряда. Я решил побеседовать с ней лично.

Дора Павловна оказалась приветливой и интересной собеседницей и, главное, подсказала, где еще искать о нем материалы. После этого я запросил архивы Ленинграда о Грушине и получил много материалов, внесших ясность во все интересующие меня вопросы.

Иван Алексеевич Грушин родился 25 марта 1897

года в деревне Лютивля Вышневолоцкой волости Тверской губернии (ныне Калининской области) в семье бедных крестьян. Учился в Спировском техническом училище. В 1914 году сгорела деревня, в которой жили родители, и им пришлось взять сына домой, так как нечем было платить за учение. До призыва в армию он работал приемщиком на фабрике Рябушинского. 1 октября 1916 года Грушина отправили в Петроград во 2-й Балтийский флотский экипаж, где он служил до Февральской революции. После нее был избран в ротный комитет. В апреле 1917 года перевели в Кронштадт в школу гальванеров. Обучаясь там, писал заметки в большевистскую газету «Голос правды». Участвовал в июльской демонстрации. Был арестован и сидел сначала в Петропавловской крепости, а затем в «Крестах».

24 октября 1917 года кронштадтский отряд матросов, где служил Грушин, разоружил Ораниенбаумскую офицерскую школу и Петергофскую школу прапорщиков. Ораниенбаум стал советским. Грушин был назначен помощником коменданта города.

15 ноября 1917 года Грушин в составе продотряда был командирован в Сибирь за хлебом для Питера. «Мне достался Кустанайский район», — пишет Грушин в воспоминаниях. Когда он появился в Кустанае, ему было всего двадцать лет.

О своей встрече с В. И. Лениным в декабре 1917 года Грушин пишет так: «...Приехав в Петроград, я сразу же отправился в Смольный. Зашел в секретариат. Доложил секретарю, что я приехал из Сибири с эшелонам хлеба с письмом лично для Владимира Ильича. Отдал письмо секретарю, и она ушла с ним к Ленину.

Секретарь быстро вернулась и попросила меня пройти в кабинет Владимира Ильича. Вошел в кабинет, поклонился. Вид у меня, очевидно, был растерянный, я не думал, что так скоро буду принят. Владимир Ильич, видя мое смущение, встал со стула, поздоровался со мной, усадил на стул и обращаясь к присутствующим, сказал:

— Этот матрос из Кронштадта. Он привез из Сибири эшелон хлеба. Мы попросим его рассказать, как там дела.

Оказывается, у Ильича шло совещание по продовольствию. Я коротко рассказал.

Тов. Ленин внимательно слушал меня. Прочитав письмо т. Чекмарева, он, обращаясь к тов. Шлихтеру, ска-

И. А. Грушин.

зал: «Молодцы матросы! Куда пошли — везде толк! Надо организовать больше матросских отрядов и посылать их на места. Вы, тов. Шлихтер, назначьте товарища эмиссаром продовольствия по Оренбургско-Тургайскому району...»⁶

Вернулся Грушин в Кустанай как эмиссар по продовольствию Оренбургско-Тургайского уезда. Он пишет, «что за время его работы с ноября 1917 года по 15 мая 1918 года из Кустанайского района было отправлено 5 миллионов пудов хлеба для голодающих губерний, что подтверждается рядом документов. Отправка хлеба, — итожит Грушин, — только часть работы. Кроме того, мы, матросы, устанавливали Советскую власть там, где находились».

Грушин вернулся в Кустанай накануне первого уездного съезда Советов и был избран членом уисполкома,

В мае 1918 года части чехословацкого корпуса, сформированного из военнопленных, и белогвардейцы свергли власть Советов в Челябинске. Грушин, как другие кустанайские красnogвардейцы с оружием в руках пошел на фронт. Н. С. Фролов пишет, что Иван Алексеевич в июне «доставил из Свердловска и передал мне как военному комиссару оружие: винтовки, патроны, револьверы и бомбы для борьбы с белыми. Весь июнь 1918 года Грушин был на фронте...»

После захвата Кустаная белыми он был арестован в одном из поселков и доставлен в организовавшийся комитет «народной власти», который и отправил его в тюрьму, где бывший матрос просидел около десяти месяцев. Здесь, в застенке, заболел сыпным тифом. Был приговорен к расстрелу. Внезапное восстание красных партизан принесло ему свободу.

Освободившись из тюрьмы, Грушин сразу же включился в дела повстанцев, был избран членом реввоенсовета и председателем Чрезвычайной следственной комиссии. Но его и других партизан ждала трагедия. Командующий краснопартизанской армией авантюрист Жилев не подчинился решению реввоенсовета послать одну группу на Орск на соединение с Красной Армией, а другой группой наступать на Троицк. Он развел демагогию, упустил время и оставался в городе, обещал «на месте дать отпор врагу и преследовать его до Троицка». Он мечтал о создании «трудовой республики»* с центром в поселке Боровском.

Тем временем Колчак направил на подавление восстания отборные силы. О значении, которое он придавал данной карательной операции, можно судить по тому, что руководство ею было возложено на полковника Сахарова, будущего генерала и военного министра Колчака.

Восьмого апреля белогвардейцы после сильного артиллерийского обстрела пошли в атаку. Кустанайцы мужественно дрались с колчаковцами, героически обороняли город три дня. Однако Жилев самоустранился от руководства обороной, все эти дни отсутствовал в штабе и появился лишь накануне отступления партизан из Кустаная.

Под нажимом членов Совета он вынужден был от-

* Трудовая республика — по понятиям Жилева, своего рода кулацкая «автономия» от центральных властей.

править отряд в 400 человек под командованием Тарана на поселок Семиозерный для очистки путей от белых.

С отрядом уехал и Грушин. Превосходящие силы противника вечером 10 апреля вошли в город Кустанай и учинили кровавую расправу. Через несколько дней в Шолаксае отряд Тарана догнал Жиляев с остатками партизан. Встал вопрос, куда держать путь. «Таран предлагал идти на Тургай, где сохранилась Советская власть, и через него пробраться на Туркестанский фронт для соединения с Красной Армией»⁷. Но в пути Жиляев с отрядом повернул обратно, в поселке Сундуки разгромил сотню карательного отряда, помчался на Боровское, в родные места; но через несколько дней его атаковали превосходящие силы врага, и он вынужден был в беспорядке покинуть Боровское и направиться на соединение с отрядом Тарана. Между тем отряд Тарана, оставленный Жиляевым без продовольствия, испытывав тяжелые лишения, подходил к Тургаю, не зная, что там уже произошел контрреволюционный переворот. Алашордынцам удалось арестовать Тарана, обманным путем разоружить его отряд и повести под конвоем в г. Атбасар, чтобы выдать партизан белым — на верную гибель.

Но в пути, узнав о приближении к Тургаю второго партизанского отряда, алашордынцы бросили партизан и убежали к своим. «Дальше,— пишет Грушин в своем докладе президиуму Челябинского губернского комитета РКП(б),— мы решили разойтись по разным направлениям. Я пошел на поселок Савинский, где был арестован и под конвоем доставлен в Атбасар. Имея поддельный документ на имя Смирнова, беженца-солдата, отпущенного на 6 месяцев, я кое-как отмотался. Еще даже получил из комитета беженцев пособие 8 рублей, уехал из Атбасара в деревню Притычная, откуда пробрался до Кокчетова, а потом на Петропавловск, где прожил неделю. В это время Красной Армией было взято Мишкино, и я решил во что бы то ни стало пробраться туда через фронт, до Кургана. Как раз кто-то разоружил чешский караул, заподозрили подводчиков и меня арестовали, всыпали 25 и, не найдя улики, отпустили на другой день. Приехав в поселок Сычевский, я отдал лошадь, а сам, чтобы еще не влетело, отправился в село Покровское, где и скрывался у крестьян до прихода товарищей. Затем явился в штаб дивизии. Дал честное слово работать

до тех пор, пока все белогвардейская сволочь не будет уничтожена...» Очевидно, именно эта решимость и привела Грушина на пост председателя Кустанайской губчека.

Несколько забегаая вперед, следует сказать, что Грушин после работы в ЧК посвятил себя журналистике, был редактором ряда газет в Кустанае, Оренбурге, Ленинграде, Гомеле, Махачкале. Им написано много статей, выпущено несколько брошюр на общеполитические темы. Еще в 1922 году, работая редактором оренбургской газеты «Степная правда», он издал брошюру «История Жилиевского восстания», посвященную третьей годовщине этого события. Он писал тогда, что «Летунов и Миляев были душой восстания, но Жилиев, воспользовавшись тем, что они не претендовали на роль «главкомов», объявил себя главнокомандующим и так упрочил за собой это название» ...К сожалению, Грушин допустил ряд неточностей и искажений. Впоследствии Грушин учел замечания, сделанные в 1927 году в докладе о партизанском движении в Кустанайском уезде одним из руководителей А. Н. Кальметьевым, и соответствующим образом отредактировал книги «Красные партизаны Кустаная» и «Борьба за власть Советов в Кустанайских степях»...

Несколько слов о Селезнев и Журавлевой, работавших вместе с Грушиным в ЧК краснопартизанской армии. Известно, что Селезнев в прошлом учился в Петербургском политехническом институте, имел звание прапорщика. Журавлева Юлия Яковлевна происходила из бедной семьи, окончила гимназию, учительствовала в Кустанае, где познакомилась с революционно-настроенными Селезневым, Миляевым и другими. В 1918 году принимала участие в работе первого и второго уездных съездов Советов. После захвата Кустаная белогвардейцами ушла в подполье⁸...

В период существования краснопартизанской армии оба они являлись членами ЧК, а Селезнев, кроме того, в отряде Тарана был председателем военно-революционного трибунала⁹. Оба зверски убиты белобандитами в 1919 году.

Алиби Джангильдин — один из тех, кому довелось видеться с Ильичом, беседовать с ним, получить важное государственное задание.

В. И. Ленин встретил Алиби Токжановича приветливо, расспросил о делах, интересовался работой в Казахстане. Владимир Ильич подчеркнул, что «Казахстану должно быть предоставлено право на самоопределение, Советская власть должна оказывать всяческое содействие народам Востока, стать для них родной властью...»¹

Вскоре после этой беседы в Наркомнаце состоялось совещание, в котором участвовал Джангильдин. Было принято важное решение об организации Киргизского (Казахского) Военно-Революционного Комитета. Председателем Кирвоенревкома был утвержден С. С. Пестковский — заместитель народного комиссара по делам национальностей. В комитет вошли также А. Джангильдин, С. Мендешев и другие, всего семь человек².

10 июля 1919 года положение о комитете утвердил Владимир Ильич. Джангильдину и другим членам ревкома выдали удостоверения за подписью Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ленина.

В начале августа 1919 года Кирвоенревком в полном составе прибыл в Оренбург. Затем Джангильдин выехал на Восточный фронт и с 30-й дивизией 5-й армии двинулся на Троицк. Теперь он у цели: скоро Кустанай! Он хотел непременно выполнить решение исполкома областного Совета — сделать город центром области.

...Близок Кустанай. Но прошло более года, напряженного времени и труда, как Джангильдин со своим аппаратом двинулся из Оренбурга на Кустанай. Тот, первый поход был безуспешным. Тогда, исчерпав все возможности прорыва, Джангильдин связался из Симбирска по прямому проводу с Я. М. Свердловым, доложил ему обстановку. Яков Михайлович посоветовал поехать в Москву. Отправив членов Тургайского облисполкома в Казань, Джангильдин прибыл в столицу и с помощью военных специалистов стал изучать возможности похода на Кустанай. В то время белочехи наступали на Казань, и значит, прорыв в тыл противника в этом направлении исключался. Единственный путь в Казахстан открывался

по маршруту Астрахань — Красноводск — Ашхабад — Ташкент³.

Джангильдин стал готовиться к новому походу. Он дал указание членам облисполкома прибыть в Москву, а сам приступил к формированию добровольческого отряда. Но тут обстоятельства вынудили его поспешить в Муром. Надо было выручать членов Тургайского облисполкома, оказавшихся в пекле восстания левых эсеров.

В литературе нет подробностей разгрома штаба Тургайского облисполкома на станции Муром. Автору данных строк, удалось, однако, разыскать в одном из архивов доклад комиссара Тургайской области Н. Токарева от 10 июля 1918 года о событиях тех дней. Вот что тогда произошло.

8 июля Тургайский областной исполнительный комитет с военным штабом и 37 солдатами Тургайской интернациональной роты прибыли из Казани в Муром. Здесь под разными предлогами и отговорками состав задержали, поставив его на четвертый путь между массой других пассажирских и товарных поездов. «Рано утром 9 июля,— пишет Токарев,— меня разбудили два ж.-д. милиционера и заявили, что минувшей ночью город, второй вокзал и главные пункты заняты белогвардейцами, что их всего трое и они ничего не могут сделать: по их мнению, сопротивление бесполезно со стороны всего незначительного отряда, число коего уже всем известно... Я сейчас же разбудил членов исполкома: Чернобаева, Абдулгафарова, Иржанова и других, вызвал к имевшемуся у меня в купе пулемету пулеметчиков, приказал ротному командиру т. Анцеву и другим членам комитета разбудить всех людей и сам с т. Задорожным пошел на вокзал узнать в чем дело.

По дороге до вокзала была масса публики, преимущественно мешочники, высыпавшие толпой на перрон и в промежутки поездов. Часть их была на крыше вагонов, т. к. все поезда были переполнены. Ни на перроне, ни в коридорах, ни в самом здании телеграфа в то время не было еще ни одного белогвардейца. В здании телеграфа оказалось много вооруженного народа, но без белых повязок, очевидно ж.-д. служащие и милиционеры ж.-д., в их числе и те, которые нас разбудили. Не успел я сказать, кто я, меня и т. Задорожного сейчас же арестовали и заперли в отдельную комнату. Через несколько минут после нашего ареста на вокзал прибыли

белогвардейцы и начали распоряжаться совместно с ж.-дорожниками и милиционерами ж.-д. Сколько их было, определить мне не удалось, но, очевидно, очень большой отряд. В это же время все ж.-д. и их милиционеры надели белые повязки. Нас с т. Задорожным силой принудили идти на перрон и оттуда меня поволокли к вагонам, где был мой отряд, рассчитывая, очевидно, что мои люди в меня стрелять не будут... Предложение пустить меня к отряду для переговоров не приняли, и вообще все внимание как толпы, так и белогвардейцев было ко мне. При выходе из здания т. Задорожный затерялся в толпе, и я его более не видел. Мою такую же тактику заметили, и пришлось подчиниться силе... Когда меня подтащили к поезду, картина была такова: белогвардейцы целились в наши вагоны, а в них не было признаков жизни, только в одной тележке я увидел головы своих солдат с испуганными со слез растроеными лицами. Я закричал белогвардейцам:

— Не стрелять! Видите, в вас никто не стреляет...

...Удар по переносице оглушил меня, и что было дальше, уже не помню. Опомился я уже... в комнате телеграфа под охраной часовых, вооруженных винтовками. Туда же стали приводить арестованных из нашего отряда... Когда я пришел в себя, мне предложили умыться и смыть кровь... с лица. Затем меня... обыскали, взяли 7850 рублей... печать мастичную военного комиссара Тургайской области... Обыск производил начальник ж.-д. милиции ст. Муром Ефименко и его люди... После этого собрали всех арестованных из нашего отряда, всего 22 человека с красноармейцами, и отправили в местную тюрьму. Я слышал после моего опроса и обыска их разговор:

— Этого мерзавца, их комиссара, расстрелять в первую очередь!

По пути нашем в тюрьму, публика была сильно озлоблена и требовала немедленного нашего расстрела, не хотела пускать в тюрьму. Помещались мы в нижнем этаже тюрьмы в отдельной камере... 10 июля утром нас освободили наши. Все солдаты вновь воспрянули духом, воодушевились и вновь готовы на все за девиз: «Да здравствует Советская власть!»

При подсчете наших потерь было установлено, что из Тургайского отряда погиб только один часовой... Имущество, дела, документы, запасы вооружения, снаряже-

ния, продовольствия отряда были разграблены мешочниками и толпой...»*

Такова была обстановка, когда Джангильдин, прибыв в Муром с небольшой группой создаваемого им отряда, участвовал в подавлении эсеров-кулацкого мятежа и восстановлении в городе Советской власти. Здесь выяснилось, что военный руководитель Тургайского отряда Нарудский, находившийся среди членов исполкома, был изменником, перешел на сторону левых эсеров и указал им на поезд, в котором следовали члены исполкома вместе с охраной⁴. Несколько позднее, участвуя в подавлении контрреволюционного мятежа в Астрахани, Джангильдин обнаружил Нарудского в числе арестованных главарей мятежа. Предателя расстреляли⁵.

После всех описанных событий был свершен подвиг «красного каравана», ведомого Джангильдиным. Это был легендарный переход интернационального отряда через Каспийское море, безводные степи, солончаки. Часто приходилось пробиваться вперед с боями. Пройдя три тысячи километров в течение двух с половиной месяцев, отряд Джангильдина доставил Актюбинскому фронту, причем в самый критический момент, оружие, снаряжение и патроны, что позволило частям Красной Армии начать наступление на Оренбург. В результате в конце января 1919 года так называемая оренбургская пробка была вторично ликвидирована. Связь Туркестана с Советской Россией была восстановлена⁶... Джангильдин с отрядом прорвался к Тургаю, восстановив там Советскую власть. Затем он участвовал во Всетуркестанском съезде Советов в Ташкенте, выезжал в Москву, где принимал участие в организации Кирвоенревкома... И вот теперь 5-ая армия Тухачевского, где находился Джангильдин, стояла близко к Кустаная.

Девятнадцатого августа 1919 года 311-й полк 35-й дивизии после ожесточенных боев освободил город Кустанай. Однако белые, отступая, отрезали Кустанай от Троицка.

Большевистская группа Кустаная совместно с представителями 311-го стрелкового полка сразу же после освобождения города на организационном собрании 21 августа создала временный военно-революционный комитет под председательством комиссара 3-го батальона

* Копия доклада Токарева находится в личном архиве автора.

П. С. Мамыкина⁷. А спустя десять дней после освобождения ряда волостей, был образован и уездный ревком. Его председателем стал представитель Военно-революционного Совета 5-й армии член партии с 1918 года бывший учитель из Бузулука В. Ф. Дружницкий.

В начале сентября в Кустанай прибыл Джангильдин и провел собрание коммунистов, которые избрали временный комитет РКП(б) города Кустаная⁸, а Челябинское губернское организационное бюро партии постановлением от 27 октября 1919 года утвердило его в составе Аболтина, Грушина, Дружницкого, Миллера, Джангильдина, Усачева и Щербака⁹. После этого он сформировал казахский кавалерийский полк, принимал участие в создании отделов местного управления.

На очередном заседании Военно-революционного комитета, которое состоялось 22 сентября 1919 года, встал вопрос об организации уездной чрезвычайной следственной комиссии. Присутствовали Джангильдин, Дружницкий, Мамыкин и другие члены ревкома, а также посланец штаба 5-й армии Кошелев. Ему ревком и поручил организовать ЧК, в президиум которой рекомендовал ввести Эльбе, Джансарина, Дырко, Пешкова¹⁰, выбранных на партийном собрании. Этот день — 22 сентября 1919 года является днем воссоздания уездной ЧК в Кустанае.

В книге «Борьба за власть Советов в Кустанайских степях» без ссылки на конкретный источник, называется другая дата — 25 октября 1919 года. Явно, здесь допущена неточность, которую надо исправить, тем более, что в областном госархиве хранится список личного состава и служащих кустанайской ЧК по состоянию на 5 октября 1919 года.

Уездная ЧК размещалась на Большой улице, в доме Макарова, неподалеку от Тобола.

Обстановку в Кустанае в этот период ЧК можно представить по сообщению председателя Кустанайского ревкома Дружницкого на губернском съезде представителей, состоявшемся в Челябинске 1 октября 1919 года.

«Работа Кустанайского уезда,— докладывал тогда Дружницкий,— протекает в боевой обстановке. Разбитые казаки под Орском и Актюбинском, разбежавшиеся по степям, начинают концентрировать свои силы. Хотя их штабы далеко, в 18—25 верстах от города Кустаная, но

налеты бывают часто. Каждый советский работник и коммунист после окончания своей работы, кое-как пообедав, берет в руки винтовку и с 4 часов дня до 10 часов утра идет за город в окопы.

Настроение населения Кустаная и его уезда в высшей степени революционное, может разве уступить только кронштадтским матросам...

После занятия города на митинг явились свыше 10000 человек.

Оружия в городе не хватало, а вооружаться желали все способные носить оружие. Крестьяне приходят в ревком и просят им выдать разрешение-бумажку на право отыскания оружия самим. И, действительно, три человека раздобыли столько оружия, что смогли вооружить целый отряд.

Население заявляет, что оно готово немедленно отправить все свои излишки хлеба Центру...

Ревком осаждается толпами арестованных крестьянами предателей, выдавших повстанцев и советских работников...»¹¹

Как видим, работы для ЧК было достаточно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ УЕЗДНОЙ ЧК

У меня уже есть опыт исследовательской работы по раскрытию биографии Эльбе, Грушина... Я не сомневался, что найду и биографию Кошелева. Но где искать?

Обратился для начала в Кустанайский областной госархив. И мне повезло. Не сразу, конечно. Пришлось «перелопатить» немало запыленных дел. Обнаружил уже упоминавшийся список личного состава и служащих Кустанайской чрезвычайной комиссии по состоянию на 5 октября 1919 года. Под порядковым номером 1 значился: Кошелев Иван Михайлович, 20 лет, председатель ЧК.

Очень скоро я разыскал в Омске архивное дело на Кошелева. В нем имелась его биография вплоть до 1945 года. Мне подумалось: жив, жив он! Материалы личного дела подсказывали, что его скорее всего надо искать в Москве, где он работал многие годы. Обратился в адресное бюро столицы. Получаю, к радости, ответ, что Кошелев живет в Москве, по такому-то адресу. Пишу письмо ему. Иван Михайлович быстро ответил: «...Вы на-

пали на верный след. Первым организатором и председателем Кустанайской уездной ЧК по борьбе с контрреволюцией и саботажем в 1919 году был я...»

Между нами завязалась переписка. Постепенно многое прояснилось. В одном из писем Кошелев по моей просьбе прислал свою фотографию 1919 года. Теперь я не только читаю его письма, но и вижу его. Я радуюсь, что раскрыл биографию еще одного замечательного человека.

Иван Михайлович Кошелев родился в Москве в 1899 году. В 1905 году его отец был уволен со службы, как рассказывала мать, за связь с политическими, а через год умер. Ване тогда было всего семь лет. Мать, Устинья Герасимовна, вынуждена была вернуться с ним в родную деревню Чирки-Бибкеево Тетюшинского уезда Казанской губернии. Жили у бабушки. Тут мальчик окончил трехклассную церковно-приходскую школу. Был он рослый, смышленный. В 14 лет мать отправила его в Москву, на самостоятельный заработок. В деревне ведь на одном земельном наделе, да еще безлошадным, делать нечего. Родственник устроил его поначалу посыльным в частную фирму, а потом к присяжному поверенному А. А. Смирнову. Выполняя мелкие канцелярские работы, Ваня имел возможность учиться. Через некоторое время по протекции Смирнова стал переписчиком в нотариальной конторе, одновременно окончил курс машинописи и печатал бумаги.

В 1916 году сдал экзамены на аттестат зрелости в объеме курса реального училища и осенью был зачислен вольнослушателем на юридический факультет Московского университета. Все это время жил у Смирнова, который, будучи старым холостяком, принял большое участие в судьбе Кошелева, оказывал ему материальную и нравственную поддержку. После зачисления в университет Смирнов как юрист помогал юноше овладеть юридической наукой и знакомил с политической литературой.

Кошелев начал посещать студенческие собрания, кружки, писать и распространять прокламации. В ноябре 1916 года у него в комнате произвели обыск и обнаружили заготовленные к распространению листовки. Кошелев был брошен в тюрьму, но через месяц освобожден под надзор полиции, исключен из университета и уволен со службы.

Во время Февральской революции Кошелев принимал участие в демонстрации. А в марте 1917 года заболел и уехал к матери в деревню, где пробыл до сентября. Потом вернулся в Москву и поселился за Пресненской заставой в районе бывших прохоровских фабрик. Среди местных рабочих и на заводе Гужона у него вскоре появились товарищи. Октябрьская революция застала его в этой среде. Вместе с рабочими завода он принимал участие в Октябрьской революции. В одной из перестрелок с юнкерами в бою за Кремль был ранен в ногу. Пролежал беспомощным несколько часов на снегу и схватил воспаление легких. Чуть поправившись, снова уехал в деревню, где после выздоровления уездный Создеп направил его в апреле 1918 года на работу в Тетюшинскую уездную следственную комиссию.

В июле 1918 года чехословацкий корпус занял Самару (ныне Куйбышев). Вооружив красногвардейский отряд и эвакуировав из города все возможное, уездный Совдеп, а вместе с ним и Кошелев, отступил к Казани. Там Кошелев служил в 5-й армии, сформированной на ст. Свияжск, рядовым бойцом. Потом его направили в Чебоксары, в Чрезвычайную комиссию той же армии на чехословацком фронте, в распоряжение М. Я. Лациса*, который назначил Кошелева комиссаром ЧК и использовал для выполнения ответственных заданий. После занятия Казани Кошелев работал во вновь созданной губчека, затем был командирован в Москву, где в сентябре 1918 года оформил свое вступление в партию большевиков; рекомендовали его рабочие прохоровской фабрики. По возвращении в Казань был направлен в г. Тетюши, где стал председателем уездной ЧК. Проработав некоторое время на этом посту, был вызван в ВЧК. Оттуда направлен в распоряжение Политотдела штаба 5-й армии, а там включен в формируемые передовые отряды по организации органов Советской власти в освобожденных от Колчака районах. Попал в один из таких небольших отрядов, предназначенный для г. Кустаная. Его рекомендовали на пост председателя Кустанайской ЧК, как имевшего уже определенный опыт в организации этой службы и борьбы с контрреволюцией.

Перед отъездом из Челябинска отряд собрали у командующего 5-й армией М. Н. Тухачевского на инструк-

* М. Я. Лацис — один из соратников Ф. Э. Дзержинского.

И. М. Кошелев.

тивное совещание. Выступил командующий. Он говорил о тяжелой обстановке на фронте, о задачах, стоящих перед отрядом: прибыв к месту назначения, отряд должен связаться с местными товарищами, особенно с теми, кто находился в подполье, и с их помощью и участием сформировать местные органы власти. Действовать по обстановке, решать вопросы коллективно. Поскольку телеграфная связь действовала с перебоями, работать самостоятельно. В конце выступления Тухачевский предупреждал, что в Троицке наши воинские части уже имеются, а в Кустанае их может и не быть, так как передовые полки, выбив колчаковцев из города, выдвинулись вперед. На всякий случай, сказал он, группе придается отряд красногвардейцев с тремя пулеметами.

В конце августа 1919 года, ночью, в трех теплушках,

отряд прибыл на ст. Кустанай. Руководитель отряда Дружицкий предъявил председателю временного военно-революционного комитета П. С. Мамыкину выданный Реввоенсоветом 5-й армии мандат № 222 от 21 августа 1919 года о назначении его председателем военно-революционного комитета Кустанаея. Уже первого сентября вышел первый приказ Реввоенсовета о передаче всей полноты гражданской власти военно-революционному комитету во главе с председателем т. Дружицким.

Вскоре в Кустанай прибыл отряд Джангильдина. Кошелев вспоминает, что с Алиби Токжановичем ему пришлось встречаться неоднократно: лично и на рабочих совещаниях, до и после общего собрания коммунистов города, которое состоялось 7 сентября.

В своих воспоминаниях, написанных специально по моей просьбе, Кошелев рассказывает об одной из запомнившихся встреч с Джангильдиным в Кустанайской ЧК. «Как-то уже поздно вечером,— пишет он,— возвращаясь из уезда, Джангильдин завернул к нам в ЧК «на огонек». ЧК занимала большой дом (б. хозяина мельницы) на берегу Тобола, и свет его был виден издалека. Джангильдин промерз, и мы решили отогреть его чайком. За чаем разговорились о наших делах. Он интересовался, как мы работаем среди казахского населения. Мы признались, что опыта работы среди кочевого казахского населения у нас нет, не знаем, с чего начать. Тогда Джангильдин рассказал нам, что главная реакционная часть — это бай. Байское влияние очень сильно в среде казахов, оно подчиняет себе казахскую бедноту. Говорил о родовых связях, сильных пережитках и боязливости бедноты. Подсказал, на кого мы должны опираться, кто может быть нашими верными людьми, назвал несколько имен, на кого мы можем рассчитывать в своей работе. Обещал подобрать казаха в аппарат ЧК, так как у нас из казахов никого не было (я называю сейчас «казах», а тогда называли «киргиз»). Для нас советы Джангильдина были новыми, и если я в своей работе чего-то не сделал в Кустанае, то впоследствии они мне оченьгодились в работе и в Семипалатинске, а особенно в Джетысуйской области, в Пишпэке, где байская прослойка была и более могущественной, и многочисленной.

Это, конечно, сравнительно мелкий эпизод. Но он и та обстановка, в какой происходила эта дружеская бе-

седа, живо помнятся мне. Джангильдин был очень тактичен и не удивлялся тому, чего мы не понимаем и не разбираемся в национальных отношениях, стараясь нас просветить и убедить».

Здесь я не останавливаюсь на кознях контрреволюции, раскрытых Кустанайской ЧК в период работы Кошелева. Это уже самостоятельная глава книги. Добавлю лишь, что он проработал в Кустанае до 18 ноября 1919 года, более двух с половиной месяцев. Потом отряд, куда входил он, был отозван в Омск, в Политотдел 5-й армии. С ним отбыл и Дружницкий, который вместе с Кошелевым получил направление в Ново-Николаевск (ныне Новосибирск) с теми же задачами, какие были поставлены перед ними и при поездке в Кустанай.

«На следующий день была сформирована и приступила к работе Ново-Николаевская губчека, председателем которой был назначен я еще в Омске, — пишет далее Иван Михайлович. — Передо мной была поставлена первая задача — борьба с тифом. Нужно было карантинировать всех военнопленных в военном городке, организовать их охрану и лечение оставшимся медперсоналом с тем, чтобы тиф не расползлся по городу. Выполнив эту задачу, ЧК приступила к своей основной работе, так как в городе осталось очень много колчаковских «хвостов». В начале января 1920 года из Москвы для руководства нами прибыл член коллегии ВЧК, одновременно заместитель председателя Чека-тифатов. М. С. Кедров.

По выполнению задач, возложенных на наш отряд, из г. Ново-Николаевска мы были отозваны в Политотдел 5-й армии уже в Красноярск. К тому времени армия Колчака была разгромлена и наш отряд был расформирован. Я был назначен начальником особого отдела 59-й дивизии 5-й армии, дислоцировавшейся в Семипалатинске, и в марте 1920 года мы приступили к ликвидации остатков армии Анненкова, фильтрации капитулировавшего офицерского состава во главе с начальником штаба. По окончании этой работы Семипалатинская группа войск была расформирована и 59-я дивизия передана в подчинение Туркестанского фронта с дислоцированием ее в Верном (ныне Алма-Ата). Передовые части дивизии приняли участие в наведении порядка в городе после ликвидации мятежа, описанного Фурмановым в его книге.

В период передислокации меня вызвали в ВЧК на доклад. Очень скоро меня там принял Ф. Э. Дзержинский. У него в кабинете было три-четыре человека, в том числе М. Я. Лацис, которого я уже знал. Ф. Э. Дзержинский назвал мою фамилию и сообщил, что я принимал непосредственное участие в ликвидации анненковщины. Состояние мое было необычным, так как мне впервые приходилось держать ответ перед самим Дзержинским.

— Давайте послушаем товарища Кошелева,— сказал Феликс Эдмундович,— о том, как все это происходило. Только вы, пожалуйста, расскажите кратко и главное.

Я доложил, но, видимо, не так кратко и не все главное.

— А как был использован материал, полученный в результате фильтрации офицерства? Какие установлены связи? Куда материал передан? — сыпались вопросы в конце моего доклада.

Видимо, мой ответ удовлетворил руководство. Замечаний не было. В заключение приема Ф. Э. Дзержинский сказал мне, что я должен отправиться в свою дивизию, но представиться начальнику Особого отдела Туркфронта Г. И. Бокию в Ташкенте, получить от него указания о дальнейшей работе в соответствии с обстановкой на месте.

Я отправился в Ташкент... Г. И. Бокий сообщил о положении в дивизии, сложившемся за время моего отсутствия, и приказал выехать в г. Верный, к месту дислокации управления дивизии. В конце официального приема Бокий пригласил меня на обед... Г. И. Бокий говорил о том, какая складывается обстановка в борьбе с басмачами в Фергане... о необходимости укрепления наших органов в Семиречье, о задачах борьбы с реакционным семиреченским казачеством, на которое имеет влияние генерал Дутов, укрывшийся в Китае...

На следующий день я выехал в Верный на почтовых лошадях.

Когда полностью стабилизировалось положение в Джетысуйской области, части 59-й дивизии Туркфронта были направлены на ликвидацию басмачества в Фергане. Особый отдел 59-й дивизии был расформирован, а его работники переданы в Семиреченскую губчека. Меня назначили заместителем председателя губчека.

В январе 1921 года я был переведен в г. Пишпек (ны-

не г. Фрунзе) на должность заведующего политбюро Южно-Киргизского сектора. Мой предшественник т. Слуцкий, уезжая из Пишпека, познакомил меня с родными Михаила Васильевича Фрунзе: матерью — Маврой Ефимовной, сестрой — Лидией и зятем — Алексеем Надеждиным. Это была очень дружная, гостеприимная семья. Алексей был геологом, а Лидия — преподавателем. Жили они тогда на окраине Пишпека в своем доме. Я бывал частым гостем в этой семье, во-первых, потому, что у них можно было спокойно поговорить и отдохнуть, а Мавра Ефимовна к тому же была приятной собеседницей, всегда радушно принимавшая гостей, а, во-вторых, мы, чекисты, всегда оберегали покой этой семьи... Связь с семьей Фрунзе у меня была весьма продолжительной и после отъезда из Пишпека. С самим М. В. Фрунзе я познакомился в 1922 году в Москве в его квартире.

В мае 1921 года я был отозван в Ташкент и назначен заведующим политсектором Туркестанской Чрезвычайной комиссии. Но работал там недолго. Через четыре месяца ЦК направил меня в Оренбург, ЧК Киргизской (Казахской) республики. В конце октября 1921 года заболел брюшным тифом, лечился, а потом по состоянию здоровья перешел на работу в народное хозяйство.

До 1927 года находился на руководящих должностях Наркомпрода Казахской ССР, Управляющим Делами Джетысуйского обкома партии в Алма-Ате и в системе «Союзнефть» Узбекской ССР в Ташкенте.

В октябре 1927 года отозван в полномочное представительство ОГПУ Средней Азии, работал в спецотделе, а летом 1931 года направлен начальником группы полномочного представительства ОГПУ Средней Азии, в г. Куляб Таджикской ССР для ликвидации басмачества. После разгрома банд Ибрагим-бека вернулся в Ташкент. Средазбюро ЦК ВКП(б) направило меня в Москву, в Академию соцземледелия. По окончании учебы в 1937 году назначен председателем государственной комиссии по определению урожайности при СНК СССР в г. Ош (Киргизия). Затем переведен на Северный Кавказ в той же должности. С 1937 по 1940 год работал в Чечено-Ингушской АССР в г. Грозном заместителем председателя Госплана, а затем назначен народным комиссаром мясной и молочной промышленности этой республики.

Началась Отечественная война. В июне 1941 года как

чекист запаса был призван и направлен в Особый отдел «смерш». До конца войны служил в Особых отделах 19-й и 22-й армий Западного, Северо-Западного и 2-го Белорусского фронтов. Последнее воинское звание — майор. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны, Красной звезды, медалями «За отвагу» и другими.

В середине апреля 1945 года откомандирован в распоряжение наркома мясной и молочной промышленности СССР с передачей в запас Красной Армии. С тех пор до 1957 года, то есть до ухода на заслуженный отдых, трудился в этом наркомате, затем министерстве в должности заместителя начальника главного управления мясной промышленности Российской Федерации. С 1967 года — персональный пенсионер союзного значения».

Переписку с Кошелевым я установил с февраля 1970 года. Последнее письмо от него получил в конце апреля 1971 года, он поздравил меня с праздником Первого мая. В 1972 году я ему выслал заказную бандероль с книгой, которую он хотел иметь, но бандероль моя вернулась с пометкой: «Адресат умер 15 ноября 1972 года».

В одном из писем в конце 1970 года Иван Михайлович писал мне: «Будете в Москве, прошу навестить нас, будем рады, как хорошему кунаку. Пишите, чем еще могу помочь Вам».

У меня были некоторые вопросы, требующие уточнения. Они так и остались невыясненными. От нас ушел замечательный человек, коммунист, чекист, оставив добрый след в народной памяти.

ПЕРВЫЕ ДЕЛА ЧК

В материалах I уездного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов найден отчет о деятельности кустанайской городской и уездной советской милиции с 1 сентября 1919 года по 7 января 1920 года. Там есть такая запись: «Сколько составлено протоколов по контрреволюции? По городу — 156, по уезду — 395. Сколько арестовано контрреволюционеров? Точных сведений нет, ввиду того, что контрреволюционеры направляются в следственную комиссию...»¹

Как видим, за короткое время только органами милиции в помощь следственной комиссии составлен 551

протокол. А каждый протокол — основание к возбуждению дела. По ним Чрезвычайной комиссией проводились разбирательства, возбуждались уголовные дела, осуществлялись обыски и аресты. А сколько было сигналов, заявлений от граждан о контрреволюционных преступлениях, поступивших непосредственно в ЧК, помимо милиции?!

В своей работе ЧК исходила, прежде всего, из указаний Коммунистической партии по борьбе с контрреволюцией. Большую роль сыграло опубликованное в газете «Правда» обращение Председателя Совета рабочей-крестьянской обороны В. И. Ленина и Наркома внутренних дел Ф. Э. Дзержинского «Берегитесь шпионов!» В этом документе говорилось:

«Смерть шпионам!

Наступление белогвардейцев на Петроград с очевидностью доказало, что во всей прифронтовой полосе, в каждом крупном городе у белых есть широкая организация шпионажа, предательства, взрыва мостов, устройства восстаний в тылу, убийства коммунистов и выдающихся членов рабочих организаций.

Все должны быть на посту.

Везде удвоить бдительность, обдумать и провести самым строгим образом ряд мер по выслеживанию шпионов и белых заговорщиков и по поимке их...»²

Еще не утихли сражения гражданской войны. Белые, бесчинствовавшие в уезде более четырехсот дней, вполне могли рассчитывать вернуться в Кустанай и в этой связи оставить тут или направить сюда своих шпионов. Разве не об этом говорит прошлый опыт работы ЧК по раскрытию шпионского заговора барона Шиллинга?

«Все сознательные рабочие и крестьяне должны встать грудью на защиту Советской власти, должны подняться на борьбу со шпионами и белогвардейскими предателями. Каждый пусть будет на сторожевом посту в непрерывной, по-военному организованной связи с комитетами партии, ЧК, с надежнейшими и опытными товарищами из советских работников»³.

Призыв вождя рабочие и крестьяне приняли на вооружение. Они нередко задерживали белогвардейских лазутчиков и доставляли в ревком. Это было большой помощью чекистам. И. М. Кошелев вспоминает, что население города и уезда помогало ЧК выкорчевывать

контрреволюционные элементы, предателей, вражеских пособников.

Вскоре после утверждения Кошелева на заседании ревкома в должности председателя ЧК, 24 сентября 1919 года появилось дело на учителя Федорова. Основанием к расследованию его действий послужили протокол от 20 сентября 1919 года, составленный начальником милиции 1-й части Кустаная Петренко, и заявления И. Грушина, Г. Цабенко и Ф. Захарова от 24 сентября. Первый из заявителей показал, что Федоров прибыл в Кустанай из Троицка 20 июня 1918 года, накануне падения Советской власти вместе с комиссаром Троицкого отдела народного образования Волковым. После захвата города белыми предатель выдал им Волкова, который был тут же отправлен в тюрьму, а затем расстрелян. Еще до вступления в Кустанай белочехов и белогвардейцев Федоров вместе с офицером Иконниковым организовал добровольческий отряд, с помощью которого арестовывал членов исполкома Кустанайского Совдепа. 20 июня на городском митинге Федоров совместно с белым офицером Скурлыгиным избил двух красноармейцев и доставил их в тюрьму. Обе жертвы Федорова были расстреляны.

Свидетель Кондратьев заявил, что лично видел, как Федоров после прихода в город белых бежал с винтовкой и обезоруживал красноармейцев. На очной ставке свидетель Цабенко добавил еще, что Федоров посадил его в тюрьму, отобрав 200 рублей. Избежал казни Цабенко благодаря случайности. После того как в Кустанай вошли части Красной Армии, Федоров и не думал скрываться. Он как ни в чем не бывало явился на съезд учителей и выступил с трибуны.

Президиум Кустанайской ЧК под председательством И. М. Кошелева рассмотрел дело на Федорова.

По заявлениям граждан села Шеминовки 30 сентября 1919 года начато уголовное дело по обвинению Забело в предательстве тридцати красных партизан. После разгрома колчаковцев он скрылся. Но позже его все-таки задержали чекисты.

Забело не стал заперяться и рассказал, что он после падения Советской власти в Кустанае поехал в Озерное, где находился казачий штаб, встретился с офицером и предложил ему «маленькое дело», которое решало судьбу тридцати партизан. Среди них были Рахман, Мар-

тынов, Личко, Саламах. Это они разобрали часть железнодорожного пути на станции Рязановка, надолго задержав движение вражеских составов с военными грузами и живой силой. Забело рассказал белоказакам, где находятся партизаны. Целую неделю ждал предатель, пока карательный отряд не поехал вершить свое черное дело...

Дело на предателя Яценко возникло в октябре 1919 года по заявлениям жителей села Рязановки Шеминовской волости. Они рассказали, что весной, когда против колчаковцев поднялись повстанцы, рязановцы на своем сходе решили мобилизовать на борьбу с белыми всех мужчин в возрасте до 45 лет и начали сбор пожертвований продуктов, в основном хлеба. В это время на село нагрянул белоказачий отряд. Яценко выдал замыслы своих земляков и способствовал аресту и расстрелу двух партизанских разведчиков, избивал других повстанцев. Сам предатель не признавался в преступлении, в заявил, что во всем виновата Фиона Семеновна Тоценко. В целях проверки его показаний, чекисты задержали эту женщину и провели сход жителей Рязановки, которые заступились за Фиону Семеновну, подтвердив предательство Яценко.

В те же дни расследовалось и дело Татаевой, обвиненной в предательстве. Задержал ее Трактовый волостной ревком Кустанайского уезда. Она предъявила фиктивные документы, назвавшись Дарьей Кузьминичной Рыковой, жительницей Тамбовской губернии и объяснила, что едет с четырьмя своими детьми в Троицк. Но ее опознали односельчане. На самом деле это была владелица паровой мельницы из Татьяновки Воробьевской волости Кустанайского уезда. В ходе следствия выяснилось, что накануне восстания она выдала белым 28 повстанцев, из которых 14 были расстреляны, а остальные сумели скрыться. Дома тех, кого назвала Татаева карателям, были сожжены дотла. Когда отряд Жиляева проходил через село, предательница поспешила в Кустанай с доносом. Вскоре в Татьяновку прибыл отряд белоказачков и Татаева выдала им отставших от своего отряда больных бойцов Кисюрина и Касаткина. Оба они были изрублены казачьими шашками.

Так, благодаря бдительности крестьян и ревкомовцев преступнице не удалось скрыться, уйти от возмездия. Чекисты узнали, что эта женщина в период колчаковщи-

ны сожительствоваала с прапорщиком Галенко, который присвоил реквизируваннх у населения лошадей и продал их. На эти деньги Татаева и купила мельницу.

Сама Татаева, касаясь обстоятельств предательства, показала, что за неделю до кустанайского восстания она ехала из Кустанаа домой. Вместе с ней были Галенко и полковник Гиппиус, путь которых лежал в Воробьевку. Там они намеревались реквизирувать лошадей у крестьян. Полковник остался в этом селе, а Татаева со своим любовником поехала в Татьяновку. Тогда-то хозяйка мельницы и узнала, что татьяновцы готовятся к выступлению против Колчака, и сообщила об этом полковнику Гиппиусу.

Следствие вел И. М. Кошелев.

— А как было дело с Кисюриным? — спросил он обвиняемую.

— А что? Казаки привели его в мой дом. Я сказала, что он большевик, и его изрубили шашками.

Кошелев внес по делу постановление. По получении санкции от Челябинской губЧК приговор был приведен в исполнение.

Вот еще одно дело.

Крестьянин села Аральское Письмак поначалу был в рядах повстанцев, но потом укрылся в своем доме. А когда временно верх взяли белоказакИ, этот иуда предложил свои услуги колчаковцам. Те назначили его начальником отряда по розыску и задержанию дезертиров белой армии. Вечерами он водил казаков по домам партизан, спокойно наблюдая, как беляки издеваются над женами повстанцев и творят другие бесчинства.

На допросе Письмак отрицал все это. А потом, на очной ставке, вынужден был признаться. И получил по заслугам.

Был наказан и земляк Письмака псаломщик Севастьянов. Он выдавал белобандитам крестьян, не желавших служить в колчаковской армии. Арестованный по его доносу и чудом оставшийся в живых житель села Аральское Музыка впоследствии рассказал: «Мою жену били прикладами, отца и мать пороли нагайками, брата убили, наше имущество разграбили».

Это лишь часть дел, которые вели чекисты, ставя перед собой цель выяснить правду во имя торжества справедливости, разоблачить и наказать зло. Вместе с

тем, документы свидетельствуют и о стойкости, мужестве людей труда, их готовности пожертвовать собой во имя светлого будущего, во имя счастья людей.

ДЕЛО ПОРУЧИКА

Много заявлений поступало в уездную ЧК. В них назывались пособники колчаковцев. Рассматривая эти документы, председатель ЧК И. А. Грушин пришел к выводу, что не следует распылять свои силы и расследовать каждое заявление. Конечно, надо было взять на учет тех, кто враждебно относился к Советской власти, проводить соответствующую работу. Притом не всегда заявления были объективны. И чекисты поэтому нередко отвлекались от решения более сложных и важных вопросов. Иван Алексеевич высказал свои соображения партийным и советским работникам и те согласились с его доводами. Так появился приказ исполкома уездного Совета, изданный в начале апреля 1920 года, где говорилось: «В последнее время все более усиливается подача жалоб и заявлений от граждан на бывших соучастников Колчака и на лиц, имевших симпатии к колчаковцам. Чаше всего жалобы подаются из-за личных счетов между собой и мелких дразг. Причем большинство поданных жалоб указывают на действия, относящиеся к 1918 году.

Кустанайская следственная комиссия, считая настоящий момент временем строительства новой жизни, временем, когда все должны напрячь свои силы на создание пролетарской республики, находит нужным призвать граждан к забвению прежних обид и преступлений, которые делались бессознательно под науськивание Колчака, просит всех граждан не зарываться в личные обиды и всеми средствами отстранять от себя возможность эгоистических конфликтов.

Чека предупреждает, что всякий, сделавший контрреволюционный шаг теперь, строго ответит перед судом ревтрибунала.

Не сведением личных счетов, а бдительностью мы уничтожим остатки подлинной контрреволюции...»¹

В числе других приказ подписал И. А. Грушин.

Население с одобрением встретило этот призыв, о чем свидетельствовало уменьшение количества заявлений, о которых говорилось выше. Таким образом, у че-

кистов появилась возможность вести работу по розыску скрывавшихся от возмездия таких контрреволюционеров, как поручик Мартынюк, штабс-капитан Алекрицкий, вожак местных эсеров Луб...

Вскоре ЧК получила сведения о том, что Мартынюк, заметая следы, пробрался в Красную Армию и служит комендантом штаба 51-й стрелковой дивизии. И. А. Грушин дал телеграмму в Особый отдел 5-й армии с просьбой арестовать Мартынюка и отправить его в Кустанай.

Пока шли поиски Мартынюка и ему подобных, многое изменилось в стране. Недолго длилась мирная передышка. Антанта начала новый поход, натравив на молодую Советскую Республику буржуазно-помещичью Польшу. В Крыму предстояло добить барона Врангеля...

В это время в стране проходило преобразование уездных ЧК, которые стали входить в структуру уездной милиции, однако подчинялись губернским ЧК, работая по их заданиям и под их контролем. Непосредственное же руководство деятельностью ЧК в уезде осуществлялось помощником начальника милиции. На эту должность в Кустанае был назначен Ефим Антонович Мирошник. Это был молодой человек. Ему едва к тому времени исполнилось двадцать четыре года, но он уже являлся одним из руководящих работников ЧК.

Дело Мартынюка поручили хорошо зарекомендовавшему себя уполномоченному ЧК Алексею Макарову Кубанцеву. На первом допросе он выяснил биографические данные поручика. Мартынюк окончил учительскую семинарию и два курса юридического факультета университета. Затем служба в армии. Иркутская школа прапорщиков. Участие в первой мировой войне. После февральской революции прибыл в Кустанай для прохождения службы в 246-м запасном полку, где являлся секретарем, а потом товарищем председателя полкового комитета. После Октябрьской революции встал на сторону белых. С 23 июня 1918 года — товарищ председателя колчаковской следственной комиссии.

— Вы арестовывались в Кустанае в восемнадцатом году? — задал вопрос Кубанцев подследственному.

— Да, меня арестовывал уездный исполком восемнадцатого апреля.

— За что?

— За то, что якобы я участвовал в восстании против Советской власти.

— Почему «якобы»? Разве вы отрицаете, что под вашим руководством в Кустанае был организован контрреволюционный мятеж?

— Мятеж под моим руководством? — удивился Мартынюк. — Конечно, отрицаю. Ничего подобного не было.

— А что же было, по-вашему, восемнадцатого марта в Кустанае?

— Что было? Были какие-то беспорядки. Как помню, в тот день я был на заседании полкового комитета двести сорок шестого полка. Часов в одиннадцать утра слышалась ружейная стрельба где-то у Народного дома. Я с другими членами полкового комитета пошел по Большой улице к Народному дому, чтобы узнать, что случилось...

— Даже так! — не утерпел Кубанцев. А не лучше ли вспомнить, какую телеграмму вы пытались отправить в тот день и куда?

— А, вот вы о чем. Могу объяснить. Когда начались беспорядки, толпа самочинно ворвалась в магазин бывшего владельца Каткова. Все, кто там был, стали растаскивать оружие. В чем дело, думаю. В это время ко мне подошел председатель союза увечных Лапин. Стал кричать, что из исполкома все убежали через задний двор на станцию и что необходимо телеграфировать в троцкий союз увечных воинов о задержании члена исполкома Кононова. Я взял извозчика и вместе с оказавшимся около нас реалистом Пальчиковым, который был вооружен винтовкой, поехал на почту. Там я написал телеграмму в Троицк союзу увечных воинов или в другую организацию, точно не помню. Но, кажется, союзу. Забыл содержание телеграммы, но смысл ее был таков: задержать поезд с уехавшим исполкомом. Но служащий отказался принять у меня телеграмму. Я не настаивал и сразу же ушел к себе на квартиру. В этот день я никуда больше не ходил.

— Позвольте,— остановил арестованного Кубанцев,— какое имеет отношение к Кустанайскому исполкому союз увечных воинов в Троицке?

Чувствовалось, что Мартынюк едва сдерживает волнение.

— Не знаю,— попытался он говорить спокойно. — Над

этим я тогда не задумался. И вообще своим действиям отчета не давал. Признаю их просто глупыми.

— Только и всего?

Хорошо зная материалы дела, Кубанцев понимал, что Мартынюк постарается увести следствие в сторону, будет отрицать свое участие в мятеже, намереваясь в то же время выведать, какими материалами располагают чекисты о действиях кустанайских контрреволюционеров. Но Кубанцев стремился постоянно держать поручика в напряжении, задавая такие вопросы, которых тот не ждал.

— Значит,— говорил Алексей Макарович,— вы после посещения телеграфа из дома никуда не ходили? А между тем, в тот же день вас видели на собрании в помещении иллюзиона «Фурор». Как понимать в таком случае ваши показания?

Мартынюк смутился.

— Ах да, вспомнил! — проговорил он. — Когда я вернулся на свою квартиру, ко мне зашел милиционер и передал предложение бывшего начальника уездной милиции Козмотуло, чтобы я как товарищ председателя полкового комитета явился в помещение иллюзиона, где собравшийся народ обсуждал вопрос о выборе комитета по охране города, так как исполком выехал. Когда я пришел, увидел там из более видных и знакомых мне деятелей офицеров Козмотуло, Байгузенко, Григорьева, Алекрицких. При мне они приступили к выборам комитета. Выбрали и меня. Надо, однако, оговориться, что сделано это было помимо моей воли. В дальнейшем в заседаниях комитета я участия не принимал.

— Когда и как вы были освобождены из тюрьмы?

— Ровно через два месяца, то есть восемнадцатого июня. Освободил меня Луб.

— Вы, конечно, не станете отрицать факт своего назначения товарищем председателя следственной комиссии белых после вашего освобождения из тюрьмы?

— Не отрицаю.

— Расскажите, как это было?

— В следственную комиссию я был назначен начальником гарнизона капитаном Цветковым. Вместе со мной были также назначены в комиссию от военных — прапорщики Ашанин и Чурин, от прокурорского надзора — Малько и Федорович, от города — Деревянных, Вадя-

сов и Лебедев и от организаций — Матвеев, Слесарев и Назаров. Последний был представителем партии «народной свободы». Председателем комиссии был Федорович. Члены комиссии периодически менялись...

— Что вы можете рассказать о действиях комиссии?

— В ее функции входил разбор политических дел. Если то или иное лицо считалось опасным, то оно содержалось три месяца в тюрьме. Инструкции комиссии сначала давались областным комиссаром Матвеевым. Более определенные положения и инструкции о следствиях были получены несколько позже, в сентябре, от Сибирского Временного правительства. По этим инструкциям все ранее освобожденные красноармейцы вновь арестовывались и направлялись в лагеря. Лица, занимавших ответственные должности при Советской власти, и комиссаров предписывалось задерживать до Учредительного собрания. Если эти лица совершили преступления уголовного характера, то предавались окружному суду. Никаких других решений о наказаниях следственная комиссия не выносила. Допрос производился членами следственной комиссии. Я с задержанными обращался гуманно и совершенно беспристрастно, протестовал против расправы, побоев и издевательств со стороны конвоиров-казаков. Как вели себя при допросе остальные члены комиссии, мне неизвестно. Думаю, что они относились к задержанным беспристрастно, за исключением разве Федоровича, который иногда позволял себе дерзости по отношению к арестованным...

— Ваши слова несколько расходятся со сведениями, которыми располагаем мы,— остановил разглагольствования Мартынюка Кубанцев. — Материалы свидетельствуют как раз о негуманном отношении с вашей стороны к задержанным, как вы позволили выразиться.

— Но если к тому или иному арестованному я бывал иногда и пристрастен, то это объясняется теми положениями и инструкциями, которые были мною получены.

— Это уже ближе к действительности,— заметил Кубанцев. — А теперь попрошу рассказать, каким образом вы оказались в рядах Красной Армии. Только покороче. И только правду.

— Постараюсь... Начиная с сентября восемнадцатого года я наряду с работой в следственной комиссии занимал должность командира батальона сорок четвертого стрелкового полка. В январе девятнадцатого со сво-

им батальоном я выехал на фронт под Уфу. Под Абдуллино был легко ранен, врач Миронычев без разрешения командира полка эвакуировал меня на излечение в Кустанай. За это меня вместе с врачом предали военно-полевому суду, но благодаря скорому отстранению от должности комполка Хобрянского дело было прекращено. В октябре я заболел тифом и был эвакуирован в Ново-Николаевск, где оставался до занятия его Красной Армией. Тогда и явился на регистрацию в двадцать седьмую дивизию, после чего мне была дана отсрочка до нового года, то есть на две недели. По истечении этого срока я явился в комендатуру военного городка. Как специалиста военного дела меня назначили помощником начальника команды по сбору оружия. Но фактически работал при управлении коменданта штаба пятьдесят первой дивизии в качестве специалиста по строевой части. С восемнадцатого января исполнял должность коменданта штаба дивизии. Здесь служили бывшие офицеры, известные мне по германской войне.

— Все бывшие да бывшие... Они вам и помогли пробраться в Красную Армию?

— Не без того,— выдавил Мартынюк.

На этом Кубанцев решил закончить первый допрос Мартынюка, еще раз осмыслить материалы и первые показания арестованного и подготовиться к очередному, но уже наступательному допросу.

Зашел с протоколом к Мирошнику. Посоветовавшись, оба решили выложить перед Мартынюком все имеющиеся в распоряжении следствия сведения, чтобы ошеломить его обилием материалов, подавить морально и получить признания об организаторской роли поручика в контрреволюционном мятеже и зверствах колчаковцев в следственной комиссии.

На следующий день Кубанцев снова вызвал Мартынюка.

Первый вопрос:

— Не кажется ли вам странным вчерашнее поведение?

— Не понимаю вас,— продолжая разыгрывать роль оклеветанного, сказал Мартынюк.

— Вчера вели себя так, будто находитесь в городе, где вас никто не знает. Ведь вы прибыли в Кустанай, где у вас много знакомых, и любой из них может стать свидетелем по делу. А это не в вашу пользу. Уверяю вас.

— Я знаю, где нахожусь, и говорю правду. Не понимаю, чего вы хотите от меня.

— В таком случае послушайте, что говорят о вас люди. Вы, конечно, не забыли Ивана Алексеевича Грушина?

— Не забыл. Знаю.

— Хорошо. Читаю его показания. Прошу послушать. «В 1918 году, в марте в Кустанае был поднят мятеж против Советской власти, которым руководил поручик Мартынюк. Я в то время был эмиссаром по продовольствию в Кустанайском районе, и что происходило здесь, могу описать точно... Мятеж был подавлен, и Мартынюк посажен в тюрьму в апреле. А в июне 1918 года, благодаря бунту чехов, Мартынюк был освобожден из тюрьмы. Сразу же он был назначен начальником отряда особого назначения и товарищем председателя белогвардейской следственной комиссии. 23 июня я был арестован и всю работу Мартынюка испытал на себе. Он часто приходил в тюрьму, и многим от него доставалось. При допросах он часто избивал арестованных. Особенно от него пострадали Остапенко, Моисеев, Васенькин и другие. В общем, это был один из самых ярых белогвардейцев и плюс ко всему состоял в организации монархистов. Должен подчеркнуть, что до мятежа в Кустанае я был хорошо знаком с Мартынюком... Он был монархист. Товарищем председателя следственной комиссии он сделался с 20 июня 1918 года и был им до марта 1919 года. За работу по уничтожению большевиков и искоренению большевизма ему в приказе управляющего областью Матвеева было объявлено благодарение и спасибо. Показал правду. И. Грушин, 13 июня 1920 года».

Прочитав показания Грушина, Кубанцев посмотрел на арестованного. Мартынюк был растерян, сидел, опустив глаза. Кубанцев не стал ждать его ответа.

— Могу зачитать показания Григория Ильича Цабенко. Кстати, он приводит содержание вашей телеграммы, которую вы пытались отправить в день мятежа. Вы адресовали телеграмму в станицу Усть-Уйскую, станичному атаману. Читаю текст телеграммы: «Срочно выслать казаков в город Кустанай для введения дисциплины и порядка. Кустанайский Совдеп разогнан, власть в наших руках. Поручик Г. Мартынюк».

Мартынюк сидел, словно проглотив язык.

— Нам дал показания Алексей Семенович Соболев. С марта по август 1918 года он был секретарем Кустанай-

ского союза инвалидов,— продолжал Кубанцев. — Потом служил в колчаковской армии в качестве писаря офицерского стола при штабе 44-го стрелкового полка, не раз видел удостоверения, выданные за подписью Мартынюка, где указывалось, что предъявитель сего такой-то состоял в тайной организации и активно выступал против Советской власти в восстании 18 марта 1918 года. Само собой, такой документ не мог подписать человек, не имевший отношения к руководству восстанием. Не так ли? Есть и другие показания. Надеюсь, вам не безызвестен Василий Кузьмич Моисеев. Его вы не щадили на допросах следственной комиссии... А вот показания Сергея Гавриловича Пухальского: «Мартынюк спросил,— показывает Пухальский,— по какой причине я поступил в Красную Армию? Я сказал: «Для того, чтобы защищать власть Советов». Мартынюк орет: «Смеешь ли ты в моем присутствии говорить, что ты защитник Советов?» Возле него стоял казак, которому он приказал вывести меня в дежурную комнату и дать мне 75 плетей». Могу,— продолжал Кубанцев,— привести показания известного вам Остапенко...

— Хватит! — прервал Мартынюк. — Пишите. Все расскажу... — Наконец-то не выдержали нервы врага. Он рассказал все. Признался в своих преступных деяниях. Но все же не в полной мере, а лишь в пределах фактов, которыми располагало следствие. Об убийстве Омара Дощанова следователь тогда не спрашивал и Мартынюк тоже обошел его. Однако материалов для суда хватало.

УДАР ПО ЭСЕРАМ

1921 год. В стране свирепствует разруха — суровое последствие гражданской войны. Партия готовится к своему X съезду, чтобы наметить меры по решению насущных задач и проблем, стоящих перед трудящимися Республики Советов. Однако еще предстояла нелегкая борьба с оппозиционерами, которые навязали партии дискуссию о профсоюзах и «по существу отрицали руководящую роль партии в системе диктатуры пролетариата, отвергали необходимость укрепления ее связи с массами, выработки новых методов руководства ими. Они нападали на принцип демократического централизма, стремились поколебать единство партии, подорвать

партийную дисциплину. Трудный для партии момент они хотели использовать, чтобы под флагом «улучшения» ее деятельности столкнуть партию с ленинского пути...»¹

В эти дни Кустанайское политбюро получило данные о том, что известный лидер местных эсеров И. П. Луба скрывается где-то вблизи Челябинска. По сведениям, добытым чекистами, его жена выехала на встречу с мужем, сказав соседям, что отправилась не то в Златоуст, не то в Петропавловск. Дома остались мать и дети Луба.

На счету эсеров было немало черных, злодейских дел. Среди них убийство пламенного большевика В. В. Володарского и председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого, мятеж в Москве в июле 1918 года и всколыхнувшее всю страну покушение на вождя пролетария В. И. Ленина.

Президиум ВЦИК, рассмотрев приговор Верховного трибунала в отношении группы членов ЦК партии социал-революционеров, дал такую оценку предательской деятельности эсеров: «Все затруднения и бедствия блокированной империализмом рабоче-крестьянской страны служат Центральному комитету партии эсеров для того, чтобы вызвать вмешательства, восстания, покушения, кровавые конфликты, углублять хаос, умножать раны и страдания трудящихся и таким путем вызвать крушение Советской власти, на смену которой могла бы прийти только власть торжествующей буржуазии...»²

Таков был идейный багаж Луба, оставлять на свободе которого было опасно. И розыск его поручили Аналию Моисеевичу Журавлеву, одному из лучших работников политбюро.

Решено было произвести обыск в квартире семьи Луба, по возможности найти его переписку с женой и выяснить, где мог скрываться преступник. Однако обыск не дал пока определенного ответа на интересующие чекистов вопросы. Тем не менее, они изъяли два омских адреса: улица Баронская, 2 и 5-я линия, 143, по которым проживали Т. Т. Шарова и А. В. Бурова. Может быть, там и жил разыскиваемый, а может, та или другая знает что-либо о местопребывании Луба. Сразу же в Омск полетел запрос. Ответ был неожиданным и в то же время желаемым. Из Омска сообщили, что разыскиваемый живет на квартире у Буровых, что работает в управлении Омской железной дороги начальником общего от-

дела жилищно-строительного подразделения. Луба арестовали и переправили в Кустанай.

Свидетелей преступной деятельности Луба было много. Он был изобличен в том, что при установлении Советской власти в Кустанае выдавал себя за сторонника большевизма и пробрался на должность уездного комиссара внутренних дел, а добившись этого поста, особого рвения к советской работе не проявлял. В мае 1918 года Луб неожиданно подал заявление в уисполком с просьбой об увольнении его с поста комиссара внутренних дел, якобы для того, чтобы поехать на лечение. Его просьбу удовлетворили, однако он остался в Кустанае и устроился на работу в систему потребкооперации на незаметную должность. В эти дни его несколько раз видели в обществе барона Шиллинга, в заговоре которого он участвовал.

Обо всем этом, писал позднее комиссар юстиции Кубанцев, основываясь на материалах, добытых чекистами. Все было готово для ареста Луба, но он исчез.

Когда власть Советов в Кустанае пала, Луб объявился в городе, не опасаясь того, что белые могут учинить над ним расправу как над красным комиссаром. Наоборот, был назначен помощником управляющего кустанайским уездом. И это в то время, когда белочехи расправлялись даже с теми, кого они подозревали в сочувствии Советской власти. Не оставалось ни малейшего сомнения в том, что Луб и ранее был на стороне контрреволюции. Во время колчаковщины уверял своих хозяев в верноподданических чувствах, в том, что он «при Советской власти оставался служить только для того, чтобы быть поближе к местной власти и извлекать материалы», полезные представителям Сибирского Временного правительства, находившимся в Омске...

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР СССР) в деле переписки должностных лиц Тургайской области автор этих строк обнаружил два документа, изобличающих Луба как контрреволюционера. Эта депеша, в которой постарались обелить перед колчаковцами действия Луба, когда он был комиссаром. Документ датирован 14 декабря 1918 года. Вот что в нем говорится: «Вследствие конфиденциального письма вашего от 25 ноября... имею честь донести, что содержание анонимного письма не соответствует действительности, гг. Луб, Аблин и Булычев в

большевистских организациях не принимали участия. При сем прилагается сообщение председателя кустанайской следственной комиссии».

И еще одно служебное послание, адресованное Тургайскому областному комиссару колчаковцев. Вот текст этого документа:

«Помощник уездного комиссара Луб при переходе в г. Кустанае власти в руки большевиков остался совершенно один во главе уездного комиссариата и тех учреждений, которые находились в ведении комиссара...

Находясь на своем посту, Луб все усилия направлял к тому, чтобы сохранить вверенные ему учреждения от большевистского влияния, и из-за этого весьма часто входил в пререкания с главными представителями большевистской власти, как, например, с председателем уездного исполкома Тараном, председателем гражданской уездной управы Кугаевским, чем неоднократно подвергал себя опасности ареста. Когда же большевистская власть совершенно окрепла и, опираясь на рабочих, красноармейцев и приезжие дружины, стала подчинять своему контролю и сильному влиянию решительно все учреждения, Луб отношением от 23 апреля этого года... (копия прилагается) просил принять от него все учреждения, вследствие невозможности дальнейшей работы, но исполком просьбы не выполнил, а заочно выбрал Луба комиссаром внутренних дел, что заставило Луба не только повторить свою просьбу о принятии от него комиссариата, но потребовал от исполкома выбора другого комиссара (отношение... в копии прилагается); вскоре был избран другой комиссар, которому и были переданы Лубом все учреждения.

Таким образом, Луб не только состоял на какой-либо из должностей, а наоборот, как представитель Временного правительства, до последней возможности охранял вверенные ему учреждения от большевистских влияний и официально заявил о своем несогласии с направлением большевиков. Вследствие изложенного, отпадает вопрос о допустимости Луба к должности помощника уездного комиссара»³.

А ведь Луб отрицал на следствии и суде свою причастность к контрреволюции. Однако приведенные выше документы с головой выдают Луба и являются существенным дополнением к материалам его уголовного дела.

На суде И. А. Грушин показал, что Луб, выступая от имени партии эсеров на учредительном съезде кустанайских киргизских депутатов, призывал уездных представителей к свержению Советской власти... В то время в распоряжении следствия не было копии протокола этого контрреволюционного съезда. Найден протокол значительно позже в Кустанайском госархиве и теперь можно сказать, что на этом съезде, названным «чрезвычайным кустанайским съездом крестьянских и киргизских депутатов», состоявшемся с 14 по 17 июля 1918 года, Луб не только выступал, но и был избран в президиум. На первое заседание, которое проходило под председательством Луба, прибыл член так называемого комитета «народной власти» города Иванов, который приветствовал съезд с пожеланием «продуктивной работы на пользу Родины». Луб, в свою очередь, от лица съезда «выражал через чина г. Иванова глубокий привет городскому комитету «народной власти» с пожеланием, чтобы в работе идти рука об руку для общего закрепления истстрадавшейся России и установления твердого народовластия»⁴.

В протоколе съезда читаем запись: «Съезд приступает к обсуждению текущего момента. Обсудив и приняв во внимание, что власть большевиков не была властью всего народа, а была кучка захватчиков и насильников над его волей, «кустанайский чрезвычайный крестьянский и киргизский съезд постановил: приветствовать совершившийся переворот и новую власть... с выражением полной надежды, что Сибирское Временное правительство в самом непродолжительном времени созвет Сибирское Учредительное собрание и доведет страну до Всероссийского Учредительного собрания...»⁵ Под этим документом в числе других членов коллегии подписался и Луб.

В архивном деле имеются показания свидетелей, говорящие о том, что Луб в бытность помощником управляющего уездом входил в состав колчаковской следственной комиссии и решал судьбы своих сослуживцев по советской работе. В феврале 1919 года, находясь в Федоровском районе, производил аресты и избиения граждан, сочувствующих Советской власти. В ночь с 4 на 5 апреля 1919 года Луб и несколько офицеров, с которыми он пьянствовал, пришли в тюрьму с намерением расстрелять политических заключенных. Но этому злодей-

скому замыслу не суждено было осуществиться: утром город оказался в руках повстанцев. Луб успел скрыться. Его искали, но безуспешно.

После того, как городом вновь овладели колчаковцы, руки этого оборотня еще раз обагрились кровью. Помогла в этом Лубу его жена. В те дни она жила в Садчиковке и видела, как житель села Даниил Иванов отдал свою винтовку повстанцам, о чем и сообщила мужу. Тот незамедлительно послал в Садчиковку карателей. Они расстреляли там пятерых крестьян, в том числе и Даниила Иванова.

Дело Луба рассматривал Кустанайский объединенный трибунал, который признал предъявленное обвинение (измена Родине, шпионаж, контрреволюционные действия) вполне обоснованными.

ДЕЛО «СОРОКАСЕМИДВОРНИКОВ»

В ноябре 1918 года в Боровское из Кустаная пришло секретное распоряжение об объединении крупных хозяйств для борьбы с большевизмом. Оно было адресовано судье, кондуктору, лесничему и интеллигенции. В послании говорилось: «Выберите лучших людей, организуйте и начинайте работу по поимке большевиков... Всех большевиков арестовать! Солдаты по надобности будут доставлены...» Кулаки сразу же откликнулись на призыв колчаковской власти и приступили к созданию контрреволюционной организации. Ее главарем избрали Петра Шульгина, а секретарем — Павла Федякина. Потом, рассказывал очевидец, стали составлять список желающих быть в этой организации. Каждого знакомили с присягой, где перечислялись обязанности членов тайной организации, «вся работа которой должна была проходить в строгом секрете на пользу Колчака». Присягу подписали кулаки сорока семи дворов, отчего впоследствии они стали проходить по делу «сорокасемидворников».

Не хотели богатеи отдавать награбленное ими, нажитое чужим трудом народу. Особенно злобствовали кулаки Надеины и Федякины, которые содержали работников, бесчеловечно обращаясь с ними. Одного казаха-батрака пытали каленым железом, стремясь вырвать признания, что он украл хозяйских быков. А животные просто забрели куда-то и вскоре нашлись. Был и

такой случай: в селе Алешинском кто-то убил казака. На сельском сходе богатеи стали требовать выдачи виновных, указать, где скрываются большевики. Ничего не добившись, прихвостни колчаковцев выстроили крестьян в один ряд и стали выводить каждого пятого. Таким образом, арестовали двадцать человек, а остальных погнали к дому одного из заподозренных в сочувствии Советской власти и заставили поджечь надворные постройки, а избу разворотить. Возвратившись с погрома, приступили к порке арестованных. Здесь старался колчаковский милиционер А. Ларин.

Весной 1919 года, когда в Боровском вспыхнуло восстание, кулаки братья Надеины выехали за помощью к карателям в станицу Усть-Уйскую. Когда красные партизаны ушли из Боровского в Кустанай, братья вернулись домой с карательным отрядом под командой полковника Иваницкого. Началась расправа над повстанцами и их семьями.

Очевидец Л. Ф. Васильев рассказывал, что на другое утро после прибытия карательного отряда в Боровском собрали сход. Офицер зачитывал фамилии красных партизан, которых заводили затем в сельскую управу. Там их встречали представители «сорокасемидворников» и вершили свой суд: кого расстрелять, кого выпороть плетью. «Меня тоже вызывали в управу,— говорил Васильев,— затем арестовали. После выводили всех арестованных по порядку и расстреливали, а меня и еще одного заставили бить друг друга плетью».

Свидетель С. А. Вологдин показал, что в этот день каратели расстреляли сорок восемь красных партизан. Надеины радовались, приговаривая: «Вот, сволочи, узнали как восставать против нашей власти. Всех большевиков ожидает такая же участь!»

Списки карательному отряду передавались «сорокасемидворниками», которые предварительно обсуждали их на своих совещаниях. Так была решена судьба еще шестидесяти пяти человек. На этот раз расстрелу подверглись пятнадцать партизан, остальных приговорили к порке шомполами и плетью.

Другой очевидец И. И. Климов рассказал о том, что «сорокасемидворники» участвовали в поимке, расстрелах и избиениях жертв. Нередко к сельской управе сгоняли всех жителей села. Из здания выходили кулаки, внимательно осматривали собравшихся и снова скрыва-

лись. Через несколько минут появлялись казаки, забирали пять-десять человек и вели их к озеру. Один залп — и жизнь людей оборвана...

Через несколько дней карательный отряд выехал в Кустанай, а затем снова возвратился в Боровское. Снова сход. Стоял вопрос о наложении контрибуции в сумме 300 тысяч рублей. Прапорщик Певцов сказал: «Весь ваш поселок надо сжечь. Все вы большевики. У вас есть только сорок семь дворов, которые вас сдерживали, но вы их не слушали». После этого он прочел имена тех, кто освобождался от контрибуции. Затем был прочитан список тридцати дворов, которые следовало сжечь и разорить и, кроме того, наложить на них 245 тысяч рублей контрибуции (дополнительно, сверх 300 тысяч). Остальные дворы должны были выплатить 300 тысяч рублей.

К вечеру население еще раз согнали к управе, где заседали кулаки братья Надеины, Пешковы и Шульгины. К ним на суд стали вызывать крестьян. Кого отпускали, а кого задерживали. Шестнадцать человек из числа арестованных расстреляли, остальных заставили бить друг друга плетью.

Помогал «сорокасемидворникам» в их черных делах боровской поп Семен Дроздов. Однажды к нему на исповедь пришли крестьяне Леонтий Дурнев и Павел Медведев, признавшись в том, что оба участвовали в восстании. И святой отец сообщил о содержании исповеди белогвардейцам так скоро, что Дурнев и Медведев тут же были задержаны и расстреляны.

Когда неизвестным мстителем из народа был убит в Алешинке казачий офицер, поп Дроздов отслужил панихиду и объявил прихожанам: «Кто не пойдет провожать этого героя в последний путь, тот не наш». Батюшка насильно заставлял жителей Боровского оплакивать офицера. Затем Дроздов выступал на кладбище и кричал: «Вот как мерзавцы-большевики расправляются с нами!»

Свидетель В. С. Ивахнин рассказывал о таком случае. Когда белогвардейцы повесили его отца, мать пошла к Дроздову с просьбой разрешить снять труп мужа с виселицы. Поп сказал: «Собаке собачья смерть. Отпевать его не буду, и с большевиками никаких дел не хочу иметь».

Крестьянин М. И. Захаров был арестован по указке

кулака Бугаева и сидел в кустанайской тюрьме. Однажды сюда зашел поп Дроздов. Перед ним выстроили всех боровских. Поп обошел арестованных, попросил помиловать кулака Андрея Брылевского, который очевидно, был провокатором и выуживал сведения у заключенных повстанцев. Когда же к попу подошел Захаров и попросил помилования, тот сказал: «Ко мне приходила твоя жена и даже сахару приносила в подарок, чтобы я замолвил за тебя слово, но я ей отказал. За тебя, большевика, заступаться не стану. — И поп обратился к стражнику: «Посадите его, да держите покрепче!»

— После этого,— сказал свидетель,— высыпали плетей, сколько, сам не знаю.

О расправе карателей над ее сыном и мужем рассказала свидетельница В. А. Котова. Сын добровольно вступил в отряд Жилыева. Во время прихода карателей скрывался дома. «В списках подлежащих расстрелу,— говорила свидетельница,— занесли также мужа и сына. Ночью их увели из дома и расстреляли. После этого ставили к стенке и меня, но благодаря тому, что у меня на руках был ребенок, я осталась жива. Но зато наложили на меня контрибуцию пятьсот рублей».

Очевидец Е. А. Слепых показал: «Нас двенадцать человек вызвали в милицию и посадили в подвал. Ларин вызвал меня на допрос и в присутствии попа говорит: «Ложись!» Я лег. Он стал бить меня нагайкой. Потом: «Поднимайся!» Хотя мне было трудно, я все же поднялся. Он стал спрашивать: «Ну, говори, кто большевик, кто был с оружием?» Я сказал, никого не видел, ничего не знаю. Тогда Ларин говорит: «Ложись! Сознаешься!» Я лег. Стали пороть Ларин и Давиденко в две плетки. Я вышел из памяти. Подняли меня на ноги и стали спрашивать: «Кто большевик?» Я сказал — не знаю. Тогда они ударили меня, я упал. Подняв меня, потащили наверх, к начальнику милиции. Начальник спросил то же самое и говорит: «Если не скажешь, расстреляю». Я же ничего не сказал. Они меня снова посадили вниз...»

Подобных показаний было много. Все они свидетельствуют о том, что кулачество Боровского оказывало белогвардейцам услуги в ликвидации революционного движения. Каждый день партизаны расстреливались или погибали на виселице колчаковцев. В таком тяжелом положении трудящиеся села находились до августа 1919 года, пока не пришла Красная Армия. Наибо-

лее активные из «сорокасемидворников» предпочли скрыться. Однако некоторые в 1928 году вернулись в Борозское. А в следующем году здесь прошли общие собрания граждан, где шла речь о выявлении «сорокасемидворников». Так, 10 ноября 1929 года бедняки и середняки 7-го участка вынесли постановление: «В связи с быстрым развитием народного хозяйства, когда все внимание трудящихся и всех организаций обращено на выполнение пятилетнего плана, бывшие предатели и противники трудящихся в лице этих «сорокасемидворников», в общей массе потерялись... Сельсовет должен взять всех «сорокасемидворников» на особый учет... Беднота требует от сельсовета предания суду этих предателей, а от пролетарского суда высшей меры наказания — расстрела». 16 декабря того же года состоялось общее собрание граждан села Боровского, на котором присутствовало 498 человек. Рассматривался вопрос о Данииле Надеине. Выступили девятнадцать крестьян. Они называли кулака самым ярым контрреволюционером и требовали расстрела. С волнением люди слушали Ивахнину. Она рассказала: «Мы поили скот у колодца. Надеин Даниил указал на нас, что мы большевики. К нам подошли солдаты и стали избивать моего четырнадцатилетнего сына, потом поймали мужа и подвесили его за ребро, он сорвался, его снова подвесили... после еще кололи штыками и рубили шашкой. Все это было на моих глазах...»

В постановлении, принятом общим собранием, говорилось: «Надеин Даниил фактически был руководителем предателей «сорокасемидворников». Он в числе других... еще в 1918 году, до восстания, заранее вел выявление красных партизан... После ухода Жилиева в Кустанай Надеины Даниил и Сергей выехали за карательным отрядом и привели его в Боровское. Надеин Даниил вместе с другими «сорокасемидворниками» предал столько людей, что сосчитать нет возможности. Вдовы, сироты и калеки остались после «работы» «сорокасемидворников». Общее собрание поселка Боровского в количестве 498 человек вполне подтверждает все предательские действия Надеина Даниила, высказанные на собрании, и требует от пролетарского суда применить к нему высшую меру социальной защиты...»

В конце 1929 года из числа «сорокасемидворников» органами ОГПУ были арестованы десять человек, в том

числе и братья Надеины, Николай Шульгин, Дроздов, Ларин и другие. Все они были осуждены к различным срокам заключения. На остальных «сорокасемидворников» были объявлены розыски.

ВОЗМЕЗДИЕ

Однажды директор Кустанайского историко-краеведческого музея Баязит Махматович Махмутов* получил письмо из Краснодара от пенсионера Николая Сергеевича Громова с экземпляром газеты «Степной крестьянин», выходившей в Кустанае в конце 20-х годов. Там было опубликовано начало отчета о показательном судебном процессе в Кустанайском окружном суде над офицерами белой армии, проводившими карательные операции в Кустанае в 1919 году после подавления краснопартизанского восстания. Дело слушалось в мае 1928 года. Баязит Махматович передал письмо и газету мне. Я списался с Громовым. Оказалось, в двадцатые годы он работал в Кустанайском окружном суде старшим следователем. Во время гражданской войны участвовал в партизанском восстании. Другие номера газет, где описывался упомянутый процесс, у Николая Сергеевича не сохранились.

Николай Сергеевич сообщил, что один из офицеров-карателей Синдеев спустя каких-нибудь два-три года после восстановления Советской власти в Кустанае объявился в городе. Более того, пробрался в партию и работал на ответственной должности. Его жена слыла в городе активисткой. Но враг вскоре был опознан...

Мне надо было разыскать недостающие номера газет и выяснить, чем закончилось дело Синдеева. Помогли работники Государственной публичной библиотеки имени В. И. Ленина, которые выдали мне подшивку «Степного крестьянина» за май-июнь 1928 года. И вот, что я узнал.

Судебный процесс проходил в рабочем клубе. Зал был заполнен до отказа. Многие горожане толпились у здания суда в надежде услышать подробности от знакомых. Все это свидетельствовало о большом обществен-

* ныне покойный.

ном интересе, какой проявлялся к процессу. Стояла абсолютная тишина.

...Взоры всех направлены на сцену, где заняли места судьи, государственный и общественный обвинители, защита. На авансцене — два стола и две скамейки для подсудимых. Их шестеро. Кто же они? Все обвиняемые происходят из крестьян или мелкого чиновничества, уроженцы Самарской губернии. Имеют среднее образование. Синдеев, тридцати двух лет, окончил учительскую семинарию, служил в старой и белой армиях в чине подпоручика. Иньков, тридцати четырех лет, имел чин капитана. Тридцатилетний Котельников — прапорщик. Спиридонов, двадцати девяти лет, сын приказчика, подпоручик. Катунову тридцать лет. Он конторщик, затем подпоручик. Тезейкин, двадцати девяти лет, поручик. Седьмой преступник Михайлов судился заочно.

«Пятьдесят расстрелов в день» — так назывался один из эпизодов обвинения. Свидетели показали следующее. 23 июня 1918 года в результате нашествия белочехов пала власть Советов в Кустанае. В августе белые объявили мобилизацию новобранцев. Крестьяне шли на службу неохотно и при первой возможности дезертировали. К ним применялись репрессивные меры. С каждым днем росло недовольство мобилизованных солдат и населения. Беляки вынуждены были укрепить местный гарнизон надежными воинскими частями. В Кустанай перебрасывается 11-й Бузулукский добровольческий офицерский полк, сформированный белочехами, для сдерживания начавшегося революционного брожения среди крестьянства. Полк офицеров, или красноштанников, как их тогда называли, (добровольцы, в отличие от мобилизованных, носили красные брюки), прибыл в Кустанай в феврале 1919 года. Вскоре была объявлена повторная мобилизация. Она ознаменовалась массовым бегством крестьян из белой армии. Начальник гарнизона капитан Яковлев и его сподручные были беспощадны: дезертиров ловили, расстреливали до полусотни человек в день.

«Расправа за восстание». После подавления кустанайского краснопартизанского восстания разыгралась жестокая расправа. Описать все ужасы, по словам очевидцев, не представлялось возможным. Более тысячи человек пали под пулями карателей возле станции Кустанай. Когда жертвы стояли перед нацеленными

на них винтовками, мимо шло четырнадцать подвод с соломой. Офицеры приказали крестьянам свалить ее в одну кучу и подожгли. Всех оставшихся в живых партизан стали гнать через огромный костер, поставив условие: кто перескочит через костер, будет жить, а кто откажется, тому смерть. Свидетель П. М. Юртаев рассказывал: «Делать было нечего, решили пробежать через костер. Всех нас раздели и оставили в нательном белье. Когда я перескочил костер, на мне загорелось белье. Я упал в мокрый снег, стал кататься. Сбил огонь. Получил сильные ожоги, но все же остался жив. Многие мои товарищи не смогли перескочить через костер, сгорели...»

«Расстрел стопятидесяти». Несмотря на усиленный военный гарнизон, при наличии карательного отряда, частей 2-го и 5-го Оренбургских полков и других казачьих частей, белым понадобилось бы очень много времени, чтобы покончить с жертвами. Потому часть солдат-дезертиров и крестьян (полторы тысячи человек) направили в село Озерное, расположенное в тридцати пяти верстах от Кустаная. Там находились части 2-го Оренбургского полка, в частности 1-й батальон во главе с капитаном Иньковым, который одновременно был начальником гарнизона. Он получил приказ подготовить всех своих офицеров и солдат-добровольцев для расправы над пленными и арестованными. Первое распоряжение: расстрелять всю партию сразу. Но впоследствии по неизвестным причинам были отобраны лишь дезертиры 2-го и 5-го Оренбургских полков, а оставшихся (около стопятидесяти человек) расстреляли в два приема. Первую группу на расстрел повел штабс-капитан Кирияков, вторую — штабс-капитан Ясаков (в период суда скрывался). В расстреле принимали участие офицеры Синдеев, Котельников, Спиридонов, Михайлов, Катуннов. Они, после того как смолкли залпы, добровольно, без особого на то приказания, добивали раненых. Особую активность проявили Синдеев и Котельников. Первый даже переворачивал трупы и раненых и стрелял в последних в упор. Возвращаясь домой, Котельников, весь в крови, хвастался, что добивал людей рукояткой нагана, так как израсходовал все патроны. А Синдеев высказался: «Мне, социалисту, тоже пришлось заниматься грязным делом!» На предварительном следствии Синдеев в течение месяца категорически отрицал свое уча-

стие в расстрелах, говорил, что в то время его не было в Озерном. Но, когда ему сказали, что будет сделана очная ставка со свидетелем Грановским, который жил на одной квартире с офицерами и подтвердит участие его в расстрелах, Синдеев отказался от очной ставки и собственноручно написал показания, признав предъявленные ему обвинения.

«Обыски и аресты». Когда повстанцы оставили Кустанай и сюда стянулись белогвардейские части, в городе начались повальные обыски. Искали главным образом оружие. На одном из участков этой операцией руководил Синдеев. У тяжело больного Немцова были обнаружены стреляные гильзы от охотничьего ружья. Хозяин лежал в постели. Синдеев приказал ему встать. Тот ответил, что не может. Палач закричал:

— Без разговоров, сволочи! Все заболели! Вот чем мы нас встречали! — и указал на гильзы.

Немцов сказал, что ружье уже несколько лет находится у соседа Мартынова, в доме которого уже был произведен обыск. И Синдеев приказал солдатам вести больного Немцова к Мартынову.

— Если найдете ружье исправным, — напутствовал офицер солдат, — то расстреляйте на месте обоих.

Ружье было найдено. К счастью, оно оказалось неисправным. Оба остались живы. Этот эпизод обвинения Синдеев не признал, хотя и не отрицал возможность подобного факта, мотивируя тем, что не мог запомнить всего, что совершил в те дни.

А вот другой случай. Брат Миляева, начальника штаба повстанческого отряда, не успел уйти из города. Узнав, где он находится, некая Фролова сказала об этом фельдфебелю учебной команды Новосельцеву, а тот доложил Синдееву, который и арестовал Миляева. Этот факт Синдеев признал.

При бегстве белых под ударами Красной Армии в мае 1919 года 2-й Оренбургский полк уходил тургайской степью. Среди солдат началось брожение. Многие из них решили дезертировать. Из таких солдат старший унтер-офицер Корчагин, с помощью начальника учебной команды офицера Триполеца организовал группу в семьдесят человек. Им удалось оторваться от полка. Офицеры Синдеев и Спиридонов, поняв намерения Корчагина, немедленно доложили об этом командиру полка и тот послал Синдеева с отрядом на поимку беглецов.

Погоня не удалась. Но впоследствии Корчагин попал в плен к белым, отступавшим к китайской границе. В городе Каркаралинске (ныне Карагандинская область) Спиридонов опознал Корчагина и доставил его в штаб полка.

— Задержан главный инициатор и руководитель бегства в тургайских степях,— доложил он командиру полка.

Во время допроса, улучив минуту, Корчагин бросился бежать. Спиридонов кинулся следом, стрелял, но Корчагину удалось скрыться.

После первых массовых расстрелов без суда и следствия командование белых организовало военно-полевой суд под председательством начальника контрразведки штабс-капитана Ясакова. Он приговаривал к смертной казни не только участников восстания, но и лиц, сочувствовавших большевикам. Обвиняемый Тезейкин сознался в том, что он был членом полевого суда и что большинство тех, кто проходил через полевой суд были казнены.

Суд над палачами продолжался две недели. В своем последнем слове Синдеев сказал: «Грязное прошлое казалось кошмарным сном, о котором я не говорил даже жене. Знал, что поколеблю доверие партийных работников, если расскажу о расстреле в Озерном. Думал, что темная полоса в моей жизни будет похоронена и не вскрыется никогда...»

Но пришло возмездие. Кустанайский отдел ОГПУ разоблачил палачей.

КАК БЫ НИ СКРЫВАЛСЯ..

Кустанайскому краснопартизанскому восстанию предшествовал ряд разрозненных выступлений крестьян в различных волостях уезда. Повстанцы жестоко карались колчаковцами. Об этом красноречиво рассказывает найденное в архиве уголовное дело на Пивнева. Вот как оно возникло.

Старший помощник прокурора Узбекской ССР А. А. Бошевой среди документов, истребованных для рассмотрения в порядке надзора, встретил и дело Пивнева, который работал в должности Хорезмского райпрокурора и связался с кулаками. Он умышленно пре-

крашал следствия о преступлениях богачей, освобождал их от налогов, растранижил ценности, которые служили вещественными доказательствами при рассмотрении дел. Пивнева приговорили к высшей мере наказания — расстрелу, замененному впоследствии десятью годами лишения свободы.

Бошевой являлся участником партизанского движения на кустанайщине. Он вспомнил тогдашнего начальника колчаковской районной милиции Пивнева, руки которого были обогреты кровью повстанцев деревни Львовка и других населенных пунктов. Чем-то напоминал Бошевому этот бывший райпрокурор Пивнев того самого колчаковца. Сходились имена и отчества — оба Алексеи Емельяновичи. И дело Пивнева направили в Кустанай.

Расследованием занялись чекисты Джетыгаринского районного отделения. Стали поступать данные, что Пивнев в начале 1918 года при установлении Советской власти пробрался на должность помощника милиции Денисовского района. Еще тогда он был настроен анти-советски, выступал против обложения кулаков налогами. Но в то время так и остался неразоблаченным. После падения Советской власти в Кустанае Пивнев перешел на сторону Колчака и был назначен начальником белой милиции Денисовского района.

Крестьяне постоянно оказывали сопротивление колчаковским властям. При объявлении мобилизации никто из жителей района не хотел служить в белой армии. Стали тайно создаваться отряды для борьбы с врагами Советов. Центром повстанческого движения стала деревня Львовка. Здесь бывший «фронтовик Ф. Ф. Царенко организовал тайное собрание фронтовиков и крестьян, сочувствующих большевикам. На собрании присутствовало 50 человек. Они решили в армию Колчака не идти и не признавать власть Колчака. Решили, что все 50 человек организуются в боевую группу...»¹ Тут же было решено разослать делегатов в соседние населенные пункты для вербовки партизан в отряд. Скоро Львовская боевая группа стала обезоруживать появлявшихся в деревне колчаковских казаков и милиционеров. Потом организовала нападение на белую милицию в селе Денисовском. Ее начальник Пивнев, предвидя восстание, вызвал из Троицка и Кустаная карательные отряды.

«Рано утром 4 марта (старого стиля) 1919 года триста карателей казаков взяли в кольцо поселок Львовский. Казацкими саблями были сняты головы партизанских патрулей. Все теснее сжималось кольцо осады. Кучка партизан, наполовину не имевшая оружия, но охваченная горячей ненавистью к карателям, в течение 2—3 часов героически вела бой против казаков... Раненых казаки добивали. Остальных сжали в кольцо. Всего было захвачено 74 человека, в их числе были старики и мальчишки-подростки. Всех начали пороть. Стоны и громкий плач оглашали поселок. Ночью арестованных держали под конвоем у школы, а из изб неслись душераздирающие вопли и крики. Это колчаковские «доблестные защитники» насиловали женщин, грабили крестьянское добро..., набивали им мешки»...²

Отряд карателей, прибывший из Троицка, расправившись с львовцами, уехал, а Пивнев с кустанайскими карателями продолжал наводить «порядок» в районе. В селах Денисовском, Гришненском, Антоновском, Ольшановском и других были арестованы сотни трудящихся, недовольных колчаковской властью. Их заперли в церковной сторожке Денисовского и устроили зверское побоище, беспощадно избивая всех, кто оказался в плену палачей. Пивнев, издеваясь, говорил арестованным: «Вот вам это будет хорошая присяга! Ведь я говорил, что вызову отряд и мы всех раздавим, камня на камне не оставим!»

Из числа арестованных Пивнев и начальник карательного отряда Иванов отобрали двенадцать человек, самых преданных Советской власти людей, и столкнули их в прорубь на Тоболе. До нас дошли имена этих солдат революции: М. Механоша, Е. Алексеенко, Насонова...

«Ночью нас разбудил набат,— писал один из очевидцев тех событий в газете «Степной крестьянин». — Вскопили, смотрим — казаки. Летают по улицам и рубят. Бывшему набат снесли голову... Двенадцать дезертиров вырвались из поселка. Казаки подожгли несколько домов. Трудно было скрыться в поле, и почти все дезертиры попались в руки казаков и милиции. В церковной сторожке били и истязали дезертиров нагайками, шомполами, прикладами и подолгу оставляли лежать связанными в лужах крови. Вечером в сторожку пришли милиционер Убейконь и пять казаков, нагайками поднимали лежавших на полу, чуть живых. Всех двенадцать человек

повели на Tobол. Всю дорогу били и кололи их шашками. Подвели к реке. Убейконь подал команду арестованным, чтобы бросались в воду... Насонов сказал: «Скорей убивайте нас, палачи!» Казаки рассмеялись и начали бить нагайками.

— Лезь в реку!

Казаки кололи и рубили арестованных шашками и толкали в реку. Механош и Насонов крикнули:

— Придет время, расплатитесь за нас!

Полуизрубленные, исколотые, они были втолкнуты в воду, а затем началась «охота». Едва кто показывался над водой, его расстреливали»³...

Карательный отряд ушел из Денисовки. А Пивнев со своими милиционерами продолжал бесчинства, разъезжая по селам; отбирал у населения имущество, скот, хлеб, фураж, деньги. Одновременно Пивнев ловил дезертиров, отправляя их в Кустанай. В Глебовке арестовал трех парней и одного из них расстрелял. Там же, в Глебовке, Пивнев отнял лошадь у крестьянина Лагола. Потом направился во Львовку и Коломийку, где тоже зверствовал. Избил Бошевого, Коломийца, Бондаренко и Носак. Последний умер от побоев. Когда Пивнев появился в Аниховке, ее жители как раз собрались в одном помещении. Он приказал им разойтись, иначе, мол, бросит в окно бомбу. По доносу кулака Аверина в селе схватили четырех партизан-разведчиков и зверски избили их. Двое из них умерли от побоев.

Среди тех, кого задержал Пивнев, были Жигайло, Пасниченко, Ливанов и Крутин. Он подозревал их в сочувствии к большевикам и поэтому посадил в отдельную камеру. Перед этим избил Жигайло наганом в своем кабинете, а затем крикнул милиционерам: «Уведите эту сволочь, а то я его застрелю!» Когда дезертиров направляли в Кустанай, Пивнев, обращаясь к ним, сказал: «Если еще будете убегать из армии, мы камня на камне не оставим от ваших домов». Указывая конвоирам на Жигайло и его товарищей, которые были выстроены отдельно от дезертиров, распорядился: «Этих в Кустанай не везите, расстреляйте по дороге!»

Однажды Пивнев увидел на берегу Тобола толпу. Подъехал, спросил: «В чем дело?» Когда ему ответили, что собираются хоронить уопленника Старова, Пивнев рассвирепел: «Большевика не разрешаю хоронить!» Тогда мать Старова пришла к нему снова, в кабинет, стала

умолять, чтобы он все-таки разрешил ей похоронить сына, тот выгнал женщину из кабинета. Ответ его был краток: «Когда сын записался в большевики, ты не пришла, не сказала об этом».

В ходе расследования всплыл и такой факт. В 1919 году Пивнев задержал в Денисовке и лично расстрелял красногвардейца Горбатько, затем отрубил ему палец, с которого снял золотое кольцо.

После ликвидации колчаковщины Пивнев бежал в Китай, но в 1920 году вернулся в СССР и устроился в Хорезме районным прокурором, где продолжал творить контрреволюционные дела.

На следствии Пивнев не отрицал своего добровольного перехода на сторону Колчака, службу в должности начальника белой районной милиции. Но, когда дело касалось конкретных фактов, заявлял, что за давностью времени теперь их уж не помнит.

Судила Пивнева выездная сессия спецколлегии Казахского отделения Верховного суда РСФСР. Матерый преступник был расстрелян.

«ЭВАКУАЦИЯ»

Однажды к дежурному Кустанайского ОГПУ явился мужчина под хмельком, лет около тридцати. Назвался Василием Кокоркиным. Извинился, что немного выпил, и вручил дежурному газету «Советская степь».

— Почитайте. Узнаете, зачем я пришел.

В корреспонденции «Редкая карьера офицера Кокоркина», помещенной в газете, говорилось, что ответственный работник наркомата социального обеспечения Павел Терентьевич Кокоркин во время гражданской войны служил в Кустанае в колчаковской армии и накануне занятия города Красной Армией, конвоируя арестованных красных партизан в сторону Петропавловска, участвовал в расстреле стопятидесяти человек. Павел Терентьевич Кокоркин, по словам посетителя, является его старшим братом и исполнял обязанность наркома социального обеспечения Казахской ССР. Однако совершенно не виновен. Посетитель не отрицал суть статьи в газете, но сказал, что приписываемый брату расстрел партизан лежит на его, Василия Кокоркина, совести, поэтому он и явился сам с повинной...

Посетитель был задержан. Чекисты занялись провер-

кой не только его, но и брата в Алма-Ате. Задержанный старший брат Павел Кокоркин утверждал, что он происходит из крестьян-середняков, а при Колчаке занимался революционной работой, за что был сослан белыми на угольные копи. Осенью 1918 года был мобилизован в белую армию, но в конвоировании заключенных участия не принимал. Однако чекисты выяснили, что отец братьев Кокоркиных являлся на самом деле — торговцем. Вымышленными были и остальные показания П. Т. Кокоркина, в том числе о репрессиях по отношению к нему со стороны колчаковских властей. Оказалось, что оба брата причастны к кровавым преступлениям.

Материалы дела Кокоркиных еще раз проливают свет на злодеяния колчаковцев накануне их бегства из Кустаная.

Участник краснопартизанского восстания М. И. Чесалов рассказал, что в период колчаковщины он сидел в Кустанае с осужденными к расстрелу двадцатью заключенными. Затем их объединили с приговоренными к десяти годам тюрьмы и пожизненным каторжным работам. «Нас уже было 57 человек,— говорил Чесалов. — Вдруг от одного знакомого мне надзирателя я узнал, что на завтра готовится эвакуация тюрьмы, а нас должны ночью расстрелять. Я сказал об этом другим заключенным. Ночью действительно стали выводить людей из камеры по шесть человек. Вывели четыре партии, и мы слышали выстрелы со двора тюрьмы. В последнюю из шестерок попал матрос, который ударил офицера колчаковской контрразведки. Произошло замешательство. После этого вывели из камеры еще трех человек и на этом расстрелы прекратили. Таким образом, расстреляли 27 человек...»

На следующий день началась эвакуация заключенных из Кустаная. Их было 359, из них 29 женщин. Большую часть составляли политические. Конвоирование и охрану несла команда кустанайского гарнизона, возглавляемая Алекрицким. Командирами подразделений были Никифоров, Науменко, Кокоркин и другие. За колонной двигался обоз с оружием, вещами и продовольствием. Кроме того, на подводах лежали больные.

В пути следования взводный командир старший унтер офицер Проценко, выходец из села Садчиковского Кустанайского уезда, стал агитировать конвоиров и заключенных, чтобы арестовать офицеров конвоя и осво-

бодить заключенных, а затем соединиться с наступающей Красной Армией. Многие были согласны. Договорились, что за Надеждиной, когда дорога станет подниматься к селу Алешинка, что стоит на холме, впереди и сзади колонны прозвучат выстрелы. Это будет условный сигнал к действиям.

На второй день пути за поселком Надеждиной колонна остановилась у озера на привал. Стали готовить обед. Заключенным разрешили купаться с запретом отплывать далеко от берега. По свидетельству Чесалова, он и его бывший учитель А. И. Миляев купались вместе. К ним подплыл солдат и сказал: «Как только обоз тронется, отбирайте у солдат винтовки. Часть солдат согласна отдать оружие без сопротивления. Передайте это другим заключенным, пусть готовятся». Но тут, неизвестно почему, обед отменили, быстро собрали людей и двинулись дальше. Как только тронулись, кто-то из заключенных стал убежать. По нему открыли стрельбу из винтовок. Конвой оцепил заключенных, выставил два станковых пулемета. Побег одиночки усложнил общее дело, конвой стал вести себя настороженно.

К вечеру подходили к Алешинке. Проценко решился еще раз попытать счастья и стал брать из своей повозки винтовки и раздавать их. Он успел вооружить шестерых заключенных и намеревался совместно с ними подойти вплотную к офицерам. Однако, действия Проценко привлекли внимание одного из командиров взводов. Почуввав недоброе, он поднял тревогу. По нему открыли огонь, но он успел сообщить офицерам о замеченном. Заключенные ждали выстрелов впереди и сзади колонны, а слышали стрельбу где-то сбоку, растерялись и не выступили решительно. Тем временем офицеры подали команду: «Ложись!» Заключенные исполнили ее. Офицер Никифоров, злой, жестокий человек, прозванный палачом, арестовал Проценко и шестерых заключенных. Наступила ночь.

Утром началось расследование. Вызванный на допрос Проценко молчал. Он досадовал, что не успел убрать Никифорова и его личного «адъютанта» Василия Кокоркина. Смог бы он это сделать, успех был бы обеспечен. Не добившись у Проценко признания, офицеры вызвали из станицы Усть-Уйской подкрепление. Полусотня казаков смотрела за заключенными в оба, особенно в ночное время. Арестованные Проценко и его

соучастники шли в хвосте колонны. Верховые казаки то и дело хлестали плетью людей, чтобы они быстрее шли. Тех, кто не мог идти, конвоиры расстреливали.

Было жарко, душно. Пыль стояла столбом. Дышать было нечем. Офицеры, чтобы избавиться от лишних хлопот, решили расправиться с группой Проценко. Остановили колонну и обреченных на смерть повели в лес. Среди них оказался и Миляев. Всех семерых заставили рыть ямы. Проценко отделили от заключенных. Он готовил могилу себе один, в противоположной стороне. Когда ямы были вырыты, арестованных отвели в сторону. И вот наступили минуты расправы. Василий Кокоркин брал каждого за руку и подводил к яме, а Никифоров стрелял. Одного из арестованных убил сам Василий Кокоркин. Настала очередь Проценко. Еще раз потребовали выдать его участников из числа конвоиров. Но Проценко молчал. Тогда его раздели, поставили на край ямы.

— Ты должен назвать своих соучастников! — требовал Никифоров.

Ничего не добившись, он выстрелил в упор. Проценко упал в яму. Расправившись с арестованными, срочно стали собирать заключенных на поверку. Они только что вышли из воды после купания и не успели одеться. Так и встали в строй. В таком виде их погнали в станицу Звериноголовскую. Там заключенных заперли в темный и тесный сарай. Многие от недостатка свежего воздуха падали в обморок, несколько человек умерло. Продержав арестованных в сарае двое суток, их погнали в Петропавловск. Колонну теперь вела кустанайская команда. Тут же был и Василий Кокоркин, который облачился в пальто расстреляного Миляева.

Когда колонна проходила населенные пункты, крестьяне выносили продукты. Солдаты отбирали их, а потом продавали заключенным. Если дорога шла вблизи реки, конвоируемые бросались к воде, чтобы утолить жажду. По ним открывали стрельбу. Люди гибли. Очевидец А. М. Нечаев, служивший в этой команде, показал, что он видел, как Павел Кокоркин и Никифоров недалеко от Петропавловска пристрелили заключенного при попытке к бегству.

В Петропавловске заключенных держали около трех недель в бараках. Затем погрузили в товарный поезд и повезли в Иркутск. В пути воды не давали. Из вагонов

ни разу не выпускали. Смотреть через люки запрещали. Если кто решался выглянуть, конвоиры бросали камни или стреляли. Был такой случай. Заключенный Волков прорезал отверстие в двери вагона, чтобы лучше дышалось. Конвоир стал допытывать, кто это сделал. Но все молчали. Тогда конвоир пригрозил, что он расстреляет всех находящихся в вагоне, если не выдадут виновника. Видя, что из-за него могут расстрелять всех, Волков признался. Его вывели, избили шомполами, забросили в вагон.

Ехали поездом около двадцати суток. В Иркутске заключенных сдали в центральную тюрьму...

Братья Кокоркины за активное участие в массовых расстрелах, издевательствах и избиениях красноармейцев и красных партизан были осуждены к десяти годам лишения свободы каждый. Офицеры из кустанайской команды, в том числе и Никифоров, также понесли наказание. А какова судьба штабс-капитана Алекрицкого, начальника кустанайской команды?

При изучении дела Кокоркиных выяснилось, что во время краснопартизанского восстания он был арестован за активное участие в организации контрреволюционного мятежа в Кустанае в марте 1918 года. Но ЧК повстанческой армии, ввиду чрезвычайных обстоятельств, сложившихся в те дни, не успела довести дело Алекрицкого до конца. Наступление отборных сил белой армии на Кустанай позволило штабс-капитану снова влиться в ряды контрреволюции. Однако вскоре его все-таки постигло возмездие. Как видно из дела Кокоркиных, по постановлению революционного трибунала 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа Алекрицкий был признан виновным и казнен как враг революции за то, что под его командой расстреляно пятьдесят четыре политических арестованных. Об этом было объявлено в иркутской газете «Красный стрелок» от 13 ноября 1920 года.

ПОМОГ СЛУЧАЙ

Кустанайская областная комсомольская организация готовилась отметить свое пятидесятилетие. Решено было пригласить в числе ветеранов комсомола Якова Семеновича Турчанинова, который был чекистом, а ныне живет в Ужгороде. Я списался с Яковом Семеновичем.

Он посоветовал мне связаться с другим ветераном комсомола кустанайщины — Яковом Васильевичем Востриковым. Он, мол, может рассказать об одном интересном деле, проведенном чекистами в 20-х годах. И вот состоялось заочное знакомство с кандидатом исторических наук, работавшим в то время заведующим кафедрой марксизма-ленинизма Московского института народного хозяйства им. Плеханова Я. В. Востриковым. Он прислал свои воспоминания, часть которых была опубликована в сборнике «Первые шаги кустанайских комсомольцев», изданном Кустанайским обкомом ЛКСМ Казахстана в 1959 году. Там приведен тот самый эпизод, о котором сообщал Я. С. Турчанинов. Эпизод, бесспорно, интересный, раскрывающий одно из важных дел Кустанайской ЧК. Но сначала познакомлю читателя с Яковом Васильевичем.

Родился он в 1903 году в селе Александровке Кустанайского уезда в семье крестьянина-бедняка. В 1914 году окончил церковно-приходскую школу, а в 1917 году — Александровское двухклассное училище. С лета 1918 года жил у своей сестры — Пелагеи Васильевны. Ее муж И. Я. Прасолов — один из руководителей Александровской подпольной большевистской организации, приобщил Вострикова к революционной работе. По заданиям И. Я. Прасолова и К. М. Иноземцева юноша передавал письма и записки, узнавал о появлении в селе казаков, выполнял дозорную службу во время собраний, был за кучера, когда Прасолов и Иноземцев выезжали в окрестные села. Весною 1919 года Яков вместе с семьей Прасолова перебрались в село Русское Боровского района, где в то время проживали его родители. Прасолов, Иноземцев, а также отец Яши — Василий Максимович Востриков были активными участниками кустанайского краснопартизанского восстания. После подавления восстания колчаковцы дважды производили обыск в доме Прасолова, допрашивали его жену, а также Якова, допытывались, где находится Прасолов, где скрываются партизаны. В конце мая 1919 года Якова и его сестру колчаковцы арестовали за связь с красными партизанами, но были освобождены по ходатайству и поручительству старосты. Впоследствии Прасолов и Иноземцев были расстреляны алашордынцами под Тургаем, а отец Якова стал жертвой колчаковских карателей.

Яков Васильевич вспоминает: «Приблизительно в октябре 1919 года в Александровке от выступавшего на митинге политработника я узнал, что в Кустанае создано учреждение, которое помогает материально всем гражданам, пострадавшим от контрреволюции. Через неделю я оказался в Кустанае. Иду через базарную площадь. Навстречу мне шел представительный мужчина в черной добротной кожанке, в высокой шапке, с портфелем в руках. Я обратился к нему с вопросом:

Незнакомец смерил меня своим взглядом и испытующе посмотрел в глаза.

— Грамотный? — спросил он.

— Дяденька! Скажите, пожалуйста, где находится социалобеспечение?

Незнакомец улыбнулся и поправил:

— Не социалобеспечение, а отдел социального обеспечения. А зачем тебе, парень, понадобилось это учреждение?

Объяснил, что я пострадавший от контрреволюции и хочу получить помощь.

— Как же ты пострадал?

— Отца расстреляли, лошадь забрали.

— Окончил двухклассное училище! — почти по-солдатски отрапортовал я.

— А ищешь отдел социального обеспечения! Ведь ты не старик и не инвалид. Работать, дорогой, надо!

Я покраснел. И сказал:

— Я не боюсь работы. Но скажите, где ее можно получить?

— Хочешь, парень, работать в ЧК?

— А что это такое?

— ЧК, брат, это — Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией. Вот с теми самыми колчаковцами, которые расстреляли твоего отца.

— Какую же работу я буду выполнять?

— Самую почетную, парень, контру бить.

У меня вновь к лицу прихлынула кровь, но уже не от смущения, а от радости, что я смогу работать в учреждении, которое карает колчаковцев. У меня даже пронеслась в голове мысль: «Ну, попадись же мне теперь на глаза Поздняков!»

— Ну, что краснеешь, как рак вареный? — сказал незнакомец. — Хочешь в ЧК работать?

— Даже с удовольствием буду бить контру,— твердо ответил я.

— Ну, пойдём...

Пришли на Набережную. У входа в дом стоят два часовых с винтовками. Прошли в кабинет. На столе — два телефона. Мой новый знакомый вызвал к себе секретаря, попросил показать мне мое рабочее место и загрузить меня работой. Тут я узнал, что пригласил меня сюда Журавлев, заместитель председателя ЧК*.

В тот первый день моя работа заключалась в заклеивании приготовленных к отправке конвертов. На другой день мне дали что-то переписывать с карточек в анкеты. Этот и два последующих дня были для меня самыми тяжелыми и ответственными. Я понимал, что данное мне поручение — это проверка моей пригодности к работе. А она явно не клеится. То и дело я порчу одну анкету за другой, сажаю кляксы, от пера летят брызги. Я волновался, обливаясь крупными каплями пота. Вдруг осенила мысль — ведь я же делаю не ту работу, на какую был приглашен. Иду к Журавлеву и говорю, что с моей работой произошло какое-то недоразумение.

— Вы мне говорили, что ЧК борется с контрреволюцией, но я этого не вижу. Заставили меня переписывать анкеты. Вы что, всерьез говорили со мной или просто смеялись, когда спрашивали, желаю ли контру бить? Я здесь контру не вижу, а если и увижу, то ее пером не прошибу.

— Ишь ты какой быстрый! Контру-то, прежде чем бить, надо разыскать и поймать. Ты скажи проще, что писарская работа тебе не по плечу. В двухклассном училище тебя, по-видимому, не научили грамотному письму. Ну, а что касается нашего разговора о работе в ЧК, то я тебе говорил вполне серьезно. Только вот ты и тут слово переврал, вместо того, чтобы сказать «всерьез», ты говоришь «всерьез». Ты следи, брат, за своей речью.

Журавлев вызвал караульного начальника и, показывая на меня, сказал:

— Возьми к себе в отделение паренька, подучи, и он будет хорошим бойцом.

* Ананий Моисеевич Журавлев позднее работал начальником Сыр-Дарьинского окружного отдела ОГПУ (см. кн. «Мы из ЧК», изд. «Казахстан», Алма-Ата, 1974, сс. 122—149).

Примерно через час я получил винтовку. Со следующего дня начались в отделении занятия по изучению ее материальной части. Я был на седьмом небе. Все дни ходил с гордо поднятой головой, думая про себя: «Вот это настоящая работа! Берегись контра!» Но и на этот раз судьба зло подшутила надо мной. Примерно через дней десять я заболел сыпным тифом и вышел из строя на целых шесть месяцев. На этом закончилась моя чекистская карьера*. Будучи в госпитале, я узнал, что в Кустаное организовался коммунистический союз молодежи...

1 августа 1920 года в селе Русское организовал ячейку РКСМ и был избран ее секретарем. В октябре 1920 года был принят кандидатом в члены РКП(б), а 20 декабря, в день образования ВЧК, переведен в члены партии. В конце 1920 года на районной комсомольской конференции избран членом Боровского райкома РКСМ и оставлен на работе в аппарате райкома сначала в качестве инструктора, а потом заведующего политпросветотделом...

В период работы в Боровском учился в трехмесячной межрайонной совпартшколе. Никогда не забуду, как во время перемены один из слушателей рассказал, что он только что встретил своего односельчанина, бывшего красного партизана, который не позже как два дня назад поехал в поле за сеном и по дороге встретил беляка, поровшего его в 1919 году плетью... Когда товарищ сказал, что этим беляком является бывший начальник Александровского почтового отделения Поздняков, убежавший вместе с белыми, я едва не лишился чувств. Товарищи... не поняли, что со мной случилось. А случилось самое обыкновенное. Я услышал имя подлеца, предавшего в руки карателей в начале мая 1919 года моего отца...»

Рассказ Я. В. Вострикова заинтересовал меня. Я решил найти дело Позднякова. При помощи Якова Васильевича мне удалось разыскать в Оренбурге старого чекиста Ф. И. Казакова, имевшего непосредственное отношение к делу.

Федор Иванович писал: «В Боровское политбюро

* Я. В. Востриков, будучи первым секретарем Клетского райкома партии Сталинградской области, в январе 1937 года был мобилизован Центральным Комитетом ВКП(б) и направлен на работу в НКВД СССР. Награжден нагрудным знаком «Почетный чекист». Участник Великой Отечественной войны.

Кустанайской Губчека летом 1922 года поступили сведения, что в селе Введенском появился интеллигентный человек, который интересуется историей подготовки жилаевского восстания, ее руководителями из села Введенки, экономикой крестьянских хозяйств и настроением крестьян. Начальник политбюро Яковлев поручил мне выехать в Введенскую волость для проверки этой личности. Когда я приехал туда, в волисполкоме уже было известно, что фамилия появившегося в селе человека Поздняков, что он следует из Усть-Уйской станицы в Кустанай и ищет знакомых среди учителей. Немного позже выяснилось, что этот самый Поздняков был в 1919 году начальником Александровского почтово-телеграфного отделения. Я вспомнил, что он муж моей учительницы Александровского двухклассного училища Стадухиной Марии Михайловны, дочери станового пристава в г. Кустанае. Поздняков населению Александровской волости был известен как активный прислужник белогвардейцев. С помощью купцов Александровки Васянина, Гудова, Тимина и других он по телеграфу сообщал колчаковцам о планах красных партизан. Поздняков был задержан мною и доставлен в Боровское политбюро. Следствие установило, что Поздняков бежал с белыми за границу, а затем пробрался в Советскую республику с разведывательной целью. В то время по уездам Кустанайской губернии рыскали банды. Оживало и кулачество, прислушиваясь к вестям о намечаемых походах белых из Китая через Сибирь. Почти в каждом селе притаились эсеры. Буржуазия, кулачество, эсеры знали, что недобитые генералы, ушедшие за границу, концентрируют свои силы, готовят поход против Советов. И в это время как раз появляется провокатор Поздняков, имевший авторитет среди купцов, дворян, торговцев и местных эсеров. Ведь тогда телеграф был только в Александровке, даже в Боровском его не было. А Поздняков был ряд лет начальником крупной почтово-телеграфной конторы... Вскоре Поздняков был этапирован в Кустанайскую губЧК и на этом мое участие по его делу прекратилось...»

К сожалению, само дело на Позднякова найти не удалось. В обнаруженном в одном из архивных дел постановлении от 1 сентября 1922 года указывалось, что Поздняков признал свое участие в работе контрразведки колчаковцев в 1919 году. Будучи начальником почтово-

телеграфного отделения в Александровском, ездил с карательным отрядом в степь по розыску скрывавшихся дезертиров и заподозренных в сочувствии большевикам. Носил оружие. При встрече кого-либо, противящегося власти Колчака, подавал условный сигнал. Тут же этот человек задерживался.

В номере газеты «Степная заря» от 11 февраля 1923 года, хранящемся в Кустанайском госархиве, сообщалось, что ревтрибуналом приговорен к расстрелу бывший чиновник почтово-телеграфного отделения Николай Поздняков за выдачу в 1919 году карательному отряду служащих, сочувствующих Советской власти. Эта же газета (№ 18 от 17 февраля 1923 года) извещала: приговор ревтрибунала в отношении Позднякова приведен в исполнение.

Так случай, благодаря которому я познакомился с Я. В. Востриковым, помог раскрыть еще одно дело ЧК, проведенное в первые годы Советской власти.

«СДЕЛКА»

Начавшееся оживление в развитии сельского хозяйства было приостановлено стихийным бедствием — сильной засухой и неурожаем, поразившим летом 1921 года огромные пространства Поволжья, Северного Кавказа и юга Украины. Недород привел к голоду, который охватил более 30 губерний с населением свыше 30 миллионов человек... Борьба с голодом — вот основное, что определило мероприятия партия и государства в области сельского хозяйства в 1921 году, который Ленин назвал годом неслыханной тяжести... «Все на борьбу с голодом!» — таков был лозунг дня.

Бедствие постигло и Казахстан. Почти целиком погиб урожай зерновых на территории Уральской, Оренбургской, Актюбинской, Букеевской и Кустанайской губерний. Суховой уничтожил травы, не стало кормов. Начался массовый падеж скота. Сотни тысяч людей голодали.

В одном из информационных сводок Кустанайской губЧКа говорится: «Голод, обрушившийся на Кустанайскую губернию, в своих размерах все более и более увеличивается, выгоняя обезумевшее от ужаса голодной смерти население в города... Жизнь в деревне за-

мерла... Голодает почти все население, за исключением незначительной части крестьян-кулаков и спекулянтов...»¹

Когда народное бедствие достигло предела, трудящиеся стали подумывать о том, чтобы для борьбы с голодом использовать огромные ценности, имевшиеся в церквях. Об этом говорилось на многочисленных собраниях рабочих и крестьян. А в январе 1922 года представители голодающих губерний обратились с подобной просьбой к Советскому правительству. 23 февраля ВЦИК принял решение «изъять из церковного имущества все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть самого культа», и передать их в фонд помощи голодающим. Тогда-то в полной мере и выявилось истинное лицо реакционного духовенства²... 28 февраля 1922 года патриарх Тихон (В. И. Белавин) и члены священного синода русской православной церкви обратились к верующим с воззванием. Они призывали к неподчинению и сопротивлению представителям Советской власти при изъятии церковных ценностей. Эти действия духовенства вызвали волну беспорядков в стране. 5 мая 1922 года Московский революционный трибунал постановил привлечь патриарха Тихона к судебной ответственности³...

С помощью Я. В. Вострикова мне удалось найти в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина газету «Степь» от 24 июня 1922 года. На ее первой странице напечатана корреспонденция под названием «Враги трудящихся», где говорится:

«В центре и во всех других местах Советской России духовенство «воевало» кто за помощь голодающим, кто против, кто за Тихона, кто против. А кустанайские «отцы духовные» помалкивали да старались, как бы сотню-другую своих «возлюбленных чад» голодной смертью уморить.

Изъятие церковных ценностей по нашей губернии дало лишь около четырех пудов серебра и меди, а золота ни золотника — его не нашлось в церквях нашей губернии. Оно оказалось у попов на квартирах. У попов села Александровского, пос. Ново-Борисовского Боровского района коммунист тов. Востриков (потому-то попы и против коммунистов) обнаружил дорогую ризу с иконы и около фунта золота. Обманул «окаянный» коммунист наших «бессребренников», выдал себя за спекулянта и

предложил купить у него сто пудов хлеба, а те и влопались, предложили ему за хлеб ризу с иконы и золото.

Вот они, наши «иереи бога вышнего». Сдать церковные ценности на хлеб своим «братьям во Христе» — нет, а на спекуляцию есть, для своего вместительного брюха готовы содрать не только ризу с иконы, но и кожу с того, кто на этой иконе нарисован.

Вот это называется кровопийством, людоедством.

Конечно, Советская власть это так не пропустит. Она всегда защитит трудящихся, всегда возьмет и передаст то, что им принадлежит. Но есть другая сторона этого дела, которая должна бы многим раскрыть глаза на то, что такое в сущности попы. Попы — друзья капитала, пособники голода, великие лжецы, которые меньше всего заботятся о благополучии своих «овец духовных». Все их силы направлены к одному: поплотнее стричь этих «овец» и затемнять их сознание, ибо только отуманенный мозг человека верит попам и их басням, а наука и знание доказывают все их ничтожество и лживость...»

Вот как прокомментировал выступление газеты Я. В. Востриков, который упоминается в корреспонденции. Яков Васильевич рассказал, что в июле 1921 года он был избран в состав Кустанайского губкома РКСМ и оставлен для работы в аппарате в качестве инструктора. В декабре стал заведующим орготделом, а затем ответственным секретарем.

В один из майских дней 1922 года ему, как секретарю губоргбюро, был вручен ордер на получение сорока пудов семенного картофеля для коллектива своих работников, так как в то время служащие почти всех губернских учреждений получали от государства семенной материал, рассаду для коллективных огородов. На другой день Яков Васильевич собрал сотрудников губкома комсомола и поставил перед ними вопрос, согласны ли коллективно посадить картофель. Все в один голос заявили, что согласны. Но тут возникли затруднения: где посеять и кому вспахать землю?

Через несколько дней к Якову Васильевичу зашел его дядя С. И. Батаженко из Александровки. Он жаловался на то, что из-за недостатка семян пустует часть его надела, и попросил Вострикова выручить из беды. Гость знал, что племянник как секретарь губкома комсомола входил в состав губернской посевной комиссии, которая

занималась распределением поступающего семенного зерна по уездам, а значит — должен помочь.

Узнав об этом разговоре, сотрудники губкома комсомола посоветовали Вострикову передать дяде ордер на семенной картофель, чтобы он посеял его, а потом, осенью, отдал бы часть урожая — сорок пудов. «Этого нам хватит на зиму, — говорили сотрудники». Якову Васильевичу этот вариант не очень-то понравился и он решил посоветоваться с секретарем губкома партии Антоном Тимофеевичем Шафетом. К удивлению, тот одобрил предложение сотрудников. «Возьмите себе мешка два на еду, — посоветовал он, — а остальные отдайте старику, он-то посеет и вырастит, а у вас, пожалуй, ничего не получится». Востриков отдал дяде ордер на сорок пудов картофеля.

На следующий день Яков Васильевич зашел на квартиру, где остановился дядя. Решил проводить его домой. Когда запрягали лошадей, подошла молодая женщина и, глядя на мешки с картофелем, полюбопытствовала, где это удалось добыть картофель. Дядя не без гордости показал на Якова Васильевича: вот, мол, племянник достал! Женщина отвела дядю в сторону, о чем-то пошептала с ним. Затем Батаженко подошел к племяннику, объяснил, что эта женщина — жена александровского священника Сыроватко и что просит достать и ей картофеля. Обещала заплатить серебром. Дядя стал настоятельно советовать Вострикову использовать такую редкую возможность. Востриков дал «согласие». О деталях предстоящей сделки решили договориться позднее.

Востриков рассказал А. Т. Шафету о предложении попадьи. Вывод напрашивался сам собой: священник наверняка расплатится церковными драгоценностями. Шафет вызвал к себе начальника ОГПУ Антонова. Посоветовавшись между собой, они разработали сценарий сделки.

Вечером Востриков был уже в Александровке. Священник Сыроватко, чернобородый, лет сорока, удивительно походил на Гапона. На голове — шляпа, под которую подобраны волосы. После короткого знакомства поп без обиняков обратился к Вострикову:

— Можно ли достать пудов пятьдесят пшеницы и столько же любого другого зерна?

— Смотря какими путями вы думаете доставать,— ответил Востриков неопределенно.

— Полагаю, вам эти пути больше известны, чем мне. Что касается платы, то я рассчитаюсь серебром. Вам ведь говорила об этом моя жена.

На таких условиях, думаю, можно достать и больше.

Священник готов был тут же приступить к конкретному разговору. Но Востриков его остановил:

— Прежде чем начать разговор по существу, нужно договориться об одном условии. Поэтому мое первое условие: держать язык за зубами. Никому о нашей сделке ни при каких обстоятельствах не говорить.

— Камень в воду! — торжественно произнес священник.

— Прежде всего, не посвящайте в детали вашу жену.

— Ну, разумеется! — заявил священник. — С моей стороны будут приняты все меры предосторожности.

— В случае вашей неосторожности вы предстанете перед следственными органами. Обещайте, что вы не выдадите меня!

— Камень в воду! — клятвенно произнес священник.

Священник спросил, сколько он может получить зерна за фунт серебра. Вопрос застал Вострикова врасплох. Он никогда не интересовался ценами на хлеб, выраженными в этом драгоценном металле. Чтобы выиграть время, он, в свою очередь, задал вопрос:

— А каким серебром вы будете платить?

— Как каким! — воскликнул священник. — Настоящим, восемьдесят четвертой пробы.

И тут Востриков вспомнил о газетной статье, где упоминалось, что советское правительство закупило за границей зерно, заплатив за каждые десять пудов фунт серебра. Эту цену он и назвал. У священника вытянулось лицо. Цена показалась ему слишком высокой.

— В одном фунте двадцать серебряных рублей,— заговорил он наконец. — Двадцать, деленое на десять... будет два рубля. Вы просите за пуд зерна больше, чем он стоит на вольном рынке. Какой мне расчет покупать у вас зерно по такой высокой цене, обрекая себя на риск?

— Ну что ж, будем считать нашу сделку несостоявшейся,— спокойно ответил Востриков. — Если кажется дорого, не берите. У меня дело за покупателями не

станет. Да и цена-то на рынке не два рубля за пуд, а четыре.

Последнюю фразу Востриков сказал совсем не потому, что действительно ему были известны цены черного рынка. Он случайно попал в точку. Священник закурил. Задумался. Вздыхнул и сказал:

— Ну, ладно, согласен.

Условились, что на следующий день в Кустанае Востриков вручит ему ордер на сто пудов пшеницы, а священник отдаст десять фунтов серебра. Так и произошло. К удивлению Вострикова, поп заплатил настоящими серебряными рублями, а не церковными ценностями. Получив ордер на первые сто пудов пшеницы, и убедившись, что это дело верное и выгодное, священник решил еще раз встретиться с Востриковым, который в общей сложности «продал» святому отцу «зерна» на тридцать фунтов серебром. После третьей «благополучной» сделки священник осмелел.

— Яков Васильевич, вы меня просто грабите,— начал он доверительным тоном. — Я вам отдал все свои сбережения, а получил от вас сущие пустяки. Пора бы теперь вам подбросить кое-что и бесплатно. Вы поговорите с вашими коллегами. Мне кажется, что они сумеют как следует оценить наши отношения.

— Рано вы пожелали поощрения. Купили товару на шестьсот рублей, а на тысячу просите премии? Аппетитец, у вас, дорогой, прямо скажу, поповский. Куда ни шло, если бы вы, наоборот, закупили у нас зерна на тысячу рублей. Тогда можно бы и подкинуть вам бесплатно в знак поощрения за ваш, как вы говорите, риск, товару рублей на двести, на триста. Но это в будущем.

После этого разговора священник выразил желание купить у Вострикова сахар, муку и мануфактуру. Причем предупредил, что отныне будет расплачиваться серебряными вещами. Востриков возразил, сказав, что ему удобнее получать серебро в монете.

— Да, но где их взять? Все, что у меня было, перешло в ваш карман. Наконец какая разница — в монете или в вещах, ценность серебра от этого не меняется.

— Какая разница? Очень большая. Меня уже так надул один ваш коллега, что я дал себе зарок не принимать у священнослужителей вещи сомнительного происхождения. Воспользовался моей неопытностью и загнал мне какие-то медные посеребренные чаши, кресты.

Не будем осложнять наших добрых отношений. Платите серебром в монете. — Востриков улыбнулся. — Ведь сказано же в священном писании: «Ищите да обрящете!»

Шутка прилась священнику по душе. Он долго смеялся. Потом заверил Вострикова, что у него чистое серебро, восемьдесят четвертой пробы и что можно проверить у любого ювелира.

— Когда-то я был частным священником и у меня была своя утварь, разглагольствовал Сыроватко. — Теперь она не нужна и я могу платить ею за товар.

Востриков пошел на уступки. Условились встретиться в Александровке.

Прибыв в Александровку, Яков Васильевич, как обычно, зашел в волостной комитет партии. Там он застал всех коммунистов в сборе. Они слушали рассказ секретаря сельской партиячейки Николая Пыряева, который накануне произвел изъятие ценностей в местной церкви. В частности, Пыряев рассказал, что на днях он получил от Кустанайского укома партии выговор за то, что дал обмануть себя при изъятии ценностей у Сыроватко. При этом Пыряев показал отношение, подписанное заведующим отделом укома Максимом Величковским, в котором были перечислены церковные вещи, подлежащие изъятию. Но повторный визит в церковь прошел успешно. Рассказ развеселил коммунистов. Востриков же был огорчен случившимся. Он понял, что уком, не ведая о затеянной Шафетом и Антоновым операции, помешал ее закончить.

Глубокой ночью Востриков и Сыроватко встретились. Священник явно был напуган повторным изъятием церковных ценностей. Он настороженно посматривал на Вострикова и сквозь зубы, цедил:

— Удивляюсь, как могли узнать о сохранившейся у меня утвари. Ведь она не церковная, как я вам уже говорил, а моя, хотя и хранилась в церкви.

— А меня удивляет другое, — с подчеркнутой недоброжелательностью сказал Востриков. — Оказывается, вы не были откровенны со мной. Изображаете дело так, будто безвинно пострадали. А на самом деле вещи эти церковные. При первом изъятии вы обманули Пыряева, но второй раз вам это не удалось. Пеняйте на себя.

— Но откуда у них такая осведомленность о церковной утвари, которая бог весть когда была снята с церковного учета?

Востриков понял, куда клонит священник.

— Вы знаете Ивана Величковского-старшего?

— Ну, как не знать, это же почтеннейший старец, доброй души христианин,— ответил священник.

— Знаете, да не все,— усмехнулся Востриков. — У этого почтенного христианина есть не менее почтенный старший сын — Максим Величковский, который будучи мальчиком, лет пять прислуживал в вашей церкви. Вас тогда здесь не было. Так вот, этот мальчик знал наперечет всю церковную утварь. А теперь он работает в Кустанайском уезде партии. Распоряжение о вторичном изъятии подписано им.

Объяснение Вострикова убедило священника. Он облегченно вздохнул. В глазах его засветился прежний огонек. Снова завязалась доверительная беседа.

На этот раз священник вручил Вострикову золотую ризу с большой иконы божьей матери. За мануфактуру обещал расплатиться слитком золота. При этой, последней своей сделке священник Сыроватко был арестован губотделом ГПУ с поличным.

В ЛОГОВЕ БАНДЫ

Недобитые враги Советской власти — белогвардейцы, эсеры, анархисты, кулаки, используя недовольство определенной части крестьян продовольственной политикой правительства, всячески способствовали возникновению волнений среди крестьянских масс, создавали бандитские отряды, убивали коммунистов, продработников, терроризировали и грабили население. Так было на Тамбовщине, в Сибири, на Украине, в Белоруссии, на Северном Кавказе, в некоторых районах Казахстана.

Во второй половине августа 1920 года в Кустанайском уезде вспыхнуло кулацкое восстание. Оно началось во Всесвятском поселке Петропавловского уезда и направлено было в Кустанайский уезд, в Больше-Чураковский, Ново-Алексеевской волости. Благодаря принятым мерам восстание было ликвидировано 30 августа. Но, по прошествии некоторого времени, т. е. 25 сентября в уезде опять возникло восстание казаков поселка Маринского и Андреевского. Казачий отряд в 200 человек двинулся на Шевченковский поселок с тем, чтобы обезоружить находящуюся там милицию 4-го района, но благодаря при-

нятым мерам со стороны кустанайских властей и милиции 3-го и 4-го районов, а также партийных организаций, восстание было ликвидировано к 5-му октября. Арестовано 19 активных участников восстания, по делу производится следствие. Выяснено, что восстание было подготовлено подлой агитацией белогвардейщины.

Так сообщалось в одном из отчетов Кустанайского отдела милиции за 1920 год, обнаруженном мною в облгосархиве.

Меня, как всегда, интересовали подробности. В данном случае я полагал, что органы ЧК не могли быть в стороне, они наверняка принимали активное участие в ликвидации восстаний. Спустя несколько лет, я нашел в Кустанайском облпартархиве дело переписки по ликвидации бандитизма в уезде. В нем наткнулся на отрывочные информации, сводки, раскрывающие детали приведенного выше отчета милиции. Я выбрал их. Получилось нечто такое, похожее на дневник боев, происходивших с бандитами. И, главное, оправдались мои предположения. Сигнал о появлении банды, прежде всего, поступил в политбюро...

22 августа 1920 года.

Заведующий Кустанайского политбюро Мирошник писал из поселка Анновска в адрес председателя Кустанайского уездисполкома, начальника боегруппы и упарткома информацию, из которой видно, что в связи с получением сигнала о появлении банды, он 19 августа выехал с конным отрядом из пятнадцати человек в Ново-Алексеевскую волость, где приступил к производству дознания. В ходе этой работы отряд Мирошника производил обыски, в пяти дворах обнаружил пять неисправных ручных гранат, 250 патронов, одну винтовку, одну шашку и разные казенные вещи, а также арестовали несколько человек. «При вторичном допросе арестованных возчиков поселка Ново-Алексеевского,— писал Мирошник,— они указали местопребывание бандитов на Убагане, куда сами отвезли их от Ремизова кардона. Я, не медля ни минуты, двинул свой отряд в том направлении, взяв в проводники одного из арестованных возчиков. Отъехав от поселка, встретили свою разведку, которая подтвердила сведения Ново-Алексеевского исполкома..., что кулаки, мобилизованные в поселке (9 человек) были на местах, которые указаны возчиками, но вчера выехали дальше, куда, неизвестно. Сей доклад пишу в п. Ан-

новском, куда только что приехал и получил проверенные сведения о том, что бандиты-кулаки 15 человек, вооруженные винтовками, некоторые револьверами, поехали на подводах, которые берут у встречных граждан, ссаживая их, едут по течению Убагана верстах в 20 от Анновского поселка. Эта банда напала на 35 человек красноармейцев, которые косили сено для отдела снабжения уездвоенкомата, взяли их с собой, заявив им, что они представляют из себя зеленую армию и двинулись дальше по течению... Придавая значение попытке организовать зеленую армию в Кустанайском уезде при настоящем общем политическом настроении граждан, я решил пока их не выпускать из виду и если догоним, то дать бой, чем мы их безусловно задержим, если не удастся ликвидировать совсем... Посылаю нарочным милиционера, остаюсь при 13 всадниках. Повидимому банда продвигается к казакам. О нас спрашивайте у киргиз, начиная с поселка Анновском». На этом дальнейшие подробности экспедиции Мирошника в архиве обрываются.

25 августа.

Поступило экстренное сообщение Воробьевской ячейки, сочувствующих РКП(б) о том, что в поселке Всесвятском вооруженные бандиты зеленых обезоружили отряд красноармейцев в 42 человека. Поступила также телеграмма из Пресногорьевки от Всесвятского райпродкомиссара Медведева: «Срочно примите меры к помощи Всесвятскому. Зеленый отряд обезоружил красноармейцев, касса взята, все оружие, находящееся во Всесвятском, взято. Расстреляны продработники. Зеленые выбыли из Всесвятской на Убаган в сторону Кустаная. Силы отряда до 100 человек. Я пока свободен, обезоружен».

26 августа.

Заведующий политбюро Мирошник вышел с предложением перед уездным исполкомом о необходимости создания особой тройки из представителей упарткома, уисполкома и начальника гарнизона, которой поручить ведение всех оперативных действий в уезде и городе.

27 августа.

Тройкой направляются из Кустаная отряды Окунева из 100 человек, Аверина из 10 конных милиционеров, взвод особого назначения по направлениям действий зеленой банды.

30 августа.

Восстание банды ликвидировано.

25 сентября.

Возникло восстание казаков в Денисовском районе. Начальник милиции 3-го района Рыбалченко экстренно сообщил в уездную милицию, что Новгородские прииски Джетыгаринской волости заняты восставшими казаками.

Нарочный Денисовской комячейки уточнил, что банда приблизительно из 100 человек с четырьмя пулеметами движется в направлении по реке Тобол к пос. Денисовскому и далее к городу Кустаная, а также глухими местами к пос. Семиозерному.

28 сентября.

В Денисовке создается штаб по руководству ликвидацией зеленой банды. Штаб сообщил в Кустанай, упартком, что для ликвидации банды сформирован отряд из 60 человек, который, разбившись на два отряда, вышел: первый по направлению к прииску и второй — к поселку Маринский Наследницкой станицы. По последнему донесению начальника отряда, за пос. Тургеновском в 25 верстах организована еще одна банда в 200 человек, которая направилась к Шевченковскому. Штаб обращает внимание на три-четыре поселка: Мариновка, Георгиевка, Андреевка и Милютинский, где орудуют банды.

29 сентября.

Штаб сообщил, что сегодня в ночь наши отряды с общим числом 60 человек должны повести наступление на Мариновку.

30 сентября.

Тройка из Кустаная дала указание Денисовскому штабу занять отрядом в 30 человек поселок Маринский, отрядом в 30 человек — поселок Георгиевский и держать тесную связь между занятыми двумя поселками. Остальную банду не упускать из виду путем разведки. Одновременно тройка сообщила, что в помощь Денисовскому штабу выступает из Кустаная взвод вооруженных: 30 пеших и 10 конных. Командир этого отряда уполномочен командовать всеми вооруженными отрядами по ликвидации зеленой банды. С нарочными высылаются тысяча трехлинейных патронов.

30 сентября.

Один Денисовский отряд наступил на Мариновку и захватил в плен 14 казаков. В то же время отряд зеле-

ных в количестве 45 человек повел наступление на прииск, за ним шел обоз до десяти подвод, предназначенный для вывозки мануфактуры и ценностей из прииска. Денисовский отряд открыл огонь против бандитов и заставил их бежать.

С прибытием кустанайского отряда была организована экспедиция кавалерии по хуторам и лесам Мариновском и Княженском для ловли скрывающихся бандитов. В результате этой экспедиции 2 октября взято в плен восемь бандитов и их соучастников. В поселке Андреевском выявлено тридцать человек, принимавших прямое или косвенное участие в банде, некоторые из них задержаны. Наш разведчик в пути следования предстал перед извозчиком как организатор зеленой банды и узнал, что в станице Наследницкой есть много желающих вооружить банду и имеющих для этого все необходимое: оружие и снаряжение. В Наследницкую станицу направлены разведчики для выявления конкретных лиц, желающих вступить в банду, а также количество оружия. Вслед за этим планировалось направить туда же часть кавалерии для производства обысков и арестов подозрительных лиц.

Некоторое время после этого в Денисовском районе было спокойно. Местные товарищи пришли к выводу, что банда разбежалась и опасность миновала. Однако, как скоро сообщил начальник милиции 3-го района, 18 октября 1920 года вновь появилась конная банда зеленых в 100 человек, хорошо вооруженных винтовками, шашками и бомбами. С ними был бой между пос. Князевским и заимкой Филиновки, Троицкого уезда. Со стороны противника три убито, много ранено. Противник в панике бежал по направлению пос. Бреды, Наследницкой станицы. Кроме этого, милиция получила донесение от Забеловского волвоенкомата, что в поселок Мариновский прибыл отряд зеленых в 80 человек, что находится от Денисовки в 60 верстах.

21 октября.

Денисовский штаб сообщил, что банда зеленых около ста человек выступила из пос. Мариновка и заняла поселок Шевченковский, Кустанайского уезда, где производит мобилизацию от 16 до 45 лет. Часть зеленых, численность неизвестно, стоит во втором ауле Джетыгаринской волости, в 15 верстах от золотых приисков. Наш отряд в количестве 75 человек находится в Джеты-

гаринских золотых приисках. Прибыло 15 милиционеров милиции 6-го района, кроме того собрано еще 17 человек партийных ячеек, все они направлены на прииск на подкрепление. Еще ожидаем отряд Чернова в 100 человек кавалерии, сформированный с ячеек Троицкого уезда. По прибытии этот отряд будет наступать на пос. Шевченковский. Положение советской милиции 4-го района, дислоцирующей в Шевченковском, неизвестно. Денисовский штаб просит прислать винтовок и патронов сколько можно.

25 октября.

Денисовский штаб сообщил, что 23 октября банда зеленых вышла из пос. Шевченковского по направлению к Атамановскому поселку, захватила двух милиционеров 4-го района и одного киргиза, которых убили. Нашим отрядом убит командир сотни зеленых. К вечеру того же числа между поселками Ждановским и Забеловским была замечена казачья разведка числом до 30 всадников, которые, как выяснилось, утром 24-го были в Мариновке, потом выехали в аул Джилкуар. Здесь их, очевидно, собралось до 100 человек. Предполагается, банда зеленых была какой-нибудь случайностью разбита на две части почти равные, одна из них под давлением наших отрядов вышла в Кусакан, а другая часть, не зная, где находится первая, вертится в окрестностях Забеловки. Сегодня получено донесение, что вторая часть банды, проходя через Идрисов аул, захватила наш пост из двух человек и увезла с собой. Направление банды точно неизвестно, так как при выходе из поселка или аула они оставляют караул до тех пор, пока отряд не скроется из виду. Установлено, что они также делают маневры, с целью сохранить свой путь в неизвестности. Думаем, что они направились к Егорьевскому, поэтому приказано отрядам Карпенко и Панина немедленно выступить в Егорьевский. Прибыл нарочный из нашего отряда и сообщил, что во время обхвата зеленой банды был захвачен казак, который на допросе сказал, что зеленые намерены пробиться в Аман. Это подтверждается данными и из других источников. Наш отряд преследует зеленых.

27 октября.

Денисовский райком уточнил, что зеленых два отряда: один числом в 200 человек, хорошо вооруженных, при одном пулемете, другой числом около сотни. Вви-

ду энергичной работы наших отрядов зеленые уходят, боя не принимают. Зеленые очень ловко маневрируют и гоняться за ними нашему небольшому отряду трудно.

2 ноября.

Денисовский райком доложил, что банда зеленых разбита за пос. Елизаветпольском, убито 12 человек, захвачено 40 винтовок, 16 лошадей с седлами, обоз. Но главари банды бежали. Наши отряды преследуют их.

5 ноября.

Поступило сообщение из Денисовки, что большинство бандитов переловлено, выяснено, что главарями банды являются: командир — Макаров, его заместители — есаул Старжевский («Золотой зуб») и учитель Звягинцев. Положение в районе в данное время безопасное.

Однако, как показали последующие события, банда Макарова продолжала еще действовать.

В целях борьбы с бандитизмом в стране создавались части особого назначения (ЧОН), которыми руководили военные советы, состоявшие из секретаря комитета партии, командующего ЧОН, представителей ЧК и военкома.

Ликвидация бандитизма стала всенародной задачей. Преследование банды, часто без средств передвижения, не всегда достигало цели. Чтобы нанести ощутимый удар, надо было предварительно разведать места расположения врага, его вооружение, количество бандитов. Следовало еще и выявить и обезвредить их пособников среди населения. Словом, необходимо было решать сразу множество задач.

Приказ № 1 по войскам отрядов особого назначения республики обязал командование частей немедленно приступить к организации разведки. Для этой цели предлагалось выделить из каждого отряда полкового состава по пять, батальонного и ротного состава — по три наиболее развитых партийных товарища и организовать информационно-разведывательную службу¹. В этой работе основную организаторскую роль должны сыграть органы ЧК.

В Кустанайском областном партийном архиве обнаружено сообщение Денисовского штаба в уездный партком о том, что 29 сентября вернулся разведчик Токмаков, который был в селе Брединском и присутствовал на совещании руководителей бандитов, где есаул Звездин; он же Звягинцев, «проводил идею против коммунизма...»²

Этот факт имел прямое отношение к борьбе против банды Макарова, оперировавшей на территории Кустанайской губернии. Хотелось, естественно, найти более подробные данные об этом эпизоде.

Однажды, просматривая очередную почту, я обратил внимание на заявление А. М. Тетерятника, поступившее из Миасса Челябинской области. Заявитель сообщал, что в 1921—1922 годах он работал в Кустанайской губчека и просил выслать ему справку об этом. Обычная просьба. Но для меня она явилась радостной находкой: разыскиваю старых чекистов, а тут вдруг один из них объявился сам. Через несколько дней сотрудник, которому я направил заявление на исполнение, зашел ко мне и положил на стол ответ на подпись. Читаю: «...Данных о Вашей работе в Кустанайской ГубЧК в 1921—1922 гг. не обнаружено...» Я не подписал бумагу, вернул ее сотруднику и попросил еще раз просмотреть документальные материалы. При этом назвал город, где могло храниться личное дело Тетерятника. Прошло не так уж много дней, как оно поступило к нам. Так я узнал, что Афанасий Мефодьевич Тетерятник был участником кустанайского краснопартизанского восстания, после подавления которого некоторое время находился на нелегальном положении, а в августе 1919 года вступил в Красную Армию. В 1920 году принят в партию и переведен на работу в Особый отдел Восточного фронта. Затем при расформировании отдела по личной просьбе был откомандирован в Кустанайскую губЧК. Положительный ответ ушел по соответствующему адресу. Однако один штрих из биографии чекиста-заявителя не выходил из моей головы. Тетерятник в 1920 году был заслан Особым отделом в банду Макарова, пробыл там около недели, задание выполнил. В то время ему был двадцать один год.

В начале 1975 года я написал ему письмо. Скоро получил ответ. Писала дочь Афанасия Мефодьевича, сообщала, что отец болен, но по выздоровлении обязательно пришлет воспоминания. Прошло более двух лет прежде чем у нас завязалась наконец переписка.

«В 1919 году,— писал Афанасий Мефодьевич,— я был красноармейцем отдельного батальона 35-й дивизии 5-й армии. После взятия Красной Армией города Омска два взвода нашей роты были перебазированы в Брединскую станицу Челябинской губернии. Наш отряд стал именоваться Брединским боевым участком.

В июне 1920 года к нам прибыл военком батальона 35-й дивизии Иванов. Я выбрал удобный момент и доложил ему, что хозяин дома, в котором я квартирую, под большим секретом предложил мне уйти из Красной Армии в отряд «спасения родины» и посоветовал подготовить еще двух-трех человек, но не больше. Военком дал указания, как мне вести себя с заговорщиком. Иванов побыл еще день или два, дал приказ командиру боевого участка перебазироваться в Троицк. А мне надлежало сразу же явиться к нему в штаб. Отряд стал собираться в поход. Хозяин дома спросил меня, намерен ли я бежать. Я ответил уклончиво: мол, не знаю, если уйду, то должен быть полностью уверен в том, что меня возьмут в отряд «спасения родины», да и время подходящее нужно выбрать. Ему понравилась моя рассудительность, и он сказал, чтобы я ночью пришел к его дому, если удастся, могу привести двух-трех человек.

В Троицке я явился в штаб к Иванову и поехал с ним в Особый отдел ЧК, где подробно все доложил. Меня выслушали начальник Особого отдела Деревнин и его заместитель Казаков. Затем меня направили в распоряжение военкома отдельного кавалерийского дивизиона Кузнецова для несения службы. Через месяц тот вызвал меня, и мы выехали с ним в Особый отдел. Я зашел в кабинет Казакова, где сидел еще один товарищ, с которым мне предстояло внедриться в банду. Казаков провел с нами инструктаж, разъяснил задачу, проинформировал о кровавых делах банды, предупредил, чтобы мы вели себя осторожно в ее логове, запретил вести какие-либо записи. В заключение сказал, чтобы мы в Полтавской станице уточнили с военкомом Пономаревым свой маршрут.

Мы двинулись в Брединскую станицу. Ночью я поступал к бывшему хозяину квартиры. Он вышел и подробно описал маршрут, разъяснил, как вести себя с главарями банды. Нам следовало идти к Аненской станице, углубиться в лес, передвигаться ночью. Если кто увидит нас и спросит, куда идем, отвечать: «Наниматься в работники». Если задержат вооруженные люди и отправят на хутор, говорить то же самое. В хуторе нас продержат два дня, затем отправят на базу. Там нас будет допрашивать человек лет сорока, среднего роста, без усов, но с бородкой клинышком. Ему надо сказать

«Здесь станицы богатые, в работники нас послал сюда Степанов». Он спросит: «Сотник?» — Ответ: «Да».

Мы вышли ночью. Мой товарищ сказал мне, что он пойдет в другое село. На второй день мы расстались. Шел я недели две. Однажды на поляне увидел группу всадников и побежал в кусты. Двое бросились за мной. Догнали, спросили, куда иду. Я ответил, что в станицу, наниматься в работники. Они о чем-то поговорили между собой, и, должно быть, старшой, распорядился: «Отправь его к атаману станицы. Он там правду скажет». Второй казак, вооруженный шашкой и винтовкой, повел меня к хутору. Зашли мы в избу. Там сидели женщина и мальчик лет десяти. Я узнал, что это заимка моего конвоира. Проработал я на него два дня. Затем приехали к нему двое: один на телеге, другой верхом. Забрали меня. Везли лесом почти всю ночь. Привезли к каким-то строениям. Я увидел на полянке около десяти человек и шесть-семь лошадей. Меня завели в землянку, заперли. Просидел полдня. Потом повели в большую землянку и втокнули в небольшую комнату. Там сидели двое мужчин. У одного борода клинышком. Он и начал меня допрашивать. Кричал, угрожал револьвером, обещал повесить. Я твердил:

— Господин станичник! Я пришел в работники наниматься.

Вижу, слово «станичник» его рассердило. Другой поправил меня:

— Их благородие не станичник, а офицер доблестного казачьего войска.

Я умоляюще начал просить:

— Ваше благородие, здесь живет народ богатый, вот меня наниматься в работники сюда и послал Степанов.

— Сотник?

— Да.

Потом я узнал: меня допрашивал офицер Старжевский, заместитель Макарова. Другой был тоже офицер. Старжевский спросил меня, знаком ли я с оружием. Потом подозвал какого-то бандита и распорядился:

— Вот тебе казак, уведи его к уряднику.

Привели меня в другую землянку. Урядник стал спрашивать, что я могу делать, знаю ли оружие. После этого он сказал бандиту, чтобы тот передал мне лошадей в упряжке для хозяйственных работ. Я и еще трое ночами ездили на заимки за фуражом и хлебом. Мой

непосредственный начальник, лет сорока пяти, был очень словоохотливым. Из разговоров с ним я узнал, что нахожусь на базе банды Макарова (базой бандиты называли свой лагерь). В Аненских лесах есть две-три землянки и другое мелкое строение, где размещается штаб. Вторая база находилась в десяти-пятнадцати километрах от станицы Княжинской. Банда состояла всего из двухсот человек, большинство из них — дезертиры. Оказалось, часть бандитов жила в станицах под видом работников. Связи банды Макарова тянулись в Петропавловск, Курган, Саратовскую и Уральскую губернии. Огнестрельного оружия и патронов в банде было недостаточно. Вооружена она была карабинами, винтовками, старыми берданами и обрезами.

Ночью в землянку, где нас жило шестеро, пришел урядник. Приказал взять двенадцать разных винтовок, которые мы днем чистили, нагррузить две подводы овса, а на остальные — продовольствие. Ночью же и выехали. Встретившийся в пути верховой, что-то сообщил уряднику, и обоз повернул в другую сторону. Ехали лесом по следу отряда. Утром, как только вышли к лесопильному заводу слышались выстрелы. Я соскочил с подводы, бросился к строению и укрылся в штабелях. Стрельба уходила дальше в лес. Через некоторое время я увидел пеших красноармейцев вперемишку со штатскими. Тут двое красноармейцев крикнули: «Руки вверх!» Обыскали меня. Я сказал, что моя винтовка стоит у стенки. Красноармейцы взяли винтовку и повели меня к командиру. Здесь я увидел Полтавского станичного военкома Пономарева и командира Денисовского отряда Андрея Мешкова. Доложил им обо всем, что я узнал о банде Макарова. Отряд красноармейцев стал преследовать банду, а я выехал в станицу Полтавскую, оттуда — в Особый отдел...»

В Кустанайском облпартархиве я нашел воспоминания о разгроме банды Макарова. Их написал один из участников Денисовского отряда, секретарь ячейки при Денисовском укое РКП(б), но фамилию его, к сожалению, сообщить не могу, так как расписался он неразборчиво. Документ датирован 3 января 1923 года, то есть написан спустя полтора года после разгрома банды. Вот что рассказывает автор воспоминаний.

25 мая 1921 года Полтавскому райкому партии Троицкого уезда сообщили, что в районе объявилась банда

Макарова. Срочно были мобилизованы все коммунисты. Созданным отрядом из шестидесяти человек стал командовать член райкома партии Марусин. В одиннадцать часов дня они направились на станцию Карталы, а оттуда поездом — на станцию Бреды, где в отряд влились еще восемь коммунистов. Дальше путь лежал к станции Полтавка. Однако выяснилось, что железная дорога на протяжении семнадцати верст разрушена, поэтому пришлось это расстояние преодолевать пешком. В полночь отряд прибыл в село Павловку. Утром разведка сообщила, что банда численностью в двести пятьдесят сабель и четыреста штыков из села Адриапольского направляется к станции Бреды. Отряд Марусина вышел в станицу Брединскую, где выставил караулы. Вечером разведчики отряда вернулись из села Рыменского. Им удалось получить точные сведения: банда состояла из трех эскадронов кавалерии, шестисот человек в пешем строю и обоза из семисот подвод. Утром 30 мая дозор, выставленный на дороге, сообщил, что банда направляется в Брединскую. Один конец колонны уже на половине пути, а другой еще в Рыменском.

Видя, что отряду из шестидесяти восьми человек не выдержать боя, Марусин принял решение сесть на подводы и отступить к станице Елизаветпольской. Отсюда он связался по телефону с Полтавским райкомом, доложил обстановку и просил выслать подкрепление. Часа через три на поезде прибыл второй отряд из девяносто человек с пулеметом. Оба отряда по железной дороге выехали в Бреды. Оставалось преодолеть еще верст пятнадцать, как разведка сообщила, что в трех местах разобраны рельсы. По пути следования отряд ремонтировал дорогу и двигался вперед. 31 мая, когда до Бредов осталось шесть-семь верст, девяносто бойцов отряда пошли цепью к сопке Маячная, что в четырех верстах от Бреды. Тут появилась конная разведка и сообщила, что три эскадрона кавалерии банды идут в наступление. Вскоре показались конники. Застрочил пулемет. Банда бросилась в атаку. В это время подошел состав и раздалась команда: «По вагонам!» Отряд, отстреливаясь из пулемета и винтовок, на поезде прибыл на станцию Елизаветпольскую.

2 июня на помощь отряду прибыли эскадрон курсантов 205-го Челябинского пехотного полка, троицкие коммунары и кавалерийский отряд из Верхне-Уральска и за-

няли 2 июня Бреды. Бандитов там уже не было. На станции остались только их следы: разграбленные лавки и магазины, разрушенные пути, сожженный железнодорожный мост через реку Сипташта. Отряды пошли в направлении Адамовки Кустанайской губернии. Ночью село перешло в руки наших бойцов. Здесь бандиты тоже учинили грабеж, зверски расправились с коммунарами, которых было не менее шестидесяти, и ушли в Орск и Урал. О направлении их бегства можно было судить по широкой колее, которую оставили на целине более семисот подвод. Примерно через пятнадцать верст отступающие подожгли степь. За стеной пожара слышались пулеметные очереди, винтовочные залпы. Наши отряды бросились прямо через огонь. Преодолев участок, где бушевал пожар, пешие бойцы увидели, что их товарищи кавалеристы уже вступили в схватку. Помощь явилась как нельзя кстати. Прокатилось «ура», и конники бандитов бросились наутек, что предрешило исход сражения. Пешие макаровцы побросали оружие и подняли руки вверх. В плен сдались около шестисот человек. Их повели в Адамовку, вылавливая по пути укрывшихся конников банды. В одной зимовке было обнаружено и задержано около десяти человек.

Через некоторое время вернулись наши кавалеристы и рассказали, что они догнали бандитов. Произошла жаркая рубка. Но часть вражеских конников все-таки вырвались из окружения и ускакали. Не удалось полностью захватить и обоз.

Так завершился разгром макаровской банды.

ЧОН В ДЕЙСТВИИ

В Кустанайском областном госархиве обнаружен доклад командующего частями особого назначения губернии от 3 декабря 1921 года. «Оперативные боевые задания частями особого назначения губернии,— говорится в этом документе,— с 20 октября по 3 декабря выполнялись два раза: первый раз по ликвидации банды в 37 человек в Адамовском районе, остатки которой пришлось ликвидировать 18 ноября в Федоровском районе. Вторая банда из 40 человек в Боровском районе, преследуемая нашими отрядами, перешла во Всесвятский район...»¹

Из множества архивных материалов меня заинтересовали сводки, относящиеся к упомянутым действиям ЧОН. Вот две выдержки из этих документов тех далеких героических лет.

1. «Банда численностью в 40 человек в ночь с 9 на 10 ноября ночевала в ауле № 6 Карабалыкской волости (на карте нет, 35 верст западнее Кустаная). Бандиты в названном ауле зарубили женщину, забрали скот, после чего удалились в направлении Костычевского. Отмечено наличие у бандитов запасных винтовок. Банда преследуется отрядом роты Кустанайского батальона под командой Пугачева в числе 35 человек...»²

2. «Установлено, что в период преследования банды нашими частями выбито из строя 14 бандитов, в том числе ранен главарь банды оказавшийся неким Горенко. Взяты... трофеи...»³

Бывший командир роты ЧОН Василий Григорьевич Пугачев сейчас живет в Кустанае. В историко-краеведческом музее находятся его воспоминания об участии в ликвидации банды Горенко, где более подробно описываются операции чоновцев. Вот что рассказал мне Василий Григорьевич, основываясь на своих записях многолетней давности.

— 8 ноября 1921 года в Федоровке проходила районная партийная конференция. Я был делегатом. Командир Кустанайского полка ЧОН Г. П. Цветков вызвал меня... по прямому проводу и сообщил, что со стороны поселка Васильевского на Федоровку движется хорошо вооруженная банда в количестве сорока трех человек. В связи с этим он предложил Федоровскому боеучастку под командованием секретаря райкома Тараненко обеспечить охрану Федоровки и всего района, а мне немедленно взять двадцать коммунистов конников, хорошо вооружить, выехать в Костычевку, провести разведку, встретить и ликвидировать банду.

Мой отряд из двадцати двух конников прибыл в Костычевку. На второй день разведка донесла, что в 5-ом ауле Карабалыкской волости бандиты убили нашего агента по заготовкам и направились в Андреевку. За один час до нашего прибытия бандиты захватили в сельсовете Ивана Сергеевича Юнацкого, члена РКП с 1920 года. Бандиты разоружили его, раздели, стащили с него сапоги, вывели в одном белье на огород и изрубили

шашками*. Мне рассказали, что донес на него кулак Грузинский, которого я арестовал и передал советскому правосудию.

Тем временем банда прибыла в Успеновку, изловила милиционеров Ефимова, Собко и Черного и изрубила шашками. Мы не застали банду. В поселке Каракопа бандиты убили коммунистов Копец и Бережко, насильовали девушек и грабили население. Увидев движение нашего отряда, поспешили покинуть Каракопу и выступили на Булгаковку. Я хорошо разглядел движение банды в бинокль. Их было человек сорок верховых и два крытых экипажа. Нас разделяли всего три-четыре километра.

Настала темная ночь. Пошел первый снег. Было холодно. Снег шел все сильнее. Подул ветер. В Брылевском потеряли следы банды. Двинулись на поселок Кеньаральский. В Серовском бандиты атаковали наших разведчиков. Мы начали преследование. Банда ушла на поселок Банновский, через Брильск. В наш отряд прибыл инструктор райкома партии Яков Крамчанин в сопровождении милиционера. Они встретились с бандитами и вступили в бой, одного убили. В Брильском мы уничтожили еще одного бандита. Одного взяли в плен и отправили в распоряжение Федоровского штаба боевого участка ЧОН.

Банда на полпути от Брильского свернула в сторону по направлению к Новошумному. Подул буран. Мы опять потеряли след и сбились с пути. Поздно ночью случайно добрались до Банновки. К нам на помощь прибыл из Кустаная отряд Волосюка. Вместе двинулись на Новошумное. На рассвете 16 ноября настигли банду в станице Крутоярской Октябрьского района Челябинской губернии. До нашего прибытия бандиты арестовали пятерых станичных коммунистов, раздели их и вывели к обрыву реки Уй. Один из обреченных на гибель бросился с обрыва, перебежал в талы по берегу и ночью босиком по льду прошел восемнадцать километров в станицу Березовскую и спасся. Остальных коммунистов бандиты расстреляли.

На восходе солнца решили мы атаковать станицу Крутоярку. Банда, не вступая в бой, двинулась на Щучье,

* В память о И. С. Юнацком на месте его гибели сооружен обелиск. Одна из улиц Федоровки носит имя Юнацкого.

расположенное в двадцати пяти километрах от Крутоярки. Началась погоня. К вечеру наш отряд сильно устал, конники падали из седла. Оказалось, что от Банновки до Крутоярки мы сделали переход около ста километров без отдыха, без еды. Бойцы были поглощены одним желанием: догнать бандитов и уничтожить их. Они пошли на отрубной участок заимки братьев Голубицких лесными колками и рассыпались между ними. Наступила ночь. Мы снова потеряли след и вынуждены были ночевать в заимке. А бандиты, оказывается, собрались на ночевку рядом, в трех километрах от нас, в заимке Дендино. На рассвете пошли в наступление. Мой конный отряд объехал кочковатое озеро и рассыпался цепью. Здесь к нам присоединились около тридцати наших бойцов под командой Федора Владимировича Федозы. Бандиты бросились нам навстречу. Один из них ринулся на меня с шашкой. Я выстрелил из нагана и попал ему в грудь. Бандит свалился, выронил шашку, и она задела своим концом мою левую руку. Выронив поводья, я пришел в такую ярость, что нагнал несколько бандитов и расстрелял их.

В этом бою враг потерял восемь человек убитыми. Одного мы взяли в плен, нескольких ранили. Бандиты двинулись по направлению казачьей станицы Каракульской Троицкого района. Мы не отставали. Я разгадал их маневр, который заключался в том, чтобы не доходя до Каракульской, повернуть назад на Крутоярку. Несколько моих конников поскакали, чтобы перерезать дорогу, ведущую к Крутоярке. Маневр-то был разгадан, но конники бандиты все-таки проскочили. Мы захватили лишь крытый экипаж, в котором оказалась жена помощника командира банды Беспалова.

В тот день мы четырнадцать раз сходились в бою с бандитами и каждый раз наносили им потери. Запомнился такой эпизод. Случилось так, что мы вчетвером оторвались от основных сил, нас окружили. Пуля бандита попала в круп коня, на котором сидел милиционер Степаненко. Жеребец вскинул задом так, что тот вылетел из седла. Один валенок Степаненко остался в стремени. Он прихрамывая, подбежал ко мне, и мы с колена стреляли по бандитам, отбиваясь до тех пор, пока не подошли наши. В этом бою мы уничтожили трех бандитов. Снова началось преследование. Причем догнали коня, в стремени которого крепко держался валенок. Банда за-

летела в Крутоярскую, но, не задерживаясь здесь, двинулась тем же направлением, что и накануне. Так, мы за целый день от Дендино до Щучьего прошли около ста километров. По сути, за двое суток описали два стокилометровых кольца.

Когда чоновцы ворвались в Федоровку Кочердыкского района Челябинской губернии, нам рассказали о том, как вели себя бандиты в этом населенном пункте. На одной из улиц они окружили группу молодежи. Их внимание привлекло золотое кольцо с драгоценным камнем на руке девушки. Они схватили ее, стали снимать перстень. Он был так туго надет, что бандиты сорвали его вместе с кожей пальца.

Жители села поняли, чем в действительности занимается банда. Поняли, что мы ведем с врагом справедливую борьбу. Они вывели нам самых лучших своих жеребцов. Мы быстро поменяли коней и продолжали преследование. Нагнали банду у села Кочердык и навязали бой, который длился около трех часов. В этот раз разбили их основное ядро. Лишь двенадцать из них, в том числе четверо раненых, скрылись в лесу.

Когда мы въехали в Кочердык, командир местного отряда ЧОН передал мне телеграмму из Кустаная от командующего ЧОН Аверина: преследование банды передать частям особого назначения Челябинской губернии. Мы повезли с собой захваченные трофеи: крытый экипаж, восемь коней, восемнадцать седел, двадцать винтовок.

Но получилось так, что остаток банды через некоторое время, набрав пополнение, появился в нашем Федоровском районе, в коммуне имени Карла Маркса, держа путь на Боровское. Аверин приказал моему отряду двигаться к Кеньаральску, встретить банду и уничтожить. В село мы направились быстрым маршем. На другой день 2 декабря схватили здесь двух бандитов и тронулись на Боровское.

В небольшом хуторке, в восьми километрах от Введенки, нас встретил старичок. Небольшого роста, с бородкой. Назвал свою фамилию — Марусяк. Он снял шапку, крикнул:

— Здравствуйте, наши спасители!

Со мной был мой помощник Дубовик и начальник штаба Андрей Ткаченко. Мы ответили на приветствие.

Марусяк пригласил нас в свой дом на хлеб-соль. Тут подбежал связной Иван Оберемок:

«Какое будет приказание?»

Я сказал: «Передай командирам взводов, чтобы остановились и ждали нас».

Входим в избу. Хозяин расталкивает жену, лежащую на печке:

— Вставай, бабка! Ставь на стол пирожки и доброй сметаны. Наши приехали.

Я толкаю Дубовика локтем. Тот насторожился. Старуха встает с печи и говорит мужу многозначительно:

— Гляди, отец!..

Дед перебивает бабку:

— Ничего, ничего, я уже узнал. Это наши. И коней таких нет у нас, какие у них. — И обращается старичок ко мне:

— Откуда у вас такие красивые лошади?

Я понял, что дед ждал бандитов. За них и принял нас.

— Лошади взяты с Орского конного племенного завода.

— Вот я и смотрю, что в наших краях таких коней нет! — воскликнул старик.

Дубовик смеется, а у Ткаченко скулы дрожат от негодования. Не думал он встретить здесь контру.

Дед пригласил нас к столу. Бабка подала украинские пирожки с творогом и налила миску хорошей сметаны. Мы ели с большим аппетитом. Ткаченко вытащил блокнот и стал записывать наш разговор. Бабка залезла на печь и пристально стала рассматривать нас. Вот-вот крикнет: «Что же ты, чертов дед, разболтался, это же красные!» Но пересилила себя.

Хозяин стал рассказывать о том, как он с кумом ездил в Боровское и узнал, где живут коммунисты.

— Могу показать их дома,— прошептал дед. Стал божиться, что любыми средствами поможет нам уничтожить коммунистическое гнездо.

— Нас таких здесь шесть человек, и мы в любое время можем помочь вам,— доверительно сообщил хозяин.

Ткаченко записал дедовых друзей.

— Мы сейчас едем в Введенку,— сказал я старику,— а оттуда в Боровское. Сейчас сходите к своим друзьям и скажите, чтобы они собирались с нами в дорогу. Да чтоб взяли побольше хлеба, сала и надели хорошие ту-

лупы. Запрягайте самых лучших лошадей. Своим пусть скажут, что поехали в Крутоярку, на базар. Через час пришло за вами своего человека.

Быстро собрались Марусяк и его друзья. Запрягли в сани по паре хороших лошадей, облачились в полушубки и тулупы, набрали продуктов, овса. Тронулись вслед за нами. Стало темнеть. Пошел буран. Мы сбились с дороги и вместо Введенки попали в аул. Его жители встретили нас хорошо и сообщили, что несколько часов назад примерно пятнадцать бандитов проехали мимо аула на Боровское. Мы выставили охрану, выслали разведку и занялись дедом. У меня был мандат военсовета Федоровского района на право создавать военно-полевой суд и выносить приговоры вплоть до расстрела.

Начинаю допрос. Тут только Марусяк понял, кто мы, и, схватившись за голову, заплакал с словами: «Прости-те мою дурную голову!»

Мы не стали судить предателей, отправив их в Боровское.

На утро приехал разведчик, который сообщил: бандиты мимо Введенки проехали на Боровское. Мы связались с командованием ЧОН. Оказалось, что отряд конных чоновцев Боровского уже преследует группу преступников, которая держит путь на Кокчетав. Нам было предложено возвратиться в Федоровку.

Подытожив результаты операции, я доложил на Военсовете района: нами уничтожен тридцать один бандит, трое взято в плен, есть трофеи. Потерь с нашей стороны нет.

ТАЙНЫЕ ХРАНИЛИЩА

Мое внимание привлекла хранящаяся в архиве выписка из протокола заседания президиума губкома от 30 августа 1921 года об утверждении Ивана Васильевича Ельпединского в должности председателя губЧК. С 26 сентября того же года он стал исполнять еще и обязанности председателя губисполкома и заведующего отделом. Работал в Кустанае до февраля 1922 года, затем выбыл в Актюбинск.

В Кустанайском областном партархиве я нашел документы, подписанные Ельпединским и рассказывающие

о возникших в бытность его работы в губЧК некоторых делах. Вот несколько выписок. «25 ноября 1921 года в Урицке... был раскрыт... заговор, который имел цель в ночь на 17 ноября, предварительно сговорившись с бандитами, скрывавшимися на реке Убаган, вырезать коммунистов, арестован целый ряд участников этого заговора, ведется следствие»¹. «Установлена разлагающаяся анархическая группа. Есть арестованные, дело передается... для продолжения следствия по месту нахождения инициаторов анархической группы»² «Раскрыта нелегальная организация под прикрытием религии, ставящая целью борьбу с РКП и Советской властью... арестовано около 50 человек»³. «Замечена небольшая контрреволюционная организация, частично произведены аресты, отобраны некоторые документы, подробности в отдельном докладе...»⁴

Попытки найти следственные дела, о которых говорилось в вышеприведенных документах, не дали положительных результатов. А что, если поискать Ельпединского? Из личного дела было видно, что в 1951 году он проживал в городе Александрове Владимирской области. Делаю запрос и узнаю, что старый чекист умер. Александровский райсобес сообщил адрес жены Изана Васильевича — Татьяны Васильевны. Списался с ней. Она сообщила много интересных сведений о покойном муже и выслала мне воспоминания И. В. Ельпединского, которые он писал уже в преклонном возрасте. Из них я выбрал один эпизод, относящийся к периоду его работы в Кустанае. Думается, что он заслуживает внимания.

«Перед отъездом из Москвы в Кустанай,— писал И. В. Ельпединский,— я должен был зайти в ЦК партии для получения инструкций. Узнал, что там, где мне предстоит работать, население голодает, тогда как в глубине губернии у местных кулаков, баев хлеба имеется большое количество. Поэтому необходимо организовать как казахскую, так и русскую бедноту в комбеды* пробудить их активность и оказать им всемерную помощь со стороны губернских органов Советской власти. Как мне сказали, в Кустанае совершенно отсутствовали какие-либо воинские части, которыми могли бы воспользоваться представители власти. Поэтому был согласован вопрос

* Имеется в виду «союзы кошки». Это подразумевается и далее вместо комбедов,

с ВЧК о направлении в Кустанай отряда (пятьдесят человек) из войск охраны в распоряжение председателя ГубЧК.

Таким образом, выезжая в Кустанай, я знал, что в губернии тяжелое положение. Но то, что я увидел, превзошло все мои ожидания. Еще по дороге от станции в город я видел мужчин и женщин, настолько истощенных, что одежда на них висела, как на вешалках. Проходя через пустую базарную площадь, я увидел на одном из прилавков два трупа — женщины, еще совсем не старой, и девочки, лет пяти. Знойный, летний ветер развеивал их волосы на непокрытых головах...

После того, как представился сотрудникам губЧК и сделал некоторые распоряжения, я попросил представителей местных руководящих органов ознакомить меня с положением в губернии. Создалось впечатление, что губпродком бездействует. Никаких мер к изысканию продуктов питания для голодающих не предпринималось. Изъять зерно из глубинки невозможно из-за отсутствия транспорта, во-первых, и какой-либо военной силы, во-вторых. Требовались решительные меры, чтобы предотвратить голод, и главная из них — обеспечить губернию семенами на осеннюю и весеннюю посевные кампании.

Пока совещание продолжалось, командир взвода вместе с красноармейцами обследовал часть городских домов и подыскал помещения как для своей команды, так и для моей семьи. Однако в эту ночь на своей квартире не ночевал: допрашивал арестованных за скотокрадство. От них узнал, что баи прячут большие запасы муки и зерна в степи, в кошарах. Этим арестованным я тут же дал пропуска в ГубЧК и предложил явиться ко мне в двенадцать часов дня, намереваясь использовать их проводниками в поисках скрытого богачами продовольствия.

Наступило утро. День был базарный. В то время за деньги ничего нельзя было купить. Все, что было в продаже, обменивалось на вещи — одежду, часы, драгоценности и материю. На базаре привлекала внимание подвода, груженная белой мукой и консервированным сгущенным молоком. Такая мука поступала из-за океана от американских рабочих в фонд помощи голодающим. На базаре ее меняли исключительно на овечью и верблюжью шерсть и на кожу. Я догадался, что столкнулся

с крупными спекулянтами. Решил произвести облаву и арестовать всех подозрительных.

Через час весь базар был оцеплен красноармейцами, прибывшими со мной из Москвы. В результате наших действий в губпродком поступило несколько подвод с продуктами. Чекисты допрашивали задержанных спекулянтов, производили обыски на их квартирах. Таким образом, были обнаружены большие запасы продуктов, мануфактуры, изделий из кожи. У одного спекулянта изъяли более ста пар обуви, у другого — сорок седел... Попутно мы проводили регистрацию домов, в которых можно было организовать приюты для беспризорников, а также для обессилевших от голода людей с окраин города, из землянок и лачуг. Весь персонал медиков был мобилизован для круглосуточного дежурства по уходу за больными. Вновь открылась больница, которая вынужденно бездействовала из-за отсутствия питания. В эту благородную и ответственную работу включились руководящие работники губкома партии и губисполкома, активисты. Все продукты, изъятые у спекулянтов, распределялись по детдомам, больницам и домам для голодающих. Женщины добровольно вели уход за больными и детьми. Городская беднота радовалась всем этим мероприятиям, а бывшие торговцы и богачи злобствовали.

В эти дни я готовил отряд из двадцати всадников для похода в степь. Коней подобрали из числа конфискованных у арестованного барышника. Нас должны были сопровождать две подводы: одна с пулеметом и патронами, другая с продуктами. Ночью, когда спала жара, тронулись в путь. Нас сопровождали в качестве проводников пять коренных жителей, которых я освободил из заключения. Они же были переводчиками. Команду отрядом принял военком Бобков.

Отряд шел небольшой рысью. Было тихо. В степи ни малейшего дуновения ветерка. Хорошо откормленные и застоявшиеся кони просили ходу, закусывая удила и, не повинаясь, поводили боками, особенно мой темно-гнедой жеребец. Мы с Бобковым ехали впереди отряда вслед за двумя проводниками. Один из них ускакал далеко, его не было видно. Другой был в зоне видимости и служил нам как бы маяком, ориентиром нашего движения. Остальные проводники находились в непосредственной близости от отряда.

Такое расположение проводников было предпринято по распоряжению Бобкова, делавшего в дни гражданской войны большие переходы со своим небольшим, но спаянным отрядом партизан-храбрецов. По мнению военкома, одиночный дозор, высланный вперед, необходим для того, чтобы задержать тех, кто случайно встретив отряд, попытается скрыться, чтобы сообщить о приближении отряда к населенному пункту, куда мы должны приехать неожиданно.

— Степи наши бескрайни,— говорил Бобков. — Беляки не все смотались в глубь Сибири, к Иркутску. Многие удирали через эту степь в Монголию и теперь еще имеют связь со здешними баями. А хлеб баи сеют для молодняка, на прикорм зимой, да еще для обмена на шерсть и кожу.

Я предложил Бобкову прибавить ходу. Кони пошли крупной рысью. Отряд следовал за нами. Предрассветный легкий туман и быстрая езда создавали ощущение, что нас обвеивает ласковый ветерок. Это вызывало бодрое настроение. Вдруг мы увидели недалеко перед собой двух всадников. Ими оказались проводники.

— К аулу подъезжаем,— сказал один.

— Надо его окружить, а то баи убегут,— сказал другой.

Отряд остановился. Мы разбились на группы: две из них должны были сделать охватный маневр, а третья во главе со мной въехать сразу в аул. Вскоре все юрты были окружены.

Поднялся собачий лай, забежали женщины. Я с одним из проводников остановился около самой большой юрты, откуда вышел полный мужчина в длинном халате и что-то спросил у проводника.

— Принимай гостей, губЧК приехала! — ответил тот.

Ко мне подошел Бобков. Он хорошо понимал казахский язык, но скрывал это от проводников, чтобы проверить их надежность. Он уже все разузнал: зерно находится в заброшенной кошаре, километрах в восьми отсюда. Его охраняют брат и сын бая. Там же пасутся двенадцать верблюдов. В кошаре находится упряжь. Богач узнал, что в Кустанае прошли облавы и обыски, и поэтому решил этой же ночью перепрятать зерно.

— Разрешите мне с десятью всадниками поехать к кошаре,— предложил Бобков. — Я погружу зерно на верблюжьи подводы. С собой захвачу и хозяина. А вы

соберите всех жителей и разьясните обстановку. Вам поможет Ахмет. Это местный житель. При колчаковцах он был партизаном. На спине у него вырезана пятиконечная звезда. За эту «операцию» он ненавидит бая, так как именно тот выдал Ахмета белякам.

Отряд Бобкова тронулся в путь. Я же с помощью Ахмета собрал всех мужчин аула, молодых и старых, и разьяснил им, какая ведется борьба между бедняками и кулаками. Посоветовал избрать комитет бедноты, которому будет сдано все зерно, скрываемое их хозяином, а также табуны и отары. Я говорил очень кратко, но Ахмет переводил пространно, добавлял много от себя и агитировал за мое предложение горячо, как говорится, с подъемом. Его слушали очень внимательно, иногда прерывая выкриками одобрения. После того как Ахмет закончил речь, слышались выкрики. Назывались фамилии кандидатов в члены комбеда, среди которых был и Ахмет. Прошло голосование. Все, кого назвали, были избраны единодушно. После этого ко мне подошел Ахмет с тремя мужчинами. Один из них пожилой, двое — среднего возраста.

— Вот этих людей и меня избрали в комбед. Учи, что мы должны делать, — спросил мой переводчик.

Я рассказал, какими функциями наделен комбед. А вскоре прибыл гонец от Бобкова, который сообщил, что зерно найдено в нескольких кошарах.

— Зерна столько, что его не только на двенадцати верблюдах, но и на двенадцати подводах не увезти наверно.

Необходимо было организовать охрану зерна. Бобков предложил сделать это с помощью местных бедняков-активистов.

— Ну, Ахмет, — обратился я к председателю комбеда, — настало время приниматься вам за свои обязанности. Поговори со своими товарищами по комитету, кому можно доверить охрану зерна.

Вскоре кавалькада из подвод и остававшихся со мной красноармейцев тронулась в путь. Предусмотрительный Ахмет прихватил мешки под зерно, которое мы должны были отправить в город, заделал щели в фургонах, иначе дорогой произошла бы большая утечка зерна.

Погрузка хлеба шла быстро, и вскоре двенадцать подвод были готовы в дорогу. Все сильно проголода-

лись, а поэтому Ахмет заранее отправил в аул гонца. Там должны были приготовить нам хороший ужин. Еще до заката солнца наш обоз прибыл в аул. В трех местах горели костры. А в казанах варилось баранье мясо. В нескольких юртах пекли лепешки, баурсаки.

Беседуя с жителями, старались выяснить, где бай мог взять такое количества зерна, не имея посевов. Ответ был прост. Самый старший брат бая Мустафы — Энвер, служил у Колчака в каппелевском карательном отряде, командовал особой «дикой» дивизией, состоящей исключительно из азиатов. После отступления белогвардейцев Энвер зверствовал в степи, разоряя села, хутора, станицы, сжигая дома. Награбленное зерно отправлял сюда, своим родным. Когда войска Колчака были окончательно ликвидированы, а сам он и Каппель расстреляны, Энвер с остатками своей дивизии ушел в Монголию. Мустафа ждал брата, запугивал бедняков, угрожал им расправой за поддержку и помощь Советской власти. Я оформил как положено все эти показания и попросил заверить их подписями тех, кто хорошо был осведомлен о действиях бая.

На другой день после сытого обеда наш отряд отправился в дорогу. Теперь он состоял из десяти красноармейцев, так как по просьбе комитета бедноты остальных пришлось оставить для охраны оставшегося зерна, защиты аула от нападения банд, рыскавших по степи. Бая Мустафу, его младшего брата и сына мы взяли с собой в Кустанай. По просьбе двух первых из них я решил отправить их семьи в другой аул. Все трое арестованных не отрицали того, что зерно, спрятанное ими, они действительно получили от Энвера.

Дневной жар уже спал, когда мы очутились в степи. Арестованные находились в середине обоза. Впереди, как и раньше, ехал проводник, за ним — я, а Бобков постоянно следил за тем, чтобы обоз не растягивался по дороге. В Кустанай мы прибыли, когда город уже проснулся. Подъехали к одному из складов Губпродкома. Вызвали его комиссара и начали взвешивать мешки с зерном. Предупредили, что оно неприкосновенно, так как является семенным фондом.

Вскоре при помощи партийных, советских работников и активистов удалось организовать комитеты бедноты там, где было оседлое и даже полuosедлое население. С их помощью выявили тайные хранилища про-

дуктов. В Кустанай стали поступать вагоны с картофелем, кукурузой, пшеницей, рожью. Стал резко снижаться уровень смертности и заболеваний от недоедания. Большинство хозяйств обзавелись семенами для осеннего сева...

ЧЕКИСТЫ ТОКАРЕВЫ

Передо мной сводка ГубЧК, затрагивающая события, которые произошли в апреле—мае 1922 года. Сообщалось, что в Тургае бесчинствовала банда примерно из двадцати человек во главе с Кейки Кукембаевым. Из Тургай был выслан отряд в количестве пятнадцати человек под командой уполномоченного ЧК Токарева. Бандитам было предложено сдаться, за что были гарантированы полная амнистия и свобода. После некоторых колебаний те согласились прекратить сопротивление, но затягивали время. При помощи подошедшего случайно Атбасарского отряда их удалось все-таки обезоружить.

Токарев, взяв с собой милиционера и захватив Кукембаева, отделился от отряда и поехал в Тургай другой дорогой. Во время ночлега бандит Кукембаев убил уполномоченного и бежал, захватив при этом милиционера. Бандит пойман и убит...

Меня заинтересовала эта сводка. Особенно взволновала судьба чекиста Токарева. Хотелось побольше узнать о нем, выяснить, не являлся ли он тем самым Токаревым, о котором в истории Казахской ССР говорится как об активном участнике установления Советской власти в Тургайской области.

Пришлось обратиться к архивам. Но сведений набиралось очень мало. Участник Тургайского съезда Советов, член исполкома Тургайского областного Совета и ближайший помощник Алиби Джангильдина... Стало ясно, что жизнь и деятельность этого человека в полной мере еще не освещена.

Совершенно неожиданно из Целинограда сообщили, что личное дело Николая Васильевича Токарева, хранившееся там, выслано в Алма-Ату. Истребовал документы из столицы республики. Они были сосредоточены в объемистом томе личного архива Токарева. Здесь — копии документов Тургайского съезда Советов, черновые про-

токолы различных конференций, совещаний, множество расписок, заявлений... Целая история, целый клад тут.

В конце объемистого дела я сделал открытие: оказывается бандиты убили не Николая Васильевича, а его брата — Александра. В деле есть запись: «А. Токарев исключен из списков личного состава с 1 апреля 1922 года, как убитый от руки Кейки Кукембаева».

Его гибель произошла от руки человека, который оставил о себе недобрую, черную память. Он не держал ответ перед судом, так как его убили в перестрелке. Поэтому на него нет и уголовного дела. Его образ обрисован в романе Макана Джумагулова «Орлы гибнут в вышине». Человек этот — Кейки Кукембаев. Сначала он был участником национально-освободительного движения в Тургае, но... потом стал бандитом. Как же так получилось, что, являясь одним из помощником Амангельды, Кейки вдруг превратился во врага власти Советов? В ответ на это в упомянутой книге описан такой эпизод.

Однажды, один из ближайших соратников Амангельды — Ибрай ехал во главе большого обоза в Бетпаккару: месяц назад Ибраю поручили заготовить мясо по продразверстке. За это время он успел отправить в Кустанай продукты из трех волостей. Теперь сопровождал обоз из четвертой, Кзылжингильской волости. В его портфеле — сто восемьдесят четыре тысячи еще не реализованных денег. До Бетпаккары оставалось версты три. И вдруг показались всадники, которых насчитывалось больше двухсот. Их предводитель Кейки Кукембаев, в новенькой офицерской форме, с портупеей через плечо, полевой сумкой и пистолетом на боку, подъехал к Ибраю и рассказал ему следующее.

После того, как уехал Ибрай, к Кейки «явились аксакалы — именитые баи из Бетпаккары и волостей. Они сказали, что их тоже постигла беда, и попросили Кейки пойти с ними в дом Суюна Атабаева. В доме Суюна сидели Мухаметжан Буркутов, Джанарбек Ашикбаев, Атшабай Бекхожин, Абайдильда Кабылов, Мыстыбай, Рахимбек.

Бай Бекжан Сабденов сказал:

— Эй, Кейки, вчера ты вышел с батыром против царя, потом против Абдугаппара. Ты не жалел живота своего, ты сражался, не зная страха и отдыха. И что же ты получил за свои боевые подвиги?... А известно ли

тебе, что ты приговорен чекистами к расстрелу? Вот приговор.

И Бекжан протянул бумагу. Кейки, неграмотный, не мог прочесть, что там написано по-русски. Но он поверил всему, что сказал бай. Затем бай растолковали ему, что, мол, русские, такие вот разбойники, вроде Шеметова, под видом продразверстки грабят казахский народ, обрекая его на голод и вымирание. И они, бай, подняли восстание против продразверстки.

— Так, неужто ты, батыр, не пойдешь защищать свой народ вместе с нами? — спросили они у Кейки.

Кейки согласился. Тогда они объявили его сардаром повстанческого войска и устроили той...

— Двести сарбазов дали,— закончил свой рассказ Кейки. — Винтовочки английские. У Дутова, говорят, взяли. Я подумал, все одно: кокнут меня чекисты. Пойду лучше с алашней. Я должен отомстить Шеметову и абдугаппаровцам. Ведь они донесли, гады...

— А сейчас ты куда? — спросил Ибрай.

В пятом ауле бая Абайдильду Кабылова ханом избирают. Туда едем.

— А что у тебя за белый флаг?

— Наше знамя. Мы против красных.

Так, так, подумал Ибрай, значит действует контрреволюция...

На другой день в Бетпаккаре арестовали двенадцать баев-верховодов мятежа и отправили в Тургайскую ЧК...»¹

С тех пор банда Кукембаева бесчинствовала в степи, грабила население. Кейки встал на путь преступлений. В книге М. Каратаева и К. Алтайского «Гудок в степи» Кейки также охарактеризован как политический бандит и контрреволюционер².

Мне необходимо было узнать как можно больше подробностей от очевидцев тех далеких событий. И я обратился к председателю исполкома Джангильдинского райсовета Тастанбеку Шманову, поскольку он давно живет в Тургае. Мой собеседник рассказал, что отец Токаревых — Василий был ссыльный, жил бедно, добывал средства на пропитание рыбной ловлей. У него было четыре сына. Старший, Николай, работал в ЧК, умер от тифа примерно в 1921 году. Второй — Александр погиб от рук бандитов. Но он посоветовал поговорить с жителем Тургая, персональным пенсионером, чекистом-

ветераном Шишковым, сестра которого Елизавета Ильинична — жена Александра Токарева.

— Сейчас ей лет семьдесят пять, живет в селе Семиозерном со своими детьми, сказал в заключение Тас-танбек.

Вскоре предоставилась возможность съездить в Семиозерное. По адресу, который мне сообщили в областном адресном бюро, без труда отыскал дом Елизаветы Ильиничны. Меня встретили ребяташки и сказали, что бабушка куда-то ушла, но скоро придет. Ждать пришлось недолго. Вот и Елизавета Ильинична. В свои семьдесят с лишним лет она сохранила завидную подвижность. Быстро собрала на стол. Появился самовар. По тому, как она искусно разливала чай со сливками, чувствовалось, что старушка всю жизнь провела среди казахов. Во время чаепития рассказывала о себе. Инвалид второй группы, получала небольшую пенсию за погибшего мужа, но потом почему-то в ней отказали. Живет у дочери — Екатерины Александровны, муж которой вернулся с войны раненным. Вскоре он умер, оставив троих сыновей. Двое уже обзавелись семьями.

Касаясь обстоятельств гибели мужа, Елизавета Ильинична назвала Александра Николаевича Денисова, который знает, как все это происходило. Живет он сейчас в Кустанае. Я подумал, не тот ли это Денисов, что упомянут в книге «Гудок в степи»...

И новая встреча.

По данным адресного бюро, Александру Николаевичу Денисову было 77 лет. Но выглядел он гораздо моложе. Оказалось, что он работал в Тургайской следственной комиссии, председателем которой тогда был Канафья Койдосов. Потом продолжал работать в уюме вплоть до марта 1923 года. Александр Токарев погиб в тот период, поэтому Александр Николаевич Денисов хорошо знает о тех трагических событиях

Теперь я более подробно знал биографию А. В. Токарева. Родился он 11 июля 1893 года в Тургае в семье рабочего. Пятнадцати лет закончил ремесленное училище и получил профессию. Научился хорошо говорить и писать по-казахски. Его мобилизовали как раз в год начала империалистической войны. Там, в окопах он стал георгиевским кавалером. После Февральской революции вернулся на родину и активно участвовал в борьбе за власть Советов.

А. Н. Денисов вспоминает, что однажды от Амангельды, находившегося в степях Кайдаульской и Аккумуляской волостей пришло сообщение, что в Тургай движется большой отряд колчаковцев. Токарев собрал человек тридцать из числа тех, кто укрывался от мобилизации в белую армию, и выдвинулся к большому озеру Алтыкоз, заросшему камышом. Отряд вел разведку в сторону Иргиза, но через несколько дней узнал, что колчаковцы изменили направление. Тогда отряд вернулся в Тургай.

Осенью 1918 года в Тургай прибыл Чрезвычайный комиссар А. Джангильдин в сопровождении отряда под командованием А. Киселева. Военным комиссаром Тургайского уезда назначили Амангельды, который приступил к формированию отряда из добровольцев. Командиром одного из подразделений он назначил А. Токарева, который в 1919 году ушел на фронт с отрядом Жилыева. Вернулся домой в 1920 году и с той поры стал работать в Тургайской ЧК. В то время в уезде оперировала банда Кейки Кукембаева. Позже она ушла в Каракумы, откуда и производили набеги на селения, угоняя скот, творила бесчинства. Когда из центра поступило сообщение об амнистии по отношению к раскаявшимся преступникам, в том числе бандитам, Александр Васильевич получил задание разыскать Кукембаева, вступить с ним в переговоры и сообщить ему об этом гуманном акте правительства. Не случайно для выполнения этой миссии выбор пал на Токарева. Он хорошо знал Кукембаева, выходца из бедняков, байского батрака. Когда Кейке возмужал, прослыл замечательным охотником. У Амангельды он был командиром взвода и подчинялся командиру отряда А. Токареву. Оба были в хороших отношениях. Когда в Тургай вошли алашордынцы с намерением совершить контрреволюционный мятеж, он был отстранен от должности командира взвода. Кейки уехал в свой аул и организовал отряд из тридцати человек, который вскоре превратился в банду головорезов. Они грабили, убивали людей. Словом, на счету у Кейки было много черных дел. Но в данный момент Советская власть призывала таких, как он, встать на честный жизненный путь. А убедить Кукембаева, чтобы тот пришел с повинной, склонить его к раскаянию, мог только Токарев. Так рассудили чекисты.

От Токарева, выехавшего для переговоров с Кейки, долго не было вестей. И в конце февраля 1922 года для

установления связи с его отрядом командировали Денисова, который вспоминает: «Я встретился с отрядом на границе Кайдаульской и Кзылжингильской волостей. Александру Васильевичу пришлось приложить немало усилий, чтобы начать переговоры с отъявленным бандитом, человеком темным и фанатичным. Взять его силой не представлялось возможным. Токарев послал Абдильду Дуйсенова в Карсакпай за помощью, и он привел отряд из тридцати человек под командой Мазгутова. После этого Токаревым к Кейки были посланы в качестве посредников для начала переговоров Б. Дутбаев и А. Дуйсенов. Они повезли Кукембаеву подарок от Токарева — берданку с серебряной насечкой и шашку старого образца. Кейки согласился встретиться с Токаревым, сказав, что если его бывший друг прибыл с благими намерениями, то заключит Александра Васильевича в объятия, если же с плохими, то встретит с оружием.

Оба отряда — Токарева и Кейки прибыли в условленное место. Последний поддался на уговоры, убедившись, что ему желают добра, дал обещание подчиниться Советской власти и тут же построил свой отряд из сорока человек. Двадцать из них разоружил и отпустил. Остальных оставил при себе как личную охрану до окончания переговоров. После этого Токарев с Кейки и направились к Тургаю, а Мазгутов повернул на Карсакбай.

У меня при встрече с обоими было много откровенных разговоров,— и с Токаревым как другом детства и по службе, и с Кейки как знакомым еще до революции и после,— пишет А. Денисов. Кейки рассказывал, что Саржалпак* (так он называл Токарева) убедил его и что он, Кейки, полагается на его совесть и дружбу. Но если, мол, что либо произойдет с ним, с Кейки, в смысле вынесения ему смертного приговора, то он будет просить Токарева расстрелять его своей рукой.

Вместе мы пробыли четыре дня. На пятый день Токарев заявил, что поедет в Тургай впереди нас и возьмет с собой Кейки, его жену Акжан и брата, а сопровождать их будет милиционер Тулебай Исмаилов. До города оставалось не менее ста верст. Весенняя распутица мешала быстро двигаться на верховых лошадях. Поэтому было время поговорить обо всем. Кроме того, чувство-

* Саржалпак — дословно: рыжий увалень.

валось, что скитания по степи в поисках Кейки и ежедневное нервное напряжение утомили Токарева, и он хотел как можно скорее сдать Кейки властям.

На утро пятого дня Токарев выбрал самых лучших лошадей и выехал в Тургай, надеясь прибыть туда к вечеру. Отряд свой Александр Васильевич передал под командование Петра Ильича Шишкова. Джигиты Кейки уже были безоружны. Они следовали на верблюдах. Преодолеть расстояние в сто километров за день Токареву не удалось и, не доезжая до Тургая километров тридцать пять, он со своими спутниками заночевал у известного богача Абдыхалыка Нуршабаева. Я точно не знаю, что тут произошло. Может быть, кто шепнул Кейки Кукембаеву: куда, мол, ты едешь, зачем, и что ждет тебя. Словом, Кейки ударил сонного Токарева ножом в спину, а потом еще и выстрелил в него из нагана Токарева. Взяв с собой жену, брата и милиционера Исмаилова, Кейки скрылся. Позже выяснилось, что бандит в пути убил и Исмаилова. Узнав о случившемся, в Тургае сформировали новый отряд под командованием М. Дудина и направили в погоню за беглецами.

После отъезда Токарева с Кейки в Тургай я пробыл с отрядом еще один день, так как должен был по делам службы заехать в несколько населенных пунктов. Перед заходом солнца, не доезжая до аула Карабаева приблизительно с километр, вдруг увидел быстро приближающегося всадника. Это был милиционер Тулебай Карабойдаков. Подскакав ко мне он, не говоря ни слова, схватил поводья моей лошади, стегнул камчой своего и моего коня и мы поскакали в степь. Милиционер рассказал следующее. Он только что был в ауле Карабаева, где увидел Кейки Кукембаева, его жену и брата. Они не заметили Тулебая. Когда вошли в землянку, Карабойдаков ускакал из аула и вот встретил меня.

— С Кейки были милиционеры Алпысбаев и Березовский, которых он захватил, наверно, когда ехал по дороге, рассказывал Тулебай. — Оба были безоружны. Хорошо, что я тебя встретил, Саша. А то бы и ты попал в лапы бандита.

С Карабойдаковым мы прискакали в аул Бектасова, где пробыли двое суток. За это время к нам присоединились сотрудники укома братья Никитины и Подобин и работник исполкома И. Денисов.

На второй день в аул приехал посланец Кейки Аскар

Карабаев и подал мне письмо от главаря банды. Мы удивились, откуда тот мог знать, что я нахожусь в ауле Еектасова. Вскоре прояснилось: письмо писал милиционер Березовский под диктовку Кейки. Содержание его послания было примерно таким: «Саньке! (Так меня звали в молодости знакомые казахи). В пути меня Токарев обижал, в Тургае его арестовали, а меня послали к тебе на помощь. Приезжай, поедem в Сарытургайскую волость». Ниже Березовский дописал: «Токарев убит, у Кейки имеются две винтовки, наган и двадцать пуль по-старайся выручить».

Что мы могли сделать впятером? Посоветовались и отправили Карабаева в свой аул и наказали ему устно передать Кукембаеву, что я скоро к нему приеду.

Стали разрабатывать план действий. На следующий день Аскар снова приехал с письмом, но уже не от Кейки, а от командира нашего отряда М. Дудина, который сообщал, что Кукембаев убит, и просил нас выехать в аул Карабаева. Мы быстро собрались в путь. Однако Дудина не застали. Он отбыл в Тургай.

Позже я узнал, что отряд Дудина настиг Кукембаева у реки Жиланшик. Следовать дальше на Каракумы Кейки не смог, потому что как раз начался ледоход. Преступник несколько раз пытался переправиться на другой берег и вынужден был возвращаться назад. Оставалось одно — отсиживаться в землянке. Вместе с Кейки здесь были его родные и милиционеры Березовский и Алпысбаев. Бандит всю ночь дежурил сам, а на рассвете его сменила жена. Через некоторое время она разбудила мужа.

— Мы окружены,— шептала она, расталкивая его.

Кейки стал стрелять из винтовки в дверь. Березовский и Алпысбаев следил и за каждым его движением. Когда поняли, что патроны на исходе и, что последние пули он может пустить в них, а затем покончить жизнь самоубийством, решительно вмешались в события. Березовский, выбрав удобный момент, схватил Кейку сзади и стал звать Дудина на помощь. В землянку ворвался боец Бектагиров и выстрелил в бандита...»

Давайте познакомимся подробнее с братом-чекистом Александра Токарева.

Николай Васильевич Токарев родился 13 мая 1875 года в Тургае в семье рабочего. В восьмилетнем возрасте поступил в Тургайское уездное двухклассное училище

и успешно его закончил. Пошел работать. В 1906 году выдержал экзамен на первый классный чин и получил среднее образование. Превосходно владел казахским языком. Семья Токаревых состояла из четырнадцати человек. Николай был самым старшим из детей.

В 1896—1900 годах Н. Токарев служит в армии, затем был волостным писарем и письмоводителем. С 1915 года снова на военной службе.

О своей партийной деятельности до 1918 года Н. Токарев не оставил документов. Однако, если вникнуть в некоторые исследования, можно понять, что он давно посвятил себя революции. В работе А. Нурканова «Жизнь и деятельность Амангельды Иманова» говорится, что Н. Токарев в 1896 году содействовал освобождению Амангельды из тюрьмы, а в годы первой русской революции познакомил его с революционными идеями. «В марте 1917 года, Амангельды созывает съезд представителей всех волостей уезда, где для ведения борьбы избирается временный комитет из семи человек, одним из членов которого был Николай Токарев. Комитет явился подлинно народным органом управления, был боевым штабом революционной борьбы трудящихся масс... Коварный враг казахского народа Букейханов объявляет созданный Амангельды Имановым комитет незаконным органом и комиссаром Тургайского уезда назначает алашордынца О. Алмасова... В декабре 1917 года сарбазами Амангельды был занят Тургай и установлена там Советская власть. В январе-феврале 1918 года в Тургайском уезде стали создаваться аульные и волостные Советы. Ближайшим соратником Амангельды в борьбе за установление Советской власти в Тургае был Николай Токарев».

Н. Токарев писал, что в сентябре 1917 года он окончил военную службу в Оренбурге, в 694-ой дружине, и поехал в Тургай, где в конце того же года участвовал в восстановлении Советской власти, «но там не дали пожить дома алашордынцы Кадырбаев и другие... Я уехал тайком 17 января 1918 года в Кустанай за помощью к Советской власти и получил ее от т. Джангильдина в Оренбурге... С того времени непрерывно работал вместе с т. Джангильдиным...»

Наш герой принимал активное участие в работе Тургайского областного съезда. Там некий Немченко выступил против Токарева, заявил, что тот в прошлом являлся

полицейским чиновником. «Я прочитал съезду свой послужной список и доказал, кто я и откуда, и съезд меня избрал своим секретарем, а затем утвердил членом Тургайского облисполкома»,— писал Токарев позднее.

В протоколе заседания Тургайского областного исполнительного комитета от 27 апреля 1918 года читаем: «Слушали: ...Телеграмма Председателя ВЦИК Свердлова за № 1986 о делегировании в Москву к 5 мая трех членов Совета для подготовки кадров выдержанных, надежных работников, подготовленных в военном и политическом отношении... Постановили: ...делегировать трех членов для указанной цели в Москву... от русских избранные: Токарев... и Иноземцев...»

На заседании Тургайского облисполкома от 13 июня 1918 года, состоявшемся в деревне Твердиловка под председательством А. Джангильдина, слушался вопрос о необходимости образования областного военного комиссариата В протоколе записано: «Согласно декрету Совета Народных Комиссаров, военных комиссаров в области должно быть два, и, кроме того, один военный руководитель, причем все трое утверждаются в должности Народным Комиссариатом по военным делам. Военные комиссары для Тургайской области уже назначены, одним из них является Алиби Джангильдин, а другой находится в Москве по делам областного военного комиссариата и неизвестно, когда прибудет в область. Что же касается военного руководителя, то вопрос о нем не получил окончательного разрешения в Народном Комиссариате по военным делам. Ввиду изложенного, а также, понимая совершенную необходимость иметь в настоящих условиях (т. е. при переезде областного исполкома в г. Кустанай и организации Красной Армии на месте) наличность всех трех руководителей военного дела, областной исполнительный комитет постановил: 1) назначить временно впредь до прибытия лиц, утвержденных в должности Военным Комиссариатом Совета Народных Комиссаров, вторым комиссаром по военным делам члена областного исполкома Н. В. Токарева...»

В июле 1918 года Токарев был участником в муромских событиях, о чем говорится в главе этой книги «Джангильдин в Кустанае».

С августа по 1 ноября 1918 года Николай Васильевич был в экспедиции Джангильдина по доставке оружия из Москвы на Актюбинский фронт. После прибытия в Чел-

кар на заседании Тургайского областного исполнительного комитета от 24 ноября 1918 года Токарев избран вторым военным комиссаром области и секретарем президиума исполкома.

И еще одна находка.

В личном архиве Н. Токарева обнаружена телеграмма Джангильдина, отправленная в апреле 1919 года из Самары во Всероссийское бюро военных комиссаров, о которой составители книги «Алиби Джангильдин. Документы и материалы» под редакцией Т. Елеуова и П. Пахмурного писали (с. 143), что она не обнаружена. В телеграмме отправитель просил срочно утвердить Токарева в должности второго военкома Тургайской губернии.

30 апреля 1919 года Токарев вместе с Джангильдиным прибыл в служебную командировку в Москву, откуда в конце мая отправился на Восточный фронт и находился здесь до декабря 1919 года. Последние четыре месяца он был председателем комиссии по закупке коней для Приволжской отдельной татарской стрелковой бригады. Затем приказом командующего 1-ой армией переводится в Кирревком и назначается членом коллегии юстиции и заведующим юридическим отделом революционной военно-следственной комиссии. С этого времени начинается работа Токарева в ЧК.

В его личном архиве хранится мандат, по которому Токарев в конце 1919 года командировался в уезды края для ревизии революционных следственных комиссий, а также уполномачивался на Всеказахстанскую конференцию в январе 1920 года. Есть и черновой протокол коференции, написанный собственноручно Токаревым. По мандату от 5 марта того же года он командировался в Темирский, Актюбинский и Иргизский уезды для организации народных судов, следственных комиссий и мест заключения там, где их еще нет, а также для контроля и проверки деятельности уже функционирующих судебных органов. 7 июня 1920 года Токарев написал обстоятельный доклад в президиум Киркрайчека о преступной деятельности алашордынцев. «На днях должны состояться уездные съезды в Иргизе и Тургае и съезды по выборам на общекиргизский съезд,— писал он.— Ясно, что если мы потеряем этот момент и не пошлем своих людей, а доверимся приятелям тех же алашордынцев, то попадут исключительно удобные им лица и мы от этого едва ли выиграем, так как масса бедноты

останется положительно без представителя. Мне как избраннику населения от Тургайского уезда, всю жизнь работавшему среди населения названных двух уездов, полагаю, жизненно необходимо в интересах Советской власти быть на названных съездах, так как я знаю киргиз, а они знают меня, знаком с их языком и обычаями и могу парировать агитацию алашордынцев. Кроме того, в Челкарском районе, Иргизском и Тургайском уездах у меня много надежных киргиз, которых можно привлечь для работы в местных ЧК...». Николай Васильевич просил командировать его как для участия в работе названных съездов так и для организации деятельности органов Чрезвычайной комиссии.

18 августа 1920 года Токарев направляется в Тургай в качестве уполномоченного Оренбургской губернской чрезвычайной комиссии. Ему были предоставлены чрезвычайные полномочия. Прибыл на место 31 августа.

«На местах пока — сетует Токарев, — председатели волисполкома безграмотные, письменные распоряжения некому объявить и разъяснить населению. Вся работа ведется так: придет милиционер или продармеец или кто иной, скажет — нужно сделать то или иное дело, и вот таким образом все выполняется... Члены уездисполкома также часто выезжали в степь и только таким путем шла работа. С ноября по настоящее время почти все члены уездисполкома, в том числе Койдосов и я, имея более 5—6 ответственных должностей каждый, решили мобилизовать себя для выполнения проднаряда на скот по уезду за 1920 год. И эту задачу мы выполнили...».

1 апреля 1921 года Николай Васильевич скончался от возвратного тифа. К нему на квартиру пришли предрайкома Пустоверин, начальник милиции уезда Афанасьев, письмоводитель Денисов, составили акт о смерти Токарева и забрали всю его переписку, которая стала его личным архивом и сохранилась до наших дней.

Рассказ о Токаревых подошел к концу. Остается лишь сообщить, что по моему ходатайству исполком Семиозерного райсовета в июне 1970 года внес предложение о назначении Е. И. Токаревой персональной пенсии за погибшего мужа, которое было поддержано исполкомом облсовета.

Резкое обострение классовой борьбы вынудило Коммунистическую партию и Советское правительство создать специальный орган для решительного подавления контрреволюционеров и саботажников¹. На любом этапе Советской власти, хоть это исчислялось днями, как это было во время Кустанайского краснопартизанского восстания, нельзя было успешно бороться с контрреволюцией без такого органа — Чрезвычайной комиссии.

В годы иностранной военной интервенции и гражданской войны органы ВЧК раскрыли и ликвидировали около пятисот контрреволюционных организаций и заговоров, обезвредили тысячи шпионов, диверсантов, террористов и других врагов Советского государства². В эту огромную работу внесла свою лепту и Кустанайская ЧК, раскрывшая дела шпионов группы барона Шиллинга, белогвардейцев Мартынюка, Синдеева и других, алашордынца Акжолова, эсера Луба, попа Сыроватко, а также ликвидировавшая банды Макарова, Горенко, Кукембаева.

Успехи ВЧК, прежде всего, в руководстве Коммунистической партии. «Помнить, что у ЧК один хозяин — партия..., а не отдельные товарищи, как бы они не были влиятельны и заслуженны...³» не раз напоминал В. Р. Менжинский. В Кустанайском облпартархиве хранятся протоколы заседаний уездного губернского комитета РКП(б), из которых видно, что партийные органы постоянно заботились о ЧК, рассматривали на своих заседаниях вопросы, связанные с деятельностью ЧК и назначения не только ее руководителей, но даже и рядовых сотрудников.

За власть Советов в кустанайских степях и за счастье народа отдано немало жизней. Только за кустанайское краснопартизанское восстание отборные силы Колчака замучили и уничтожили восемнадцать тысяч человек. Захвачены белогвардейцами и расстреляны лучшие сыны и дочери народа: А. Иманов, М. Г. Летунов, О. Дошанов, Л. И. Таран, Н. И. Миляев, К. М. Иноземцев, Ю. Я. Журавлева, А. Селезнев, А. И. Миронов и многие другие.

Подрастающее поколение с большим интересом изучает историческое прошлое своего края, участвует во Всесоюзном походе по местам революционной, боевой

и трудовой славы советского народа, встречается с ветеранами войн, проводят работу по благоустройству памятников, обелисков, могил борцов за установление Советской власти, посещают лекции и вечера на историко-революционные темы.

...Большой зал Дворца культуры профсоюзов в Кустанае переполнен молодежью. Над сценой слова Ю. Фучика — «Люди, я любил вас, будьте бдительны!» В наступившей тишине задумчиво звучат первые фразы знакомой всем песни «С чего начинается Родина». Поднимается занавес. Собравшиеся видят на экране рыцаря революции Ф. Э. Дзержинского, его соратников, эпизоды, рассказывающие о деятельности ВЧК.

Достоянием истории стали события гражданской войны и последовавшие за ними годы восстановления народного хозяйства. Грозным испытанием для всего советского народа, в том числе для органов госбезопасности явилась Великая Отечественная война. Бойцы незримого фронта самоотверженно боролись с врагами Родины. Многие из них, выполняя свой долг, погибли. Казнен отважный разведчик Рихард Зорге, погиб Николай Кузнецов...

Гаснет экран. Тишина. Звучат слова: «Почтим память отдавших жизнь за Родину минутой молчания». А затем на сцену приглашается группа руководящих и оперативных работников Управления КГБ при Совете Министров Казахской ССР по Кустанайской области. Волнуясь, поднимаясь на трибуну. Рассказываю о сложной обстановке, сложившейся в Кустанае в 1918—1919 годах, о рождении ЧК в уезде в бурное время, об ее первых председателях — Эльбе, Грушине, Кошелеве, о раскрытии шпионского заговора Шиллинга... Мы гордимся,— сказал я,— тем, что во главе Кустанайской Чрезвычайной комиссии стояли такие люди...

О работе Кустанайских чекистов в годы Великой Отечественной войны рассказывал майор А. И. Шойдин. Он поделился своими воспоминаниями о том, как был выявлен и разоблачен агент — диверсант немецкой разведки Курдин. За эту операцию. А. И. Шойдин был награжден именным боевым оружием.

Ушли в прошлое фронты Великой Отечественной войны. На землю пришел мир. Но остались невидимые фронты тайной войны, которую против СССР и других социалистических стран ведут империалистические раз-

ведки. О работе сотрудников государственной безопасности в послевоенный период рассказал майор Ф. М. Божко. В эти годы кустанайскими чекистами был разоблачен изменник Родины Ямолутдинов, предавший национального героя татарского народа Мусу Джалиля, разыскан крупный государственный преступник Колесников и другие.

Рассказ о делах чекистов Кустаная в послевоенный период был дополнен еще одним интересным примером. Всем хорошо известно о героическом подвиге краснодонских подпольщиков «Молодая гвардия». Героев этих мы видели на экране кино и на сцене театра, они воспеты во многих стихах и песнях, им посвящен замечательный роман А. Фадеева. И все же эти произведения еще не полностью отражали истину. Фадеев говорил, что он «писал не подлинную историю молодогвардейцев, а роман, который не только допускает, а даже предполагает художественный вымысел». К тому же роман создавался в то время, когда ряд фактов деятельности подпольной комсомольской организации еще не был известен. Воспроизвести историческую правду о краснодонцах помогли чекисты Кустаная, разыскав на территории области матерого преступника Василия Подтынного. Бывший лейтенант Красной Армии, Подтынный в 1941 году сдался в плен фашистам и добровольно перешел к ним на службу. Во время оккупации Краснодона он был комендантом полицейского участка, а затем заместителем начальника городской полиции. Подтынный сыграл немаловажную роль в кровавой расправе над героями «Молодой гвардии». Он руководил арестами отважных подпольщиков, лично допрашивал Сергея Тюленина, зверски избивал его. Боясь ответственности за совершенные злодеяния, в феврале 1943 года Подтынный бежал с немцами. Оказавшись на территории Одесской области, освобожденной от оккупантов, при регистрации в советских органах он изменил отчество, год и место рождения, и получив документы с измененными данными, скрывался в течение пятнадцати лет, пока его не нашли чекисты Кустаная. Судебное следствие по делу Подтынного, проведенное по месту совершения преступления, позволило уточнить многие факты деятельности подпольной организации «Молодая гвардия». Они вошли в основу новой книги «Это было в Краснодоне», вышедшей из печати в 1963

году. Автор книги — секретарь Краснодонского горкома комсомола К. П. Костенко⁴.

Рассказ чекистов был воспринят молодежью с большим интересом⁵.

Годы идут. Кустанайская область за большие достижения в народном хозяйстве дважды (в 1966 и 1970 гг.) удостоена высокой награды Родины — ордена Ленина. Она стала крупной житницей страны. Четвертую часть казахстанского хлеба дает стране Кустанай. Великое счастье жить на такой земле, в краю героев борьбы и труда.

ДИРЕКТИВЫ ЦЕНТРА

¹ С. Бейсембаев. Ленин и Казахстан. Изд. Института истории партии при ЦК КП Казахстана, Алма-Ата, 1968, с. 83.

² История Казахской ССР, изд-во Академии наук Казахской ССР, Алма-Ата, 1963, с. 50.

³ Документы истории гражданской войны в СССР, т. 1, М, 1940. сс. 63—64.

⁴ Они встречались с Лениным. Алма-Ата, «Казахстан», 1968, с. 118.

⁵ Там же, сс. 118—119.

⁶ Борьба за власть Советов в Кустанайских степях, с. 18.

⁷ Известия ВЦИК № 54 от 22 марта 1918 г.

⁸ Отчет ВЧК за 4 года ее деятельности, М., 1922, сс. 16—18.

⁹ Тургайский областной съезд Советов. Казахское краевое изд-во, Алма-Ата — Москва, 1936, с. 56.

¹⁰ Борьба за власть Советов в Кустанайских степях, с. 28.

¹¹ Кустанайский областной Госархив (КОГА), ф. 1, оп. 1, д. 104, сс. 88—89.

¹² Борьба за власть Советов в Кустанайских степях, с. 35.

¹³ Там же, сс. 35—36.

¹⁴ А. Тлеулиев. Ответный удар. В кн. «Не жалея жизни», изд-во «Казахстан», 1977, с. 10.

¹⁵ Партархив Института истории партии при ЦК КП Эстонии, ф. 25, оп. 1, д. 97, л. 2, ф. 25, оп. 2, д. 355, сс. 2—3, 7; ф. 24, оп. 2, д. 84, лл. 1—3.

¹⁶ Под знаменем ленинских идей. Алма-Ата, «Казахстан», 1973, с. 100.

¹⁷ Там же, с. 106.

ЗАГОВОР БАРОНА ШИЛЛИНГА

¹ КОГА, ф. Р-109, оп. 1, д. 14, св. 1, лл. 80, 239.

² КОГА, ф. Р-109, оп. 3, д. 14, л. 242.

¹ ЦГА КазССР, ф. 25, оп. 1, д. 357, л. 6(об.)

² ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 1, д. 2098.

³ К. Тогузаков. Сібір Омар. Алма-Ата, Казгослитиздат, 1959, с. 7.

⁴ Казахстан в огне гражданской войны. Алма-Ата, Казгосиздат, 1960, с. 306.

⁵ Кустанайский областной историко-краеведческий музей; рукописный фонд, д. 150, с. 84.

⁶ М. В. Кожевников. История советского суда (1917—1956 годы), Госюриздат, М., 1957, с. 43.

⁷ М. Сапаргалиев. Возникновение и развитие судебной системы Советского Казахстана. Изд-во «Казахстан», Алма-Ата, 1971, с. 105.

⁸ Там же, сс. 105—106.

ПЕРЕВОРОТ

¹ Алиби Джангильдин. Документы и материалы. Алма-Ата, 1961, с. 51.

² Там же, с. 98.

³ М. А. Виенко. Кустанайский отряд. Воспоминания командира. Объединение государственных издательств, Среднеазиатское отделение, Москва-Ташкент, 1933, с. 14.

⁴ Борьба за власть Советов в Кустанайских степях, с. 49.

⁵ К. Тогузаков. Омар Сибирский, роман в стихах. Алма-Ата, изд-во «Жазушы», 1969, с. 169—170.

КАК БЫЛО...

¹ Чекисты Казахстана. Изд-во «Казахстан», Алма-Ата, 1971, сс. 125—127.

БАЛТИЙСКИЙ МАТРОС

¹ П. Пахмурный. Коммунистическая партия — организатор партизанского движения в Казахстане. Изд-во «Казахстан», Алма-Ата, 1965, с. 203.

² Там же, с. 203.

³ И. Ф. Плотников. Героическое подполье. М., «Мысль», 1968, с. 234.

⁴ Борьба за власть Советов в Кустанайских степях, с. 139.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, сс. 354—355.

⁶ Борьба за власть Советов в Кустанайских степях, с. 13.

⁷ Там же, с. 121.

⁸ Там же, сс. 160—161.

⁹ П. Пахмурный. Коммунистическая партия — организатор партизанского движения в Казахстане, с. 236.

ДЖАНГИЛЬДИН В КУСТАНАЕ

¹ Алиби Джангильдин. Документы и материалы. Казгосиздат, Алма-Ата, 1961, с. 67.

² Там же.

³ Там же, с. 52.

⁴ Там же, с. 54.

⁵ Там же, с. 56.

⁶ Там же, сс. 60—61.

⁷ Борьба за власть Советов в Кустанайских степях, с. 144.

⁸ Там же, с. 145.

⁹ Парта́рхив Че́лябинского ОК КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 7, л. 8.

¹⁰ КОГА, ф. 389, оп. 1, д. 65, л. 12.

¹¹ Парта́рхив Че́лябинского ОК КПСС, т. 1, оп. 1, д. 166, св. 9, лл. 745—746.

ПЕРВЫЕ ДЕЛА ЧК

¹ КОГА, ф. 237, оп. 1, д. 34-а, л. 5.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., том. 38, с. 399.

³ Там же.

ДЕЛО ПОРУЧИКА

¹ КОГА, ф. 613, оп. 1, д. 6, с. 13.

УДАР ПО ЭСЕРАМ

¹ История коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. 1, сс. 21—22.

² Д. Л. Голинков. Крушение антисоветского подполья в СССР. Изд-во политической литературы, М., 1975, с. 573.

³ ЦГА СССР, ф. 148, оп. 1, д. 23, л. 34.

⁴ КОГА, ф. Р-389, оп. 1, св. 1, л. 1.

⁵ Там же.

КАК БЫ НИ СКРЫВАЛСЯ

¹ Борьба за власть Советов в Кустанайских степях, с. 83.

² Там же, сс. 84—85.

³ «Степной крестьянин», № 29 от 15 февраля 1925 г.

¹ Партархив Кустанайского ОК КП Казахстана, ф. 24, оп. 1, д. 28, л. 2.

² Д. Л. Голиков. Крушение антисоветского подполья в СССР, с. 523.

³ Там же, с. 647.

В ЛОГОВЕ БАНДЫ

¹ КОГА, ф. Р-9, оп. 2, д. 1, л. 21.

² Партархив Кустанайского ОК КП Казахстана, ф. 1, оп. 2, д. 35, л. 99.

ЧОН В ДЕЙСТВИИ

¹ КОГА, ф. 9, оп. 2, д. 19, л. 176.

² КОГА, ф. 9, оп. 2, д. 20, л. 57.

³ Там же.

ТАЙНЫЕ ХРАНИЛИЩА

¹ Кустанайский облпартархив, ф. 24, оп. 1, д. 28, л. 4, 43.

² Там же, л. 43.

³ Там же, л. 43.

⁴ Там же.

ЧЕКИСТ ТОКАРЕВ

¹ Макан Джумагулов. «Орлы гибнут в вышине». Роман, изд-во Жазушы, 1965, с. 433.

² М. Каратаев и К. Алтайский. «Гудок в степи». Казгосидат художественной литературы, Алма-Ата, 1961, с. 261.

ДОРОГАМИ ОТЦОВ

¹ А. Малыгин. Рыцари революции (в кн. «Чекисты», изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1970, с. 6).

² Там же.

³ Цит. из кн. «Чекисты», с. 126.

⁴ К. П. Костенко. «Это было в Краснодоне». М., изд-во «Молодая гвардия», 1963.

⁵ «Ленинский путь». Рассказывают чекисты, 31 марта 1973 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	4
Директивы центра	7
Заговор барона Шиллинга	16
Председатель ревтрибунала	22
Переворот	29
Как было...	34
Балтийский матрос	38
Джангильдин в Кустанае	46
Председатель уездной ЧК	51
Первые дела ЧК	59
Дело поручика	64
Удар по эсерам	71
Дело «Сорокасемидворников»	76
Возмездие	81
Как бы не скрывался...	85
«Эвакуация»	89
Помог случай	93
«Сделка»	99
В логове банды	106
ЧОН в действии	118
Тайные хранилища	124
Чекисты Токаревы	131
Дорогами отцов	143
Примечания	147

